

Анатолий Третьяков

избранное

Красноярск 2019

ББК 84(2=411.2)-5
Т66

*Редактор-составитель благодарит
Сенченко Константина Владимировича
и Девяшина Александра Викторовича
за помощь в издании книги*

Третьяков, Анатолий Иванович
Т66 Избранное : Стихотворения. — Красноярск :
ИП Феньков С. С., 2019. — 352 с.

ББК 84(2=411.2)-5

Редактор-составитель: Метальникова Л. В.
Корректор: Леонтьев А. В.
Вёрстка: Феньков С. С.
Обложка: Ломакин А. Г.

Третьяков Анатолий Иванович родился в 1939 году в г. Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКе и Литературном институте им. А. М. Горького. Автор тринадцати сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и др. городов России. Член Союза писателей России с 1979 г. Лауреат Пушкинской премии Красноярского края 1999 г. Автор слов официального гимна г. Красноярска. Действительный член Академии Российской литературы с 2009 г. Автор текста оратории композитора Олега Проститова «Суриков — сын земли красноярской»

ISBN 978-5-6042367-2-7

© Третьяков А. И., 2019. Все права защищены.

© Феньков С. С. и его лицензиары, 2019. Все права защищены.

БЕССМЕРТИЕ

А может, оваций не надо?
Полезней бессмертие строк.
Анатолий Третьяков

«Чистое утро. Светлый лес виднеется краешком. Полыхает новоцветье садов, отражаясь белыми искрами в огромном зеркале кристально-прохладного весеннего озера... Россия! Год одна тысяча девятьсот сорок седьмой.

На заимке Солдатово, что под Минусинском, в большой деревенской избе живет мальчик с ясными глазами; сочиняет стихи и старательно переписывает их в тетрадку.

Отец мальчика — художник, прошедший огонь Великой Отечественной войны, — репрессирован... после Победы. Мама — Герой Социалистического Труда — работает в колхозе звеньевой.

Неожиданно в нашу глубинку собирать материал для очерка о трудовой Сибири приезжает московский

журналист, работающий в журнале «Крестьянка». Естественно, он не обходит вниманием и восьмилетнего поэта, уже выступающего со своими стихами, «прославляющими передовых людей», в местных клубах после колхозных собраний, хотя истинное признание среди деревенских жителей получают все-таки его частушки (порою лирические, а порою и довольно едкие), которые распевает вся округа.

...Журналист увез стихи мальчика в Москву. На детских стихах он и построил свой очерк...

Во всесоюзной «Пионерской правде» публикуется первое стихотворение Толи Третьякова... Поэт поступает в Красноярское речное училище; печатает свои первые «взрослые» стихи в «Красноярском комсомольце»; знакомится с другими начинающими поэтами: Александром Щербаковым, Львом Тараном, уже «маститым» Зорием Яхниним.

После службы в армии Анатолий Третьяков «уходит» в Москву, где поступает на сценарный факультет ВГИКа; едет за сценарием на Абакан — Тайшет, работает дорожным рабочим, помощником машиниста тепловоза — и пишет стихи, потому что... **ПОЭЗИЯ** — это **СУДЬБА**. Потому что — **ПОЭТАМИ РОЖДАЮТСЯ!**

«Не ищите в его стихах прямых аналогий с причудливой биографией: зеленый побег непохож на зерно, а цветы — на зеленый стебель. Но и в зерне, и в стебле, и в цветке пульсирует кровь земли — русской земли, которую Анатолий Третьяков любит по-крестьянски истово», — сказал о его поэзии Вячеслав Назаров. Однако любые «причуды биографии», которые, вероятно, также предопределены **РУССКОМУ ПОЭТУ** свыше, только помогают ему реализовать свой талант, данный **БОГОМ** и **РОДИТЕЛЯМИ**.

Так или иначе, но рукопись стихов Третьякова, написанных во время «работы над сценарием», в 1965 году будет отдана в приемную комиссию московского

Литературного института. В 1972-м выйдет первая книжка его стихов «Цветы брусники». Далее — «Марьины корни», «Птицы над водой», «День сквозь деревья», «Пора моих дождей»... В 1998 году в серии «Сибирская поэзия» вышел поэтический сборник Анатолия Третьякова «Ковчег».

Поскольку автор данного очерка-эссе о жизни и творчестве А. И. Третьякова не мог поставить во главу угла некие свои размышления о том, почему в наше «золотое время» столь редко издают ПОЭЗИЮ (наверное, по тем же самым причинам, по которым и раньше почти не издавали, и имя этим причинам — легион, в т. ч. «легион пишущих»), мы с вами просто продолжим разговор о ПОЭТЕ. Разговор с ПОЭТОМ.

— Анатолий Иванович в ваших стихах, сложенных и давно, и недавно, не найдешь никаких «идеологических прикрас». И сколько бы ни пытались привить нам в прошлом, что любовь к Родине, любовь к земле Русской вполне можно приравнять к служению какой-либо партии, этого, слава Богу, не получилось, да и не могло получиться. Вы всегда были, скажу так, чистым лириком. Значит, можно было не восхвалять партию и правительство и раньше, а просто слагать стихи?

— Конечно, можно.

— А быть может, это все-таки зависит от конкретного человека? К примеру, кто-то хочет выслужиться, получить какие-то материальные блага, в том числе и блага издательские, и поет осанну любой власти.

А чистая поэзия — это всё-таки исключение из «обще-принятых» правил?

— Дело в другом. Насколько профессионально написано то или иное стихотворение. К примеру, когда-то мне «пришили», что в стихотворении «В России вечно ждут кого-то и не дождутся до сих пор» (написано в 1961 году. — А. М.) я «ищу нового царя». Его нигде не печатали...

— Так что, даже в лирике бывают «запрятанные строчки», и вечное «поэт-гражданин» неразделимо с «гражданин-поэт»?

— Да, наверное. Наверное, даже в самые трудные для России времена, когда всё вокруг забито чёрными письменами, душа русского человека, уставшая и в который уж раз переболевшая, ищет хотя бы глоток чистого воздуха. Времена не выбирают; времена меняются. Русское поле великой поэзии вечно. Цветы всё равно рано или поздно пробивают асфальт.

Отдавая дань классическому жанру ЖЗЛ, вероятно, нужно было бы подробно рассказать о знакомстве и совместной учебе Анатолия Третьякова с Николаем Рубцовым, с Александром Вампиловым, с Наумом Коржавиным, с Леонидом Мартыновым, с другими известными писателями и поэтами, подробно поведать о дружбе поэта с Валентином Распутиным или даже о его «родственном знакомстве» с Сергеем Наровчатовым, однако нарушу данную традицию биографических повествований. За небольшим исключением: поэзию Третьякова всегда высоко ценил Виктор Петрович Астафьев, с которым также хорошо был знаком Анатолий Иванович. Хотя, с моей точки зрения, безумно сложно оценить простыми словами поэтическое искусство, ибо сама поэзия, если повторить определение из одной работы Николая Гумилева, — это «лучшие слова в лучшем порядке». Даже если похвала, несомненно, приятная для любого, в том числе и профессионального

поэта, исходит от классика или, тем паче, от «всё и вся понимающего» литературного критика. Поэзией надо жить, её надо чувствовать. Поэзия, вне всяких сомнений, единственный жанр, говоря о котором без салонно-эстетских изысков (вспомните, к примеру, слюнявое обсуждение поэзии Сергея Есенина в богемных салонах), можно сказать: эти стихи мне нравятся, а эти, например, не нравятся. Дорого, когда подобное говорит читатель, каких у нас в России миллионы...

На стихи А. Третьякова написаны прекрасные романсы «Судьба», «Прощаться с августом пора» (муз. А. Ефимовского), к его творчеству обращаются художники (В. Кудринский и др.), его поэзию прекрасно знают ценители поэтического слова, филологи, учителя русского языка и литературы... Наверняка когда-нибудь стихи Анатолия Ивановича Третьякова будут изданы и «собранием сочинений». Но будет гораздо лучше, если мы будем издавать Поэзию сегодня... Ибо истинный поэтический свет если и не может отогреть (напоить, накормить) взрослых людей, то наверняка

В усадьбе Тараса Шевченко с поэтом Миколой Негодой

не даёт полностью заморозить души подрастающих ребятешек. Только его — настоящего света! — должно быть очень много! Кто знает, может, он и поможет найти выход из того нравственного тупика, куда нас старательно на протяжении многих и многих лет пытались завести, зачастую заслоняя, вытесняя истинные лучи Поэзии юпитерами ложных солнц.

Сложно представить, что приходится переживать творческим людям, каждой клеточкой чувствующим кошмары смутного времени, что приходится противопоставлять ураганам революций, крушащих всё на своем пути. Что? Листочек бумаги с написанными на нём «лучшими словами в лучшем порядке»? Однако листочек этот держится. Держится и не уступает даже самому страшному ветру. И — ураган отступает. Светлый лес виднеется краешком...»

Это — фрагмент предисловия к сборнику стихов Анатолия Третьякова «На ладонях моей земли» (2007), написанного вашим покорным слугой. Первый «большой» (аж на 350 страниц!), безусловно, знаковый, сборник моего учителя, который составила Анжела Константиновна Третьякова, помог издать мой родной брат, московский адвокат Михаил Мещеряков. Конечно же, я не мог не воспользоваться «родственными связями» — и прислонился к поэтической славе Анатолия Третьякова, ведущего Поэта Красноярского края, написав сие эмоциональное предисловие. Потому что мне повезло стать ЧИТАТЕЛЕМ Третьякова.

Я называю Анатолия Ивановича учителем, ведь именно он учил меня, как «не надо писать стихи». Потому что, по его глубокому убеждению, научить «писать» стихи невозможно. И — уже по моему мнению — невозможно рассказывать «про стихи». Поэзию надо читать. Поэзию надо чувствовать. Поэзию надо понимать.

На открытом уроке в красноярской гимназии № 2

В конце 1980-х я познакомился с Анатолием Ивановичем Третьяковым и впервые прочёл его стихи, причём — почти все и — подряд. Тогда же, потрясённый, посвятил ему своё стихотворение «Уроки риторики». Стих слабенький, больше — альбомный, но он — единственный, к сожалению, с посвящением Анатолию Ивановичу. (Правда, запомнилось, за строку «На ноги мои клюют пескари» я всё же заслужил похвалу мэтра.) Как-то вот не ладилось у меня с «посвящениями»...

УРОКИ РИТОРИКИ

Анатолию Ивановичу Третьякову

*Две ночи не спал
(а мог бы и три).
Огромнейший зал —
и небо внутри.*

*Нежданный восход,
плывущий ко мне.
Лавин вешних сход.
...Рот полон камней.*

*Мыча, говорил;
оратор, артист.
Он мне подарил
тетрадный лист!*

*Глотнул кислород.
Грусть синей реки,
живых сильных вод...
Опора руки...*

*— На ноги мои
клюют пескари.
— Ты там не тяни,
давай говори.*

*Чурался и был
отъявленный мим.
Но вырвался в быль
собою самим!*

*В Ковшах — звёзд — Весов...
Две ночи читал.
Нежданных стихов
огромнейший зал.*

Десять лет Анатолий Иванович терпеливо ОБЪЯСНИЛ мне, «что такое хорошо, а что такое плохо» — в поэтическом творчестве. На примерах моих «виршей», естественно, которыми за эти годы я регулярно нагружал Мастера.

Терпение и труд... И — в 1999 году я победил на межрегиональном семинаре, который проводили в

Красноярске Валентин Васильевич Сорокин и Владимир Мефодьевич Башунов. Что и стало моей путёвкой (рекомендацией) в Союз писателей России. Вторую рекомендацию мне — как поэту уже — дал Анатолий Иванович Третьяков. Третью (как публицисту) — Анатолий Ефимович Зябрев, дай Бог ему здоровья. В июне 1999-го Валерий Николаевич Ганичев в Москве вручил мне членский билет Союза писателей России.

Почти двадцать лет спустя, в 2016-м, Анатолий Иванович рекомендовал в наш Союз писателей и моего старшего сына Алексея А. Мещерякова. «Дюма». «Отец и сын». Так в шутку он нас называл...

Муза Поэта

«Поддержка и опора» Поэта и Человека, родного Анатолия Ивановича Третьякова, были у нас всегда... Все эти годы... Как могли, мы тоже старались ему помогать. Правда, наша помощь была мизерной, а порою и не нужной вовсе. После смерти Анжелы Третьяковой ангелом-хранителем Поэта стала Людмила Метальникова. Благодаря ей увидели свет книги Анатолия Ивановича Третьякова «Галерея», «Встречные поезда», «Предзимье», «Время — гениальный часовщик», «Под парусом судьбы моей».

К 80-летию А. И. Третьякова она собрала итоговую книгу стихов «Избранное». Людмила Васильевна Метальникова сделала всё возможное и невозможное, чтобы её муж и великий Поэт увидел свою книгу, сверстанную уже, готовую к изданию. Увы, подвели городские чиновники, в самый последний момент не

профинансировав издание книги автора официального гимна города Красноярска Анатолия Третьякова. Не время и не место, да и ни к чему их корить, им и так нелегко в их сложной бюрократической жизни. Узнав, что выход «Избранного» был сорван, мы обратились за помощью к депутату Красноярского городского совета Константину Владимировичу Сенченко. Благодаря ему «Избранное» сейчас и увидело свет. (В 2013 году за помощь в массовом издании книг для детей правление Союза писателей России наградило К. В. Сенченко почётной грамотой — за подписью В. Н. Ганичева. А в прошлом году благодаря «нашему Косте» тысячи красноярских ребятишек получили коллективный сборничек «Стихи для детей» (для дошкольного и младшего возраста), в который вошли и стихи А. И. Третьякова. Ведь и для детей Анатолий Иванович написал немало. А к Восьмому марта (дню рождения Поэта) депутат Сенченко в подарок красноярским женщинам издал великолепный поэтический буклет «Я встретил Вас...», составленный из хрестоматийных стихов лауреата Пушкинской премии Анатолия Ивановича Третьякова.)

*Зря жизнь стремится поскорее
Всё зачеркнуть, что было прежде, —
Стихи, как голос, не стареют, —
И подают сердцам Надежду,
И Веру, и Любовь! И в трепет
Их вводят строки — хоть сто лет им!
Они подмену чувств не терпят!
И никогда не канут в Лету:
Как соловьёв ночные трели,
Как поцелуй, как первый вальс!
И до сих пор не устарели:
«Я Вас любил», «Я встретил Вас»...*

Завершает празднично изданный поэтический буклет альбомного формата стихотворение «Полдень», посвящённое Людмиле Метальниковой:

*Полдень. Воздух раскалённый
Над избушкой.
В ней темно,
Словно шторую зелёной
Занавесил хмель окно.
Тишина здесь и прохлада —
Хоть останься с ночевой!
Ничего-то мне не надо,
Ну ей-богу — ничего...
Лишь бы только не кончались
Эти солнечные дни.
От всех бед и от печалей
Пусть меня спасут они.
...Поле, дачи, огороды,
Нивы, в зелени холмы.
Нет! Ещё жива природа —
Значит, будем живы мы!*

В ночь перед смертью Анатолия Ивановича я долго разговаривал с Людмилой Васильевной Метальниковой по телефону. Она сказала, что Анатолий Иванович признался ей:

- Только что я разговаривал с Богом.
- Наверное, с ангелом-хранителем...

К утру Анатолий Иванович Третьяков умер.

...Людмила Васильевна рассказала, что, кроме «Избранного», написано «ещё на небольшую книжку». До самого последнего своего часа Анатолий Третьяков писал стихи.

Поэтами рождаются. Поэты умирают. Поэзия не умирает никогда.

Светлая тебе Память, дорогой наш Анатолий Иванович! Мы всегда будем тебя помнить. Мы будем читать твои стихи своим детям и внукам.

Твоё «Избранное» — это начало. Мы обязательно издадим и твоё ПСС. Обязательно.

*Алексей Н. Мещеряков,
руководитель комиссии по культуре
Общественной палаты города Красноярск первого созыва,
первый секретарь правления
Красноярского регионального отделения
Союза писателей России*

*Председатель Союза писателей России
Николай Фёдорович Иванов распорядился выдать
Третьякову Анатолию Ивановичу писательский билет
нового образца – посмертно.*

РОССИЯ

В деревенской большой избе,
Где всем вместе и чёрт не страшен,
Выбрать есть из кого судьбе
И для космоса, и для пашен.

В той избе, где живая речь,
Где сдружились песня и сказка,
Как корова, русская печь
Так и дышит теплом и лаской.

В деревенской большой избе —
В фотографиях вся эпоха,
Где хоть помнят, как звался дед,
Где хоть тайно, но чтили Бога.

В деревенской большой избе,
Где твоих сыновей растили
Без высоких слов о тебе, —
Твой запас золотой, Россия!

...Сохнут крынки на городьбе,
И пелёнки победно реют.
В деревенской большой избе
Высыхают и слёзы быстрее.

* * *

По морю зимнему — след синий,
Чёрный даже!
Пока его не тронула кора.
А сверху кажется, что ледоколы пашут,
Идут по снегу, словно трактора.

Привычка совместить с земным понятием
Всё то, что мы увидим в высоте:
Во всём просторе этом необъятном
Привяжем хоть к одной земной черте.
И как бы ни грозна была картина,
Каким бы необычным ни был вид —
Воспоминанье, словно паутина,
Тебя опять с землёй соединит.
Внизу — не верится, что летом лёд растает...
А в небе — снова солнце нахожу,
Поэтому я в облаках витаю
И ледокольный след перехожу.

ПТИЦЫ НАД ВОДОЙ

Нет, не с радостью, а с бедой
Птицы кружатся над водой...
Птицы кружатся, не садятся.
Может, птицы воды боятся?

Может, выстрела ждут? А может...
Им никто теперь не поможет,
Потому что один из стаи
Без крыла — без неба оставлен.

...Дом мой выше реки построен,
И широкий двор мой просторен.
Можно жить в нём. Можно кормиться.
Улетайте спокойно, птицы!

* * *

В малины вязаную шапочку
Я вставил ягодку смородины.
Поставил всё это на яблоко —
И вышел шах — из сказки вроде бы.

Пусть не нашёл я выход творчеству,
И пусть не так уж стало весело,
Но я теперь не в одиночестве.
И чай в саду пьём с «шахом» вместе мы.

А над столом порхают бабочки,
В листве зелёной птицы тенькают.
Щенок лежит, как в лодке, в тапочке
И звонким лаем гонит тень свою.

* * *

Весна. Петух поёт с завалины.
И что ему до соловьёв!
Потом выводит на проталины
Семейство склочное своё.

Глядит из-под бровей насупленных,
Дымя сигаркою, наш дед
На то, как мы зимою купленный
Обкатываем велосипед.

Уже ручьи в канавах бесят.
Уже к высокому шесту
Прибита новая скворечница.
И не достать её коту!

И не сегодня-завтра вселятся
В неё законные жильцы.
И сразу принесут веселье
С собой пернатые певцы!

А мы уж в роще, как незрячие,
Обшариваем все кусты:
Коровью ищем шерсть — на мячики —
Мы их скатаем для лапты.

То, похватав в охапку шапки,
Мы всей гурьбой спешим за дверь —
До первых звёзд сражаться в бабки —
Игру, забытую теперь.

И почему всё это помнится?
И рад ты мелочи любой.
И мучает тебя бессонница,
Как будто первая любовь.

* * *

Над мартовским лесом
Все звёзды мои — и ничьи!
И весело рельсы
По снегу бегут, как ручьи.
От встречного поезда — южного —
Ветер теплей.
Как мне успокоиться,
Если весна на земле?
И лес снова юный
(Не верит он в зимние сны).

Там каплями лúны
То с ели летят, то с сосны...
Ночная Отчизна...
Кружение лесов и полей.
Я тысячу жизней
Прочёл бы в оконном стекле.
Какие бы лица
Увидеть мне было дано!
Придёт проводница,
Протрёт аккуратно окно.

СЛАВЛЮ Я ХРИСТА

Мне шесть лет всего, славлю я Христа:
«Рождество Твое, Христе, Боже наш...»
Я для этого — очень рано встал.
Посмотреть — так мне и пяти не дашь.

Битый час стоял под чужим окном.
Зажигать огня не спешил сосед.
А сосед у нас — главный агроном.
И других в селе агрономов нет.

А в доме его — пол в соломе весь!
От мороза он в дом приплод занёс:
И ягнята здесь, и телёнок здесь —
Словно в том хлеву, где рождён Христос.

У порога я, шапку сняв, стою.
Сыплю горсть зерна — ближе к курицам.
«Тебе веди с высоты...» — пою,
Но хозяин всё больше хмурится.

Громко так пою! Хоть и не артист.
До конца допеть всё ж не дали мне.
Ясно всё теперь: был он коммунист,
Член правления и так далее.

С конспирацией был сосед знаком —
И с рук на руки меня деду сдал.
Мог бы кто-нибудь сообщить в райком! —
За Христа б тогда агроном страдал...

Мне шесть лет всего. Славлю я Христа,
Но теперь уже в доме дедовом.
Главный агроном... Кем теперь он стал?
Может, нет в живых? Я не ведаю.

ГРУСТНЫЕ МОТИВЫ

Преодолевши лень и одурь,
Направив лодку в камыши,
Смотрю, за борт склонившись, в воду,
Как в глубину чужой души.

Там зеленеют глыбы света.
А вот где чистая вода,
Ну никого как будто нету —
И не бывало никогда!

Зато, лишь лодку обнаружив,
Затем, чтобы развлечь меня,
Мальки горстями серебрушек
Сверкают, чуть ли не звеня!

Я на мальков смотрю... Вот так же,
Толпой когда-нибудь влеком,
Среди домов многоэтажных
Себя почувствуешь мальком.

Жесток, как наш, он — мир подводный.
И хоть мальками полон пруд,
Но сколько их уже сегодня
Большие рыбины сожрут!

ОСЕННЕЕ ПОЛЕ

Памяти поэта Юрия Астафьева

Лучи над сжатой пшеницей...
Воздуха не согреть им.
И падает хищной птицей
На голое поле ветер.

Осенняя дрожь берёзок.
Листьев последних лепет.
А были над полем грозы
И тяжесть колосьев хлебных!

Пустынно теперь... Наверно,
Поле готово к снегу,
Во всём повинуюсь ветру,
Но всё же спеша к ночлегу.

Тучи, как гурт овечий,
Сходят с горы к низине.
Блеснёт скоро лёд на речках.
Осядет на травы иней.

Не сахаром — горькой солью!
И утром заря продрогнет.
Я — путник в осеннем поле.
По чёрной иду дороге...

* * *

И облака с узорной тенью,
И отражение раки,т,
И звёзд мгновенное паденье
Ночное озеро хранит.

Почти в условный час безмолвья —
Обманной этой тишины —
Проснулся я как с новой кровью:
Без горечи и без вины.

На дальний гром ночных полётов,
Ночным подлунным облакам,
И пассажирам, и пилотам
Махала весело рука!

Хоть я и знал, что взмах прощальный
Им не увидеть нипочём...
Свет от костра горизонтальным
Ложился на воду лучом.

Вбирая запах мха и сосен
И ягод пробуя настой,
Я счастлив был, когда в ту осень
В тайгу явился на постой.

Казалось там, что я не взрослый,
Что старость страшно далеко...
Мне часто снятся эти сосны
Под рёв ночных грузовиков.

* * *

Памяти С. С. Наровчатова

Как много горестных замет —
Всерьёз, надолго!
Не купишь в прошлое билет...
Да и что толку!

Пропало много в суете
Без звуков лиры...
Дворы московские не те.
Не те квартиры...

Талант, наверно, тот же фарт —
Не канет в Лету,
Как мокрый снег, как синий март,
Но суть не в этом...

Вдруг не повдоль, а поперёк
Встаёт фарватер.
Патрон, что на себя берёт,
В бою истратил...

Нет, не за то, что путь тернист, —
Из рамки — в раму...
И падает осенний лист
На чёрный мрамор...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся я опять к родным истокам...
За Енисеем — тёмные стога.
Болота смёрзлись. Полегла осока.
Вновь в жёлтых пятнах лиственниц тайга.

Она к Саянам снеговым уходит.
Подёрнуты протоки первым льдом.
Призывники с последним теплоходом
Надолго покидают отчий дом.

Когда-то сам вот так же расставался.
Тогда, смущая всё и вся окрест,
Прощальный вальс над нами в небо рвался,
В далёкий путь нас провожал оркестр.

Душа стремилась в дальние края.
Что реки, если море по колено?!
Так долго выбирались якоря,
А мы вперёд стремились откровенно.

Так медленно вдали терялся берег,
Так долго выходили на простор,
Так торопились в наше счастье верить,
Так много лет прошло уже с тех пор...

Казалось бы, что всё должно стереться
И порости былъём, уйти во тьму.
Но почему так гулко бьётся сердце
И подступают слёзы? Почему?

ПЕРВОМАЙ (воспоминание)

Надо всем транспаранта лóскут
И призывы к Первому мая.
А на мне рубашка в полоску —
У меня одного такая!

Хоть вручную она пошита,
Но материя издалёка...
Год назад война завершилась
И на западе, и на востоке.

Мужиков вернулось не много.
Раньше всех пришли инвалиды.
А на Родине, слава Богу,
Умереть — и то не обидно.

Первомай для солдат, хоть праздник, —
Для пивка лишь и для беседы.
Но за ним наступает сразу
Главный праздник их — День Победы!

Ну а мы Первомай встречаем,
Как встречают все жизнелюбы.
Мы вполне обходимся чаем
Или квасом — в кармане рубль!

В нас живёт оптимизм природный.
Первомай — не сидеть за партой!
Он же — праздник международный,
Что-то вроде Восьмого марта.

Будет музыка до обеда...
После будет играть гармошка.
Мы дождёмся и Дня Победы —
Остаётся совсем немножко!

ГАРНИЗОН

День ушёл за горизонт.
Потемнели горы.
Затихает гарнизон,
Быть отбою скоро.

Только что мне до команд?
Я здесь гость почётный!
Хоть давно военкомат
Снял меня с учёта.

Почему в душе звенят
Марши? Сам не знаю...
И откуда у меня
Бодрость показная?

Здесь на танцах твист и шейк...
Веселись, пехота!
Как бы я не стал, как Швейк,
Бравым идиотом!

ВОТ И ПРОШЛА ПОРА МОИХ ДОЖДЕЙ

Вот и прошла пора моих дождей.
В бору темно, серебряно и сыро.
Утихла боль, пришёл конец вражде.
И перемирье обернулось миром.

Восходы гаснут на сыром ветру.
И золотая тина перелеска
Лежит в реке, недвижимой поутру, —
В реке, туманом вытертой до блеска.

Здесь скоро лёд надёжно зазвенит.
На листья упадёт холодный иней.
И выйдет солнце в пасмурный зенит,
И зимним взором край лесной окинет.

Придёт метель — опальная княжна,
И жалуясь, и гневаясь, и мучась...
И длинная повиснет тишина.
И вековой окажется дремучесть.

* * *

Классический русский пейзаж...
Осеннее русское поле.
Ты душу за это отдашь,
Хоть сам загрустишь поневоле.

Желтеет трава у дорог,
И роща уже золотая,
Но воздух над нею продрог.
И вдаль журавли улетают.

Лишь путник посмотрит им вслед.
И все его думы — про осень.
И словно здесь тысячу лет
Веселья и не было вовсе!

А тучи как будто бы спят,
И в них горизонт затерялся.
Но как я хочу, чтоб опять
Пейзаж этот вновь повторялся.

* * *

Пора, ямщик, гони!
А. С. Пушкин

Вода проточит камень.
Ночь позовёт зарю.
Я дни свои на память
Кому-то подарю.

Они сгорят, как спичка,
Останется зола.
А ты их по привычке
Небрежно так взяла.

Бери, бери да помни,
Что жизнь их коротка.
Вон золотые кони
Сминают облака!

Ты проживи красиво
Подаренные дни.
Как вьются ленты в гривах!
«Пора, ямщик, гони!»

Где мы с тобой встречались,
Гнездо там ворон свил.
А мой ямщик печален,
И кнут его — в крови.

* * *

Какие я травинки не покусывал
И на каких полянах не лежал!
В родное небо я смотрел без усталости —
Другого неба в жизни не желал!

А вот туда, где блага обещали,
Опаздывал на год, на полчаса.
И возвращался. И меня прощали.
И встать просили эти небеса!

Мне солнце облака не заслоняли,
И жар земли я чувствовал спиной.
Как золотые лебеди, склонялись
Пшеницы спелой стебли надо мной.

Спешили птицы звоном день наполнить.
И если я в последний раз споткнусь,
Лицом к родному небу — чтоб запомнить —
Я даже после смерти повернусь!

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

А. Ефимовскому

Прощаться с августом пора.
Уходит солнце раньше с просек.
И силы пробуют ветра,
И собирает тучи осень.

Туман с восходом не спешит
Покинуть сонное болото.
И каждый лист уже прошит
По краю первой позолотой.

Прощаться с августом пора.
Ах, если б только с ним проститься!
Но то, что кончилось вчера,
Уже не может повториться.

Холодным светом по ночам
Залиты до краёв ложбины,
Тревожно птицы прокричат
И смотрят в сторону чужбины.

А утром ягоды с росой
На землю опадают вместе.
И вдаль с закатной полосой
Уйдёт последний летний месяц.

Мрачнее станут вечера.
Начнется дождь, чтоб не кончатся.
Прощаться с августом пора,
И с сентябрём пора встречаться.

* * *

Как долго я дома не был,
Мотался по всей Руси.
Зелёные звёзды в небе —
Как огоньки такси.

Дороги по небу синему
Намного короче. Оно —
Над каждым селом России
В размерах повторено...

Спят сёла. Так светел сон их,
Пока не споют петухи!
И как в микрофон — в подсолнух
Парнишка прочтёт стихи.

В постиранной белой рубаше,
Певец своих северных звёзд,
Навеки, как к пашне пахарь,
Он к этому небу прирос.

Как долго я не был дома,
Всё видится мне в ночи:
Сыплются, как солома,
С полдневного неба лучи.

* * *

Пока я над стихами плачу
(Порой случается со мной),
Наверно, что-нибудь да значу —
Поэзия тому виной.

Но плачу я не над своими
Стихами — это не беда.
Ещё не состоялось имя,
А голова уже седа!

Возможно, что строкой последней,
А может, первой — как тут знать? —
Я в книгу, словно в заповедник,
Вас позову стихи читать.

* * *

И зацветают мхом ворота,
Сугробов белых полон двор.
Но в этом доме ждут кого-то
И не дождутся до сих пор.

Кто он? Солдат, давно погибший?
Иль сын, не помнящий родства?
Но всё ж под крышею прогнившей
Надежда светлая жива.

Всё так же сердце верить хочет,
И не проходит боль души.
И как по нём тоскуют очи!
А он явиться не спешит.

И зацветают мхом ворота,
Сугробов белых полон двор.
В России вечно ждут кого-то —
И не дождутся до сих пор.

* * *

Я мог в те недолгие годы
Любить, целовать, ревновать
И всё — от судьбы до погоды —
По взорам твоим узнавать.

Но всё это кончилось разом.
Ты только являешься в сны.
И мечутся сердце и разум
От этой до этой стены.

И радость короткая наша
Сменилась на долгую грусть.
И фразы цветным карандашиком
Я, как приговора, боюсь.

И всё же словам я не верю,
Как домыслу, как ворожке.
Открыты для всех мои двери,
А сердце открыто тебе.

Ты знаешь, что ждать тебя буду.
И верю, что встретимся мы.
Рукой заслонюсь на минуту,
Как вышедший к свету из тьмы.

* * *

Твой рыцарь по-прежнему в латах,
Хоть даль перед ним нелегка.
Твой рыцарь в больничных палатах —
Сырая болотная мгла.

Приди успокоить мне душу,
Сомненья мои усыпи.
Мольера тиранят кликуши,
Сервантес сидит на цепи.

Скажи мне, что так не бывает,
И, словно в бреду, я кричу:
«Не знаю, не знаю, не знаю...
Не знаю — и знать не хочу!»

* * *

Мне расставаться — хуже плахи.
Ещё вчера
Мороз влезал в мои рубахи,
Развешанные средь двора.

В сибирской бане жарко парился.
И под луной из серебра
Я целовался, заговаривался
Ещё вчера...

Мои не позабыты слёзы,
И встречи те, и вечера.
Но всё равно увяли розы
Ещё вчера...

РАЗМОЛВКИ

Как мне размолвки надоели!
Меня толкали в дверь, визжа.
Рубахи вслед за мной летели,
Кружась, с шестого этажа.

Они махали рукавами —
Потом их дворник подберёт.
Какими страшными словами
Сопровождался их полёт!

Без чемодана, даже сумки,
То летом, то среди зимы
Я уходил. То через сутки,
То через год мирились мы.

Я и сейчас проснусь от страха,
Когда приснится, что, кружа,
Летит, летит моя рубаха
За мной с шестого этажа.

БЕРЁЗЫ

Всего не понимая в эту пору,
Я всё же дожидаясь той поры,
Когда берёзы всё уходят в гору,
А может быть, спускаются с горы.

Лишит их зелени, а после позолоты
Холодный ветер. Разом белизна
Снегов падёт на крыши и заплоты.
Берёза будет всё равно видна!

Они пройдут — морозы и метели.
И снова будет небосвод высок.
Прислушаюсь: берёзы зашумели.
Опять в них загудел весенний сок!

Особенно люблю их в эту пору,
Всю зиму жду я солнечной поры.
С берёзами иду я вместе в гору.
С берёзами спускаюсь я с горы.

КЕДРЫ

Художнику Тойво Ряннелю

Здесь ночью
Над сломанной рощей,
Меж скал и расселин,
Красиво и мощно

Зелёные птицы расселись.
А утром впервые
Поднять не сумели их крылья,
И когти кривые
Корнями под камнями скрылись.
За бурю ветры
На облаке весело мчались.
Не птицы, а кедры
Уже не летели — качались.
Я лёг под корнями
Укрыться от ветра, согреться...
Кедр капли роняет.
Смола прожигает мне сердце.
Зачем вам так щедро
Давно пережитым делиться?
Я верю вам, кедры,
Я знаю: вы птицы.

В ВАГОНЕ

Вновь тронулся состав,
Где мой вагон — последний.
Расселись по местам
Дорожные соседи.

Здесь полка есть моя —
Никто с неё не сгонит...
Цыганская семья,
Как в таборе, в вагоне.

Начну в окно глазеть.
Одним утешусь, грешный:
Всё меньше круг друзей,
Но и врагов — всё меньше!

* * *

Здесь, пожалуй, любой отчаётся,
Потому что уж столько лет
Непредвиденное случается,
А предвиденного всё нет.

А предвидено было многое,
Но стояло оно вдали.
Разбегались в полях длинноногие,
Длиннокрылые журавли.

И по небу, как скрип тележный,
Их курлыканье — сверху вниз.
И последние, безмятежные
Зори летние разлились.

Где расходятся тучи с облаком,
Где гроза и ненастье врозь,
Журавлей этих вижу долго я,
Как у нас на Руси повелось.

* * *

Рядом, у окна, стоят деревья,
Кроме неба, нету ничего.
Потому уходит в лес деревня —
Вышла потому что из него.

И, пожалуй, ничего не надо,
Кроме счастья. Только где оно?
Старый дом и старая ограда.
Счастлив ли сидящий под окном?

Только где счастливый — там страдалец,
Всё-таки они невдалеке...
Указательный и безымянный палец
Вырастают на одной руке.

НОВЫЙ ХРАМ

Инне Ломакиной

Новый храм великолепен!
В нём смиряется душа.
Не вернись опять нелепость —
Снова церкви разрушать.

Но ведь было это время,
Эти страшные года.
Оказаться мог я с теми
Изуверами тогда!

Был я мал ещё годами
И остался в стороне.
Как бы жутко в этом храме
Было б проклятому мне!

Помолюсь! Крещён, хоть тайно.
Перед Богом не солгу,
Что зашёл сюда случайно, —
Выйти прежним не смогу.

ПЕЧАЛЬ

Нет деревеньки... Боже правый!
Один погост остался там.
Лишь в пояс кланяются травы
Могилам старым и крестам.

Зачем такие перемены?
И что уехавшим искать?
Всё разобрали — даже стены!
Лишь под горой шумит река.

А сад, как прежде, плодоносит...
Щебечут птицы по весне.
И кто с кого за это спросит? —
Судить, наверное, не мне.

СТРАННИКИ

Убегает дорога с бугра на бугор.
И идёт он по ней, опираясь на посох.
И котомка его за плечами, как горб,
А вокруг всё поля — то в туманах, то в росах.
А куда он идёт, этот странник седой,
Пропылённый и степью цветущей
пропахший?

И с какой он в пути разминулся бедой?
Для кого этот странник — родной,
но пропавший?

Столько странников видел я после войны!
Через детство моё шли они, исчезая.
Лишь закрою глаза — эти люди видны.
А куда все они подевались? — Не знаю...
«Сколько, ветер, их было у нас на Руси?»
Грустно он просвистел: «Ты ответа не требуй».
«Где же странники те?» — я у неба спросил.
«Ты спроси у земли», — мне ответило небо.

ХОЗЯИН

Сидел на брёвнышке старик,
Смотрел на звёздный плёс...
Там, в золотой луне, мужик
На вилах сено нёс.

Картину эту видеть так
Привык он с детских лет,
Хоть на луне ни мужика,
Ни вил, ни сена нет.

Но то, что там наверняка
Людьми оставлен след,
Не волновало старика,
Как и полёт ракет.

Сидел на брёвнышке старик
В ночной прохладной мгле.
Сидел — хозяином земли
И жизни на земле.

И то, что не светился нимб, —
Грехи тому виной,
Но Млечный Путь пылил над ним —
Совсем как путь земной!

* * *

Только сердце памятью я трону —
И опять увижу, как во сне:
Избы, словно серые вороны,
Дружно сели на февральский снег.

Крыши их, как сложенные крылья,
Опустились к срубам — не поднять!
Избы к снегу белому пристыли.
Помните ли, избы, вы меня?

Может, вас давно в помине нету?
Может быть, многоэтажки там?
Слишком долго я бродил по свету —
И отнюдь не по святым местам...

Я вернусь. Увижу, как со склона
Все тропинки к избам там бегут.
А они, как серые вороны,
В два ряда уселись на снегу.

ТЕАТР

Ну что же, давай расстанемся!
Зачем оставлять до завтра?
Может быть, не поранимся —
Только бы без театра!

Опять эти междометия
И пламя твоих очей.
Я тоже люблю комедию.
Ломать вот её зачем?

Бесспорно, роль твоя выгодна.
Всё же ты позабыла:
Давно эта сцена сыграна,
И так давно это было!

И руки, как крылья, сложены.
И чёрная шаль, конечно...
Как всё банально. О Боже мой!
И, к сожалению, вечно.

* * *

Пусть время движется вперёд.
Со мной одно и то же будет:
Гудками снова пароход
Причалы сонные разбудит.

И в юность давнюю мою
Сойду, не торопясь, по сходням.
И радиолы запоют,
Как в праздники, на пароходе.

И всё же попрощаюсь я
Со всем, что так давно уплыло.
Те дни на якорях стоят...
И всё-таки всё это было.

ЗЕМЛЯ

Как детский шарик голубой,
Мелькнёт Земля на повороте.
Она расстанется с тобой,
Но не забыть её в полёте.

Пусть век чрезмерных скоростей
Не подлежит её законам,
Земле, вернувшись из гостей,
Ты поклонись земным поклоном.

Что ветер странствий? Ветра нет —
Спокоен космос в этом плане.
Любовь земная — сто планет
Ты облети — она всё ранит!

А Землю мерить нелегко
(Хоть напрямую, хоть по кругу),
Когда пройдёшь её пешком,
Когда её распашешь плугом.

* * *

Печально дни мои шумят.
В окне качаются деревья.
И всё случайней, невпопад,
Моя мне видится деревня.

Уходят годы навсегда,
Они от нас навек уходят.
Потом гудят, как провода,
Как в дни осенней непогоды.

Моя мне видится семья.
Лишь память растревожу я...
Над колыбелью мать моя —
На Родину похожая.

* * *

На грани между тьмой и светом
(В течение двух-трёх минут)
Я знал: камыш простится с ветром,
А речку берега сомкнут...

РОМАНС

Вновь волшебный свет луны
И густые тени сада.
Больше встречи не нужны,
Объясняться нам не надо.

Всё закончилось простым:
Что поделать? — Разлюбила...
Пусть горящие мосты
Скроют дымом то, что было.

Никого не убережь
От печального исхода.
Только счастье первых встреч
Нам дороже год от года.

Ты была как свет в окне.
Ты была моей царевной.
Но любви счастливой мне
Не судил Господь, наверно.

Но ещё бесщётно раз
Повторяться этой драме.
Но теперь уже без нас,
Но теперь уже не с нами.

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Хоть бессмертны небожители,
Смертным нам всегда нужны.
Но и ангелы-хранители
Отдыхать порой должны.

Тяжелейшею работою
Нагрузили, бедных, их:
Кровопивец — каждый сотый,
А десятый каждый — псих!

Как хранить от зла? — Неведомо!
Это стадо как спасти?
По всему, наверно, небу им
Надо в хлопотах летать?

Я бы ангелам-хранителям
За их трудные дела
Понаделал увольнительных,
Выходные дни давал!

А вот ангел мой — отважный:
Самовольно взял отгул...
Прилетел ко мне однажды:
«Всё! — сказал он. — Не могу!»

ПРОСЁЛОК

Снова неба синие полотна.
Дождь ушёл. Вновь голос: «Вывози!»
К колесу цветы прилипли плотно,
И оно по ступицу в грязи...

Жерди на возу дрожат и трутся,
Мелко осыпается кора.
Над пшеничным полем птицы выются,
А вдали горбатится гора.

«Эй, возница, отдохнѐм маленько,
Дай травой я лошадь оботру!»
Как же не был дома я давненько —
Выступают слѣзы на ветру.

«Ну да ладно. Постояли. Трогай!»
Детство, детство, где ты? Отзовись!
Увози меня быстрее, дорога,
Побыстрее, колесо, вертись!

НА УТОК ОТКРЫТА ОХОТА

А. Вампилову

На уток, на уток открыта охота!
И падают утки в гнилое болото.
Всѣ бухают выстрелы из камышей.
У сеттеров радуги возле ушей...
Открыта охота — открытое горе:
Летите, летите за синее море.
Летят они — падают летние вестники,
Летят они — падают зимние вестники,
На красном закате, как чѣрные крестики.

* * *

Блины не выходили комом —
В те годы не было муки.
И, как закрытые райкомы,
Молчали в сѣлах старики...

Сибирь была бела, бела,
Стоял в ней госпитальный запах.
Сквозь снег мы видели, как запад
Закатным пламенем пылал.

Ходили с ворожкой цыганки,
Лечили души, как врачи.
Безрукий капитан в сигарки
Табак сворачивать учил.

Война в душе, война в характере.
И как непросто стать другим,
Когда победа — слёзы матери:
Враз — похоронный марш и гимн...

Но чувство радости, я знаю,
Мне вдруг покажется простым:
Я только в сорок пятом, в мае,
Увидел первый раз цветы!

ТАМ, ГДЕ ДАЛЬ ПЕРЕШЛА В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Там, где даль перешла в бесконечность,
Там, где небо с землёй заодно,
Протекает река... Беспечность —
Имя этой реке дано.

Жизнь моя, почему ты ладонями
Из реки этой воду пьёшь?
Никого мы с тобой не догоним,
Только будет марева дрожь

Да над нами одно и то же
Это небо на целый век.
Я тебя ещё, жизнь, не прожил.
Разве мало на свете рек?!

Нам Беспечность-река — погибель,
Нам другой бы водораздел.
Жизнь моя! Мы с тобой смогли бы
Много сделать прекрасных дел.

Столько рек мы с тобой переплыли.
Вот встречаем ещё одну.
Но, Беспечность, опять не ты ли
Посылаешь свою волну?

НЕ ТОРОПИТЕСЬ УХОДИТЬ

Не торопитесь уходить,
Когда ещё не всё вам ясно,
Пока восход зарёю красной
Вас не торопится будить.

Не торопитесь уходить,
Пока не выбрана дорога.
Не торопитесь, ради Бога,
Терять коня и жизнь сложить.

Не торопитесь, время есть,
Преодолейте вашу смуту
И не забудьте на минуту
Перед дорогою присесть.

Но если выбран путь и час,
Пусть не покинет вас тревога,
Поторопитесь, ради Бога, —
Так мало времени у нас!

СУДЬБА

За что же мне судьба
без меры отпустила
печальных столько дней!
Я так устал от них...
Желаний прежних нет,
душа давно остыла.
Летят не те слова
от грешных уст моих.
На шумный жизни пир
был мой приход случаен.
Я потерял друзей.
Где их искать теперь?
Всё кажется: придёт
неласковый хозяин
и властною рукой
укажет мне на дверь.
У Каина никто
не спросит: «Где же брат твой?»
И кто услышит мой,
уже последний, стон?
Сожжённые мосты —
по ним иду обратно.
Я словно не живу,
а только вижу сон.
...А к моему окну
летят ночные птицы.
И к тёмным окнам льнут,
визжа, нетопыри.
И кто-то в дверь мою
настойчиво стучится
до первых петухов,
до проблесков зари.

Во мне чужая боль,
                        несчастья и увечья.
Слезами не отмыть
                        печать чужой вины.
И дух мой уязвлён,
                        томят противоречья,
но в выборе судьбы,
                        увы, мы не вольны.
Пока ещё во мне
                        трепещет жизни пламя,
пока ещё с небес
                        трубач не протрубил —
пусть будет всё как есть —
                        лишь узелком на память
останется любовь.
                        Я к ней причастен был!

* * *

Где беда случится —
Помню с детства,
Хоть воспоминания горьки,
Женский крик ударит
Прямо в сердце:
«Что же вы стоите, мужики?!»
Мужики не то чтоб устыдятся,
Но начнут одолевать беду.
И герои вмиг в толпе родятся,
И вожди родятся на ходу.
И беда в конце концов отступит:
И огонь смирится, и вода.
И Яга в своей умчится ступе,
Змей Горыныч сгинет навсегда.

Но не в сказках
Русь святую рушат,
Здравому рассудку вопреки.
Будто снова крик мне
Ранит душу:
«Что же вы стоите, мужики?!»
Неизвестно, что ещё случится.
Только не взводились бы курки,
Только б женский крик
Не бился птицей:
«Что же вы стоите, мужики?!»

КАМЕННЫЕ БАБЫ

В степи хакасской каменные бабы
Стоят веками. Что им наши дни?
Не разгадать их тайны. Вот когда бы
Сказали сами, для чего они?
Привыкли к ним и пастухи, и птицы.
Рисунки с этих вертикальных плит
На снимках, на картинках, на страницах.
Они молчат... Лишь Млечный Путь пылит
Над ними ночью. И костров далёких
К нам отблески доходят сквозь века.
Их, каменных, уж точно одиноких,
Как вдов, свезли однажды в Абакан.
...И во дворе музейном бабы плачут.
Нет ковылей, наездников лихих.
И дождь идёт. И бабы слёз не прячут.
Они из камня — что нам слёзы их?

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Какие волшебные краски!
Искрятся деревья в снегу.
С сугробов, как белые ласки,
Снега, осыпаясь, бегут,

Когда — словно это из пушки —
Вдруг ахнет на озере лёд!
Румяные две хохотушки
С верёвок снимают бельё.

Дым синий над трубами вьётся,
И белая, чуть иссиня,
Сломается, а не порвётся
Мороженная простыня.

Уйти бы от признаков быта,
Вновь к саду тропу проторить.
В серебряных ветках забыты,
Как яблоки, там снегири.

Там изморозь звёздною пылью
Струится, на солнце горя...
Любви нашей белые крылья
Застыли в снегах декабря.

ВПЕРЕДИ КАЗАЧИНСКИЙ ПОРОГ

Енисей — прекрасней нет дороги
Для судов: плыви во все моря!
Только о Казачинском пороге
Добрых слов пока не говорят.

И не скажут. Сам зато шумит он!
Сразу убыстряет бег река.
Вот и он, печально знаменитый!
Буруны видны издалека.

Бакены ныряют, словно тонут.
Куст прибрежный на ветру продрог.
Капитан подходит к микрофону:
«Впереди Казачинский порог!»

Судовой здесь ход давно прочерчен.
Хоть всё кажется, и, может быть, не зря,
Что шампанским тешатся здесь черти
И любую пакость сотворят.

Закипает ярость Енисея.
Каменных клыков зловец оскал!
Что порог не любит ротозеев,
Не напрасно капитан сказал.

У порога очень крут характер.
У него и должен быть такой!
На камнях лежит разбитый катер,
Как пример беспечности людской.

Если вправду жизнь с рекою схожа —
Сказано не мной, помилуй Бог, —
Жаль, что нам никто сказать не может:
«Впереди Казачинский порог!»

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Вдруг гóрода громада пошатнулась!
Но, к счастью, устоять смогли дома.
Как будто бы на всём бегу споткнулась
И замерла на миг Земля сама.

И кладбище встряхнуло! И сместились
Надгробья, и оградки, и кресты.
И взору удивлённому открылись
Углы гробов, как знаки суеты...

И зимние осыпались могилы,
И те, где нет имён — лишь номера.
В пыли дневное спряталось светило.
И дрожь прошла, как ужас, по горам!

Зачем порой случается такое?
Какой в том смысл? Какой искать в том толк?
Ни для кого нет вечного покоя.
Его ещё не заслужил никто!

ПЕТЕРБУРГ

Петербург. Уходит ночь. Апрель...
Пушкина Наталья Николаевна.
Лермонтов — поручик, отсылаемый
К месту службы. Прямо на дуэль?

Боже правый! Нет его вины!
Что же говорит сейчас вдова ему,
Пушкина Наталья Николаевна,
Лермонтову, у Карамзиных?

Что услышит от него в ответ?
Не была бы честь её задета —
Не было б стихов «На смерть поэта»,
Не было бы смены эполет.

А друзья? Ну хоть бы кто-нибудь
Вдруг прозрел. Наталья Николаевна
Так прекрасна. Так ему мила она.
...Провожают Лермонтова в путь...

Петербург. Рассвет. Блестит Нева.
Сорок первый девятнадцатого века
Год идёт. Петух прокукарекал
Три разá, а нечисть вся жива!

Каменный дворец спокоен, тих,
Словно там уже оповестили,
Что ещё одна звезда России
Догорает. Сколько было их!

...Грохот отъезжающих карет.
Пушкина Наталья Николаевна
Хоть бы напоследок обняла его!
Всё. За ним бессмертных больше нет!

ЕНИСЕЙСК. ДЕКАБРЬ

Зима утвердилась надолго.
Она здесь не гостья. Увы!
И ветви в морозных иголках
Не скоро дождутся листвы.

Вороны, как чёрные вести,
Под небом тяжёлым, литым.
В снегу монастырь енисейский
Стоит, как слепой богатырь.

Метелей церковное пенье.
Как после набега, стена.
И — символом долготерпенья —
Вросла в эту стену сосна.

Святые могилы веками
Хранить бы умерших должны...
Лежат безымянные камни —
Для памяти нашей темны.

Кому красота помешала?
Кто храм этот сделал немым?
Двадцатого века вандалы —
Родители наши и мы!

Ещё мы научимся плакать...
И не разрушать, а творить!
А купол церковный, как лампа,
На зимнем закате горит.

УЕХАЛА СТРОЙКА

Валентину Распутину

Уехала стройка, оставив
Дорогу и длинный барак.
На окнах, без шторок и ставен,
Ледок не растает никак.

Ненужный ни Богу, ни чёрту —
Стоит он у всех на виду,
С бетонной доскою почёта
И с лозунгом: «Слава труду!»

То пели, то били в нём морды,
То счастье пытались найти...
Потом побивали рекорды
По срокам укладки пути.

Бегут поезда неустанно,
Глядят пассажиры в окно.
Когда-то здесь был полустанок,
Но как это было давно!

Что ж! Лишней не надо заминки,
Прощального взмаха руки.
В снегах утонувшей заимки
Видны за бараком дымки.

Так много увидел и понял!
И, видно, от этого грусть...
Я помню барак этот, помню,
Я знаю его наизусть!

Сибирь — ни конца ей, ни края,
А ночь — без луны и без звёзд.
И пусть пассажиры не знают,
Куда машинист их завёз!

А возле пустого барака,
Где снег пролетает, спеша,
Всё воет и воет собака,
Как грешная чья-то душа.

НА ЛАДОНЯХ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Волчьей шерстью под звёздным небом —
Ковыли по степи, ковыли...
Сколько лет — не припомню — не был
На ладонях моей земли!

Сколько лет не лежал я в поле,
Где в оглобли впряглись облака,
А вот лошади бродят на воле...
И с седлом одна — без седока.

Сколько лет не смотрелся в воду,
Голубее небес, родника.
К незнакомому, в общем, народу
Я приеду издавека...

Старики уже все повымерли,
Даже сверстников дома нет.
Сколько раз уже пол тот вымыли,
На котором оставил след!

Лишь в крестах имена знакомые.
Поклонюсь им, как сердце велит.
И скажу себе: «Вот и дома я —
На ладонях моей земли».

* * *

Перед закатом розовеют
Едва заметно облака.
И от берёз вечерних веет
Теплом парного молока.

Неясной грустью и разлукой
Вечерний сумрак заражён.
И самолёт ревёт белугой,
Разлуками перегружён.

Но ни разлуки, ни обмана
И ни покорности судьбе,
А Мирового океана
Дыханье чувствую в себе.

И, связь не нарушая эту,
Когда-нибудь, назло годам,
Кому-нибудь, как эстафету,
Своё дыханье передам.

Всё вечереет, вечереет,
И всё идут огни во тьму.
Я не умру, не постарею —
Однажды землю обниму.

НОЧНЫЕ ТЁМНЫЕ ДОЖДИ

Ночные тёмные дожди...
В моём окне дорожка света.
Немного, память, погоди,
И мы с тобой припомним это:

Сквозь дождь ночной глухой порой,
Когда не выбирают лужи,
Пришёл к нам гость из тьмы сырой.
Всё становилось ему хуже.

Нет, память, это ведь не мы...
(Но это было в нашем веке.)
Пришельца света, а не тьмы,
Аптекарь видел в человеке.

Гость тайным голосом своим
Читал, рукой прикрывши веки:
«Ночь, улица, фонарь, аптека», —
Но страшно стало не двоим!

А страшно стало всей России...
Дожди в тумане моросили,
Меж брёвен лезла тьма в пазы,
Но Блок от века ждал грозы.

* * *

Замирают дремотные дебри —
Грянет взрыв в миллион голосов!
И отряхиваются деревья
От росы и от сонных сов.

Тянет запахом дыма. И долгий
Над дорогой каменный дождь.
Осыпаются с кедров иголки,
И горами проходит дрожь.

Здесь уложены будут трубы,
Чтоб стекала по ним вода,
Чтоб дорога, встающая круто,
Оставалась чистой всегда.

Знаю — будут дороги новые:
Грянул взрыв в миллион голосов.
И качаются шишки кедровые,
Словно гири стальных часов.

ЗНОЙ ИЮЛЬСКИЙ

Зной июльский. На скамье давно
Дремлет дед. Воркуют две старухи.
Целый день в открытое окно,
Как в открытый рот, влетают мухи.

Скучно старым людям без внучат.
Пусто всё, лишь чёрная солома,
Да столбы без проводов торчат,
Да избушки не дождутся слома.

Неужели не придут сюда,
В эти вот покинутые сёла,
Новые столбы и провода,
Не сыграют свадьбы новосёлы?

Хоть и сенокосная пора,
Как по Библии, здесь мерзость запустенья!
Грустно мне. Июльская жара.
И в тени нельзя найти спасенья.

ДВЕРЬ

За дверью, за этой дверью,
Где света полоска легла,
Не верю, я всё же не верю,
Что ты здесь когда-то жила...

Здесь больше не быть вдохновенью,
Любовь не появится здесь.
Пройдёшь ты неслышною тенью,
Как самая страшная месть.

Я все мои клятвы нарушил,
Да вот не сумел их забыть.
Лишь появляюсь снаружи,
А дверь мне твою не открыть!

Как счастье, мелькнёт только это —
И тут уж жалей не жалей —
Полоска неяркого света
Под дверью закрытой твоей.

* * *

Словно кто-то сапогом
Самовар раздул — дымище!
Переход в другой вагон
Морщится, как голенище.

Белозубый машинист —
С выраженьем гордой скуки
Он посмотрит сверху вниз
На цветы и на разлуки.

И потом, когда войдут
В ритм вагонные колёса,
Перевьются на ходу
Дым угля и папиросы.

Будут в поезд заходить
Города, как пассажиры.
Станет проще находить
Связь свою с бессонным миром.

А в окне пейзаж Руси:
Стадо. С ним старик и мальчик.
Над селом радиомачта —
Как конец земной оси.

ОБЕЩАНЬЕ

Сибирское весны непостоянство:
То солнышко, то завернёт метель.
Скворец такое одолел пространство!
И вот сама из горла льётся трель!

Вернулся в свой скворечник. И ещё бы
Не петь! Он здесь хозяин, а не гость.
И выгнал воробья заморский щёголь.
Воробышка охватывает злость.

Всю зиму — это верные полгода —
Он жил здесь, привыкая к высоте,
Весной от мужиков своей породы
Отстаивая домик на шесте.

И вот те на! Скворец явился. Барин.
В лучах сияет сизое перо.
Весь чёрный. Загорел на юге. Жарит
Там солнце и зимой — куда с добром!

Здоровый чёрт! Втроём не одолеешь.
Придётся строить новое гнездо.
Ведь тут зимой едва себя согреешь
Дыханием. У, певчий, чтоб ты сдох!

Торжественное дал я обещанье,
Что, хоть с шеста скворечник не сниму,
Отгрохаю прекрасный воробьятник!
И выше, чем скворечник, подниму!

ИЗ ГОСТЕЙ

Три года мне, и три — войне,
Но помнится тропинка зимняя.
Две юных тётки — нет родней! —
Домой от бабушки вели меня.

Над озером спал старый сад.
А снег всё падал на заимку,
Где кавалеров не сыскать.
Две тётки-девки шли в обнимку.

Но тут потребовалось мне
Остановиться на мгновение.
И было ясного ясней:
Весьма опасно промедление!

Помчались девки, хохоча,
Штаны мне расстегнув заранее,
Меня за ручки волоча,
Как самовар с открытым краником.

По воле их я на бегу
С нуждою малою справлялся.
И жёлтой ниткой на снегу
Весёлый след мой оставался.

Нам предстояло долго жить —
Уже мы немцев побеждали!
Я и в три года был мужик,
Хоть девки за руки держали!

* * *

Дорога тянется издревле,
Но забывает шаг коня.
Лишь отражённые деревья
Машинам стёкла зеленят.

А я шагаю по обочине,
Там, где дорожные столбы,
И я ничуть не озабочен
Ничтожной скоростью ходьбы.

Мне по ноге земля, а небо,
Я полагаю, по плечу.
Ещё одно крыло — и мне бы
Летать, но я ходить хочу!

* * *

Когда как белка в колесе —
С утра работа и работа,
А между тем — цветы в росе,
А в росах — утра позолота.

А между тем — растут хлеба.
А между тем — скликают птицы
Своих птенцов. И вся судьба
Уже ложится на страницы.

А между тем — весёлый смех
То реже слышится, то чаще.
А между тем — любой успех
Не всякий раз приносит счастье.

А между тем... А тем полно!
И каждая неповторима!
А между тем — не всем дано
Увидеть то, что сердцу зримо.

НОЧНАЯ ПЕРЕПРАВА

Осенняя ночная переправа.
Во тьме взлетают искры от костра.
Небесный полог, как мешок дырявый,
Всё будет сыпать звёзды до утра.

Деревня-матушка! Одеты мы поплоче.
Но скоро дом — и выглядим бодрей
Всех прочих. Вот к костру подходит лошадь.
И пар, как дым, бьёт из её ноздрей.

...Эй, Сивка-Бурка, вещая Каурка!
Встань предо мной, как лист перед травой!
И словно метеор — полёт окурка.
Паром пришёл. Паромщик сам не свой.

Фонарь старинный в копоти и в саже.
Присохли с лета к стёклам мотыльки.
Блеснёт стакан. И кто-то важно скажет:
«Ну, трогаемся, с Богом, мужики!»

Вот завели последнюю подводу.
Плывёт паром на призрак огонька.
И кажется, что звёзды вмёрзли в воду, —
Так холодна осенняя река!

Осенняя ночная переправа.
И удаль пьяная. Я думаю в тоске:
Когда-нибудь паромщик, парень бравый,
В вине утонет — вовсе не в реке.

Плывёт паром над чёрною рекою.
Со всех сторон нас обступает ночь.
И в этот час о воле и покое
Скорбит душа. И нечем её помочь.

ДОРОЖНОЕ

И вдруг напомним Подмоскowie
Какой-нибудь сибирский вид...
Была ведь Русь единой крови.
Мы жили без больших обид.
В вагоне ехать суток трое,
А всё российские поля!
И вот услышишь дорогое
И задушевное: земляк!
От земляка секретов нету.
Земляк от вас за тыщи вёрст!
Но продолжается беседа
Под стук колёс, до первых звёзд.

Ведь в самом деле так и было.
Земляк! — и это не забыть.
Земляк! — жила в том слове сила.
Ещё доверье, может быть.
Вновь за окном всё те же виды.
Всё тот же поезд, тот же путь...
Как будто на тебя в обиде,
На станции какой-нибудь
Войдёт в вагон попутчик новый,
К окну усядется молчком.
Не скажет по-мужски: «Здорово!» —
И не окрестит земляком.
И душевная беседа
Никак не сладится — увы!
И с ним ты — врозь, хоть вместе едешь
До самой, может быть, Москвы!

* * *

Пусть снегом последним
кусты припорошены,
Но в полдень всё звонче
капель у крыльца.
И песня катается
в горле горошиной
У первого чёрного
с синим скворца.
И то, что он дразнит,
мяукая, кошку,
И то, что скрипит,
подражая двери,
И то, что теперь
не замёрзнет окошко, —
Всё это весна —
от зари до зари!

* * *

Июль. Вода доверчиво
Под камышами спит.
В ладонях зорь просвечивая,
День золотом горит.

Сил, чувств — всего в избытке!
Обнял бы мир руками!
Вон коршун, как на нитке,
Висит под облаками.

За вымершей долиной
Берёзы над холмами
Недвижны. И картине
Лишь не хватает рамы.

Июль — всё голубое.
И мы добры, как дети.
Июль — у нас с тобою,
Июль — у всех на свете!

* * *

В Москве не будет больше снега.
А. Межиров

Ни высокого неба,
Ни далёкой весны —
Снега! Хочется снега!
Белизны, новизны.

Чтобы кончилась проза,
Чтобы всё — как во сне!
Чтобы утром с мороза
Ты вбегала ко мне.

Чтоб румянец от бега
Полыхал в пол-Москвы!
Снега... Хочется снега!
Нету снега, увы!

* * *

Калиною, малиною
Зарос июльский сад.
Идут дожди не длинные —
Всего на полчаса.

А после хлещут радуги,
Как из брандспойтов, вверх.
Но за семью оградами
От всех сокрыт твой смех.

Подсолнухи весёлые
Поклёваны, пусты.
Не семечки, а пчёлы
В их сотах золотых.

Зелёные и розовые
Плывут над садом дни.
Как тугеса берёзовые,
Стоят под лавкой пни.

В саду насквозь синицами
Пробита тишина.
Над белыми страницами
Сижу я дотемна.

Раздвинув веток лапы,
Мальчишки понайдут —
И яблоки, как лампы,
Повывернут в саду.

ЧИТАЯ ГОГОЛЯ

Всё пропив,
                  заложил он жиду спьяну красную свитку,
И в шинке восседал чёрт-алкаш
  на Сорочинской ярмарке.
В рукавицах и шапке он прятал рога и копыта.
А закусывал чёрт
                  не библейским ли, райским тем яблочком?

...Ах, какими большими
  при Сталине были застолья!
Оторвавшись от рюмок,
  вожди наслаждались певицами.
При Хрущёве и после,
  при Брежневеве в годы застоя,
Продолжалась в Кремле
  тех богатых застолий традиция.

Хоть последний генсек на приёмах не пил,
  но из свиты
Напивались иные,
  что не помнили тяти и мамы...
Чёрт — и тот заложил только красную свитку,
А в России пропили не свитку, а красное знамя!

* * *

В одном иллюминаторе — луна,
В другом — застыло солнце на закате.
Всех красок на земле едва ли хватит
И кисти для такого полотна!

Не верится, что это от земли
Не более чем десять тысяч метров.
Не верится, что здесь земные ветры,
И в то, что мы сюда взлететь смогли.

Но гаснут краски... Сразу высота
Становится реальной и привычной,
Как россыпи внизу огней обычных,
Всё ближе к нам земная суета!

Отстёгиваются кое-кем ремни,
Застёгиваются пуговицы рубашек.
Посмотришь на людей — не веришь даже,
Что были выше облаков они!

ФАНТАЗИЯ

Опять трещат в печи поленья,
И кот рассказывает сон.
И кажется, во всей Вселенной —
Метелей тонкий перезвон.

И няня вяжет... Нет, гадают
На картах: что там во дворце?
И голова её седая,
Как в нимбе, в розовом чепце.

Там Петербург мышино-серый...
И, недоверчивы к толпе,
Отвагой блещут офицеры...
Тень виселицы — буквой «П».

«Во глубине сибирских руд...» —
Напишется намного позже,
И эти строки довезут
Сто ямщиков, стирая вожжи.

ПОЛЕ ДЕТСТВА

А поля у нас вокруг всё те же.
Воздух там настоян на меду.
Жаворонка в небе песня держит.
Крылышки трепещут с ней в ладу.

Свежий ветер здесь всю резвится,
Провода качает — озорник!
И к столбам теснее жмутся птицы,
Будто изоляторы они.

Дивное открытое пространство.
Над полями облака скользят.
Сколько по чужим краям ни странствуй,
Поле детства позабыть нельзя:

Ни тропинки, ни дороги эти,
Что меж трав и меж хлебов бегут.
Коротко в Сибири нашей лето,
Потому его так долго ждут.

Ничего не надо мне от Бога,
Лишь бы видеть, как плывёт туман,
Да ещё — как по полям дороги
Тянутся к подножию Саян.

ЛЕНЬ

До пенсии я дотянул едва.
Теперь ленюсь, не выходя из дома.
Нет ничего надёжней, чем диван,
Героя симпатичней, чем Обломов.

В отличие я всё же от него —
Прогресса друг! И странствую без визы,
И, может, в этом я почти как бог!
Достаточно включить мне телевизор.

Лень-матушка, я твой примерный сын.
Живу с рожденья под твоей опекой.
Во мне хорошее поставить на весы —
И окажусь я добрым человеком.

Про лень молва нелестная идёт.
Я, как и все, давно о ней наслышан:
«В том доме, где живёт ленивый кот,
Как правило, хозяйничают мыши».

* * *

В окне силуэт всё темней.
К нам свет проникает снаружи.
Зачем ты приходишь ко мне?
Визит твой здесь вовсе не нужен.

Не хочется мне говорить.
И клятвам не хочется верить.
Скрипят на ветру фонари.
Качаются тени деревьев.

Опять всё сначала начать,
Чтоб сердце изранить напрасно?
И незачем свет нам включать —
Друг друга мы видим прекрасно.

Сгущается к полночи мгла,
Опять наступила прохлада.
А всё-таки помнить нам зла
Не надо. Поверь мне, не надо!

ЛЮБОВЬ

Обманы, коварства, измены...
И, пламенем озарены,
Любви нашей рушатся стены.
Пожарной не слышно сирены —
Пожарные здесь не нужны.

Любви нашей рушится зданье —
Всего-то лишь дверь да окно.
Мне знать бы об этом заранее,
Но даже сказать: «До свидания», —
Минуты — и той не дано!

Никто никогда не отыщет
Любви нашей страстной приют.
Один я найду пепелище.
И буду ходить словно нищий,
Которому не подают.

* * *

В таёжной избушке, глухою порою осенней,
Над мокрой слюдой закопчённого с лета окна,
С листа календарного смотрит Есенин.
Рязанская осень в глазах у поэта видна.

На тёмной стене глухаринные перья и ружья.
И свет голубой не проходит сюда из полей.
Всю ночь над избушкою звёзды осенние кружат,
Такие же звёзды, как и над Рязанью твоей.

Берёзы такие же смотрят в таёжные речки,
Волна в перекатах свивается, как береста.
Она чистотою с твоею сравнилась бы речью.
И память, как песня, осталась в народе чиста.

В таёжной избушке утихли случайные осы.
Спят лайки, в охотничьей страсти скуля.
В таёжной избушке рязанские светят берёзы,
И кажется — смотрят в окошко на них соболя.

* * *

Художнику Валерию Кудринскому

И вот опять
        рождённым в марте
созвездье Рыбы
        шлёт свой блеск.
И вновь светло
        в твоей мансарде,
где под стеклом —
        река и лес,

где быстро кисть
звонит в стакане
и где художнику —
творить!
А кто обнимет,
кто обманет?
Зачем об этом
говорить?
Зачем нам слава
после смерти?
А ты сейчас
в неё поверь!
Покуда сохнет
на мольберте
и остывает
акварель,
покуда март
сбивает в стаи
белее снега
облака
и вдохновение
витают
и кружит голову
слегка.
Вновь в ледяных
гребёнках крыши.
И вдруг поймёшь,
что жизнь одна,
что чаще думаешь,
чем пишешь,
что сладко манит
глубина,

что передал
                                с такой любовью
и речек грусть,
                                и веток дрожь,
что это всё —
                                с такую болью —
в чужие руки
                                отдаёшь!

ДЕРЖАВИНУ

Валентине Майстренко

Уважали Державина даже державные лица.
Не смущался поэт,
                                по дворцовым паркетам скользя.
«Льзя ли мне?» —
                                говорил он лукавой придворной девице...
«Ах, конечно, Гаврила Романович, льзя!»

Но татарский мурза —
                                предок нетерпеливый поэта —
В нём порой просыпался!
                                И статс-секретарь был горяч.
Не в ладах иногда и с придворным он был
  этикетом,
Губернатор, сенатор, великий российский рифмач!

И собачке, подаренной, очень любимой им, Тайке
Позволял из-за пазухи дерзко смотреть на гостей.
Здесь Аксаков стихи
                                и читал, и хвалил без утайки —
Так взволнован был автор,
                                что хворым ложился в постель.

Столько раз был Державин
и к ручке Фелицы допущен!
По словесности русской экзамены он обожал.
Жалко, что лицеист
Александр Сергеевич Пушкин
После «Воспоминаний»,
смутившись, из залы сбежал.

Пушкин был в этот день
всех поэтов счастливей на свете:
Столько было восторга в его африканской крови!
Солнце русской поэзии
сразу Державин заметил,
Да ещё это «солнце» он благословил!

* * *

Проседают под снегом крыши.
И в затоне молчат корабли.
Почему-то гудки их слышу,
Рядом с ними я — и вдали.

Не скользнуть мне больше по поручням
В отделенье машинное вниз.
В отдалении мои корочки,
Где механик я — дизелист.

Не чудачество. Не угасла
Тяга к плаванью и к реке.
И пропахла машинным маслом
Даже буква в моей строке.

Я с другим теперь связан прочно,
Мне другая работа дана:
Притирать эти строчки к строчкам,
Как на дизеле клапана.

ПОЭТ И ПТИЦЫ

Учитель мой, Смирнов Сергей,
Поэт, — живя в столице,
Её любимцев, голубей,
Считал он вредной птицей.

И я свидетельствую сам:
Хоть голубь — символ мира,
Лежали только к воробьям
Его душа и лира.

Лишь Божьим промыслом храним,
Был воробей приятней,
Чем сытый голубь-мещанин,
Живущий в голубятне.

И я за это осудить
Не вправе стихотворца:
Наверно, так и надо жить —
Без позы и притворства!

ПАМЯТИ БОРИСА КОРНИЛОВА

Жизнь не пряником кормила —
Норовила наказать!
Был убит Борис Корнилов,
Враг народа, так сказать.

Только песне нет преграды!
Над страной плыла строка,
Где кудрявая не рада
Пенью раннего гудка.

Не один поэт Корнилов
Был убит за звонкий стих.
Революции горнило —
Сколько там сгорело их:

Неучёных и учёных,
И певцов, и работяг?
Стал, наверное, бы чёрным
Пресловутый красный стяг.

Что теперь судить об этом?
Из Кремля всегда видней.
А Россия для поэтов —
Мать, но мачехи страшней.

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

Давно уж писем не пишу —
Да и писать, пожалуй, некому,
Но я их в памяти ношу,
И каждое теперь — как реквием.

Зачем мне помнить адреса?
Да их и нету в настоящем.
Лишь помню лица, голоса —
Не бросишь их в почтовый ящик.

Друзья, подруги прежних лет —
Там наша молодость бушует!
Быть может, их на свете нет?
А я всё мысленно пишу им!

ЗАБОТЫ

Уплывают в никуда
Под крылами самолёта:
Реки, горы, города.
Вот бы так — мои заботы!

Но опять со мной они
В вышине, в небесной сини.
Даже «пристегнуть ремни!»
Выполняю вместе с ними!

Все заботы без забот
Приземляются со мною.
Покидаю самолёт
С тяжкой ношею земною.

Но на то она Судьба.
У неё свои расчёты.
Хуже всякого горба
Эти вечные заботы:

О детишках, о жене
И о хлебе о насущном.
Вот остаться б в небе мне,
Но опять момент упущен!

ДОРОГИ РОССИИ

Мы в грязи застряли непролазной.
Дождь идёт, беспутницу создав.
Запасное колесо КАМАЗа
Дремлет, как свернувшийся удав.

Что КАМАЗ! Хоть столько в нём железа
И немало лошадиных сил,
Чуть не целый час он бесполезно
Эту грязь колёсами месил!

Да, в России жуткие дороги —
Воровством сей факт не объясним.
Но ведь всё же, так сказать, в итоге —
Ездили и ездим мы по ним!

ПЕРВЫЙ ПАР

В баньке — первый пар! От пара
Впору задохнуться.
Уши могут здесь от жара
В трубочки свернуться!

На полке пониже деда
Я геройски дюжу.
Деда мне азарт неведом —
Мне б к порогу нужно!

У порога я в истоме
Лёг бы перед дверью.
То, что жар костей не ломит, —
Больше не поверю!

В рукавицах дед и в шапке.
Веник — как в припадке.
На себя плещу из шайки,
В каменку — из кадки.

Чуть умылись — дед со стоном
И с поспешным матом
Кое-как надел кальсоны —
И скорее в хату!

Отлежался... После, слабый,
Принял стопку чинно:
Пар второй, сказал он, — бабам,
Первый — нам, мужчинам!

ОЖИДАНИЕ

Туч косматые гривы.
Не уснуть — хоть убей!
Сиротливо, с надрывом,
Воет ветер в трубе.

Встану. Выйду. Продрогну.
Стонут сосны во сне.
На поля, на дороги
Нынче выпадет снег.

И ещё до рассвета
Будет чисто, светло.
И в надежде на это
Ворочусь я в тепло.

Этой ночью и мне бы
Всё, что было, сокрыть
Первым утренним снегом
До весенней поры,

Пережить эту зиму
И дожждаться цветов.
И тогда не разнимет
Наши руки никто!

КАМНИ

Когда бы не камни,
когда бы не камни...
Сергей Кузнечихин

По речке бы плыть
ни о чём не тревожась,
но всё ж не на каждой
такое возможно.
И лодка спокойно бы шла —
не рывками,
когда бы не камни,
когда бы не камни...
По горной тропе бы
промчаться стрелою!
Себя бы представить
джигитом, героем!
И пусть не бессмертье,
но предполагалось
здоровье. (Не всем оно
крепким досталось.)
И были бы в старости
мы мужиками,

когда бы не камни,
когда бы не камни.
И что ещё ждёт?
Никому не известно.
Но горю и радости
сыщется место!
По жизни дорога
была бы легка мне,
когда бы не камни,
когда бы не камни.

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Что нас тревожит, что волнует?
Стремимся ли мы в жизнь иную,
Где идеалы, где мечты,
Где «гений чистой красоты»?

Не посещает, к сожалению,
Нас «дум высокое стремленье».
И уж давно не «рады мы
Проказам матушки зимы».

И не сумеем, может быть,
Себя «в коня преобразить».
Все наши демоны ничтожны,
Все думы низки, чувства ложны.

Но что поделать? Жить хотим,
Как говорится, днём одним.
Нет «упоения в бою
И мрачной бездны на краю».

Для нас безмолвны «лес и дол» ...
И вряд ли кто из нас дожждётся,
«Когда божественный глагол
До слуха чуткого коснётся».

ВСТРЕЧНЫЕ ПОЕЗДА

Ирине Ракше

Когда с оглушительным воем,
Встречаясь, летят поезда;
Потом, торопясь, беспокойно
Колёса стучат, как всегда.

И ты, оказавшись меж ними,
Лежишь, оглушённый, ничком,
Боясь, что тебя приподнимет,
Что вихрь закрутит волчком!

Но это всего лишь минута!
А после — опять тишина.
Но пыль ещё вертит и крутит
И сор разметает волна

Воздушная — это не важно:
Ты вовсе не будешь готов
Опять оказаться однажды
Меж мчащихся двух поездов!

Бывает, со свистом и воем,
Но только никак не молчком,
Судьба разминётся с судьбою.
И кто между ними ничком?

МАЯКОВСКИЙ

1

Рассуждать теперь легко и просто.
Взял да вынул пистолет он из кармана.
И спокойно застрелился Маяковский —
Оттого, что был кругом обманут!
Маяковский, дорогой Владим Владимыч!
Не любви пришёл каюк — Вас не любили
Брики, ВЦИКи, ГПУ — для всех родимый —
Вас давно под пулю подводили.
Кто-то в органах, наверно, усмехнулся:
Хоть поэт, а всё ж подвержен был расчёту.
Выстрел был его хорош — не промахнулся!
Рано нашу выполнил работу,
Потому ему большой почёт и слава:
Площадь, памятник заметный — и в столице!
Эта слава мучит многих, как отрава:
Вовремя сумел он застрелиться!
Идеологов совсем другое ранит:
Агитатор жизнь закончил бестолково!
И другой был Маяковский — тот, что ранний.
И он знал: «В начале было Слово!»

2

По Москве тогда машину с тяжким гробом
Вёл Кольцов. Никто не мог представить даже,
Что правдист — на положении особом —
От чекистской пули в яму ляжет!
И откуда же бралась та злая сила?
Может, бесы, как с цепи, её спустили?
Словно смерть сама, она косою косила
Самых лучших сыновей России!

Начсоставу от поэтов глупых этих
 Лишь морока: застрелился, расстреляли...
 Вот бы всех в одну тюрягу запереть их!
 Пусть бы там они и куковали.
 Начсостав — он сам себе не чистит обувь.
 И на вкус его ему готовят пищу.
 Начсостав. Любой из них уже — особа!
 А поэт — пьянчуга или нищий.
 Но одно лишь начсоставу сердце гложет:
 Чуть споткнулся — сразу скатертью дорога.
 А поэта заменить никто не сможет.
 Просто не позволит Бог подлога.

ВОЗЛЕ ХРАМА

Синевы невероятной
 Воздух — словно из села.
 И как солнечные пятна —
 В небе церкви купола.

Ничего-то мне не надо.
 Думы тихие чисты.
 За церковною оградой —
 Звезды, звезды да кресты.

Утро чудное апреля
 Обернётся ясным днём.
 Возле церкви дремлет скверик.
 На скамье сажу я в нём.

Сколько их — людей зарытых —
От скамейки в ста шагах,
Поминаемых, забытых, —
А не гложет сердце страх.

Хорошо, что здесь пролёт он
Нынче — рядом с храмом путь.
Видно, смерть моя далёко,
Раз не боязно ничуть.

Мне никак нельзя без веры:
Я крещён и в рай прошусь.
Распушатся скоро вербы.
Жаль, что я не распушусь!

* * *

Рамка чёрная страшна...
Состоится вынос тела...
Чья душа осиротела?
Что не вынесла она?

Вслед не буду за ханжой
Повторять, что жизнь — награда.
На себя пока не надо
Примерять мне гроб чужой.

Где-то в чёрной вышине
Чья-то вдруг звезда погасла.
Но грущу я не напрасно —
Погрустят и обо мне.

От метелей и снегов
Вся округа побелела.
Состоится вынос тела.
Тела... Только и всего.

ДВОР

Снова видится наш двор.
Как по щучьему веленью,
Там с утра звенит топор —
Разлетаются поленья.

Ходят гуси по двору.
А из стайки, право слово,
Как из бани — вся в пару,
Появляется корова.

Петухи наперебой
Распевают, овцы блеют.
Кот сибирский. Хвост — трубой,
А верней, как дым над нею.

Как капуста, хрупкий снег.
Снегири на ветках рдеют.
Ходит бабка... Тузик с ней,
Как защитник от злодеев:

Дыбом шерсть, огонь в глазах,
Лает всласть — не поневоле!
Он от морды до хвоста —
Весь как есть в коровьем пойле.

Только хрюшкам ходу нет,
Но они картошке рады.
Конь в попоне, как в броне,
Застоялся у ограды.

... Что-то можно и стереть.
Что-то можно и замазать.
Но что рос я при дворе —
Это всем понятно сразу!

КРИК

Вот роддом — начало всех начал.
В нём новорождённый закричал,
Объявляя всем, что он родился,
Чтоб смеялась мать, отец гордился!

И в ночи услышал этот крик
Из окна открытого старик.
Головой седою покачал:
«Я, наверно, тоже так кричал...»

Он себя представил голышом —
Тем новорождённым малышом.
Усмехнулся и приободрился —
Будто бы и вправду вновь родился!

* * *

Зимним небом к земле
Снег до летнего неба прижат.
На морозном крыле
По-тюленьи моторы лежат.

К небу, будто бы к небу,
Показалось, пристыл самолёт,
Но прислушаюсь к рёву
Моторов — полёт как полёт.

И деревья, как челядь,
Поглазеть набежали гурьбой.
На гигантских качелях
Качаемся мы над тайгой.

Енисей подо льдом...
Он местами блестит, как шоссе.
Дом. А где ты, мой дом?
Не на взлётной ли ты полосе?

Вытираются стёкла —
Облаком? Злою судьбой?
Самолёт мой дамокловым
Нависает мечом над тобой.

Но земля при посадке
Вдруг рванётся навстречу, звеня.
Ветер северный шаткий
Обнимает тебя и меня.

СЕНИ

Я вижу снова: луч сквозь щель
Во тьму сеней скользнул и замер.
Пыль золотилась. Круг вещей
Я видел новыми глазами.

Луч солнца падал на полы,
А на полу — заветам верят —
Была навалена полынь.
От блох. И пахла, словно вермут.

И самовара медный бок
Как бы позванивал, сверкая.
На шубе я лежал, как бог,
Ладонью луч пересекая.

И если снизу посмотреть,
Ладонь светилась светом красным.
Я в те года не верил в смерть,
Я верил в то, что жизнь прекрасна!

СОНЕТ

Продолжением кошмара
(Неужели разум спит?)
Вновь скелет земного шара
Гонит ветер по степи.
Гонит перекасти-поле,
Шар, знакомый с детских лет.
С ветром он не будет спорить —
У него маршрута нет!
Где-то на зиму застрянет,
В мае вновь травой станет,
В октябре — опять в поля!
Притяжением незримым,
Ветром солнечным гонима,
Ты куда нас мчишь, Земля?

МАРЬИНЫ КОРЕНЬЯ

Не довелось увидеть розы
Мне в те далёкие года.
Лишь на стекле узор морозный
Напоминал их иногда.

Не нам... Мы знали, что похожи
Узоры эти на цветы.
Цветущим летом заморожен,
Я шёл сквозь травы и кусты.

И замирал от удивленья,
И ростом был я меньше трав.
Горели марьины коренья,
Верней, пылали — я не прав!

Не ведал: кто такая Марья?
И до сих пор я не узнал,
Лишь помню: полдень, детство, марево —
В тот миг цветок в себя вобрал!

Я навсегда ему обязан
Свиданьем первым с красотой.
С землёй сибирскою я связан
Кореньями и Марьей той.

А кем была она — неважно!
Не проследил никто пути...
К цветам приду я не однажды,
Чтоб снова выше трав расти.

* * *

Я иногда бываю мрачным с виду
И откровенно жалуясь судьбе,
Но если я когда-нибудь завидую,
То каждый раз завидую себе.
Не потому, что я других счастливей,
Но кажется, что это для меня
Встаёт река весенняя в разливе,
Которую мостами не обнять.
И дальний лес,
Пронзённый свистом птичьим,
И облаков меняющийся вид,
И грозовое, страстное величье
Обыкновенной искренней любви.
Ты ни о чём на свете не печалься,
Иди себе по утренней росе,
Зелёное моё, земное счастье,
И, словно утро, улыбайся всем!
Ещё пока что можно верить в чудо.
Ещё вдали печальная пора.
Я, может, больше никогда не буду
Таким счастливым — с самого утра.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

По далеко не полным данным,
Но всё-таки до нас дошедшим,
Кому-то он казался странным,
Кому-то — просто сумасшедшим.

Мол, хитрым был, а не рассеянным...
И с Богом говорил лукаво,
Что он смеялся над Есениным,
К его примазываясь славе!

Как жаль его — певца природного,
И слову русскому служившего,
Над Кетью, над рекой холодной,
Невинно голову сложившего.

Теперь, за русский стих упавшего,
От всей души сейчас хвалю его.
Я всё же верю: над Колпашевом
Горит звезда поэта Клюева!

ДУША

М. С. Корякиной

Нельзя никак переиначить
Нам срок, отпущенный судьбой.
Пока ты жив, а это значит —
Звезда сияет над тобой!
Живёшь. Кому сказать спасибо?
Кого за милость не забыть?
И пусть не нами сделан выбор,
Наверное, обязан быть
За что-нибудь всегда в ответе,
За что-то голову сложить!
Пусть страшно жить на этом свете!
Но всё равно — обязан жить!
Душа не может быть счастливой —
Мы все исчезнем навсегда.
Её прекрасные порывы
Нас возвышают иногда.
Душа... Её руками трогать
Нельзя! И вовсе ни к чему...
Она принадлежит лишь Богу —
И, к счастью, больше никому.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ШКОЛЕ

К школе двигаюсь. Дождь закрапал.
Но для осени день неплох.
Кто-то гвоздиком нацарапал
На заборе: «Боб — чмо и лох!»
Мне до Боба какое дело?
Может, критика ему впрок?
Вот ещё одна надпись мелом...
Кто-то славит тяжёлый рок.
Я от лёгкого морщусь рока,
От тяжёлого мне — беда!
Дожидаюсь конца урока.
Прозвенел звонок! И тогда
Из всех классов, как из неволи,
С воем, с криками — кто куда!
Никакая не комсомолия —
Мчались юные господа.
Я их мучил стихами позже.
От оваций чуть не оглох.
Ну а слушал меня, быть может,
Только Боб этот — чмо и лох.

ДЕТСТВО

От палящих лучей ни листва
и ни травы не скроют.
Только полдень ещё,
так что в небо гляди — не гляди.
Солнце круглое,
словно такое окно смотровое
В преисподнюю,
где так адское пламя гудит!

На стройках века нет ночей.
Здесь время с нами куролесит.
Гитарный звон и звон речей,
Энтузиазм стихов и песен.

Костёр не скоро прогорит.
Слепые искры жалят осами.
Не ведаем, что мы творим...
Прости нас, Господи!

* * *

И, как всегда, в предчувствии беды,
Но, как всегда, без видимой печали,
Я оставляю на земле следы
Не для того, чтоб вы их замечали.

И не тотчас пущусь я босиком
По этим тропам и по этим травам,
Где гуси, как бутылки с молоком,
Издалека видны по переправам,

Где по утрам — такая благодать!
Как будто перепутал явь и сон ты...
И всё кому-то хочется отдать:
Возы, и облака, и горизонты.

И, как всегда, в предчувствии беды,
Хотел бы... Но не в силах изменить я:
Покой небес, и холодность воды,
И неизбежность близкого события.

ВЕСНА В ДЕРЕВНЕ

Весна в деревне. Свист скворешен.
И шумно лёд идёт рекой.
В чём добром, в чём плохом замечен?
На что давно махнул рукой?

Мне в этом доме лучше видится.
Пусть от побед исходит грусть.
И на меня здесь не обидятся,
Когда я снова промахнусь.

Здесь всё с приметой, с поговоркою:
«Петь утром — плакать». Есть по ком!
Но отравлюсь печалью горькою —
Меня отпоят молоком.

Моё здесь детство не кончается.
Взирают боги из угла.
И под окошком ель качается —
Моя зелёная юла.

Она не может позабыться...
Здесь всё мне будет дорогим.
Здесь по скрипучим половицам
Я сделал первые шаги.

И я хочу не так уж много:
Чтоб здесь всегда жила родня,
Чтоб приводили все дороги
К порогу отчему меня.

И этот дом, надёжно срубленный,
Не раскачать любой беде...
И ничего мной не погублено,
И не потеряно нигде.

ЛАДОНИ

Линий жизни и не было... Просто
Затвердели у деда мозоли
На ладонях, как будто наросты,
Так что дед и не чувствовал боли.

Уголёк на ладонях катая,
От него не спешил прикурить он.
Искра вспыхивала золотая,
Словно спутник в ночи на орбите.

Топорищами и черенками
Набивал дед мозоли когда-то.
С кирпичом поработал и с камнем,
Был и плотником, и пимокатом.

А зимой — ритуал неизменный:
Возле печки смотрел на огонь он.
Словно это его инструменты,
Отдыхали у деда ладони.

* * *

Сыну Александру

Я устаю за пауком следить,
Но нить блестит, и видится картина:
У собственного следа впереди,
Он — как в пике зависший реактивный.

А здесь когда-то жили в тишине,
Но город с рёвом катится на флигель.
И потому нельзя забыться мне...
Глаза закрою — и увижу «МиГи».

В ушах не смолкнет реактивный гром,
Хоть во дворе щебечут мирно птицы.
И солнца свет! И над стальным пером
Лучи горят, как крохотные спицы.

Аэродром... Сплошной аэродром!
Как будто я и не снимал погоны.
И чудом в центре сохранённый дом —
Дом деревянный — всё же будет сломан.

И с ним придётся расставаться мне,
Как бы он ни был дорог и привычен.
Бетонные дома видны в окне.
Им флигель кажется коробкой из-под спичек.

МАСЛЕНИЦА

Заплясал огонь в печах —
Долго не потухнет!
В ярких солнечных лучах
Синими слоями чад
Плавает по кухням.

Снова Масленица!
Мы рады веселиться...
И до будущей зимы
Прятать нам пора пимы,
Шубы, рукавицы.

Девки — розы на снегу!
Песни под гармонии...
Тройка! Кучер пьян в дугу.
Врёт он: «Ехать не могу —
Перепились кони!»

И шипят черным-черны
Сковородки в саже.
А румяные блины
Быть горячими должны,
Как Ярило наше!

КРЕСТ

На снежной вершине,
Где ветры свистящие стынут —
И после летят они вниз
На долины разбойно, —
Лишь крест почерневший,
И вечная неба пустыня
Сияет над ним.
И гора вознеслась колокольной!
Отсюда до Бога рукою подать.
И, наверно,
На суд Его явится тот,
Кто в камнях похоронен, —
Быстрее, чем другие.
Пред Богом предстанет он первым,
И голову молча опустит,
И руки уронит.
И скажет Господь...
Он помилует иль покарает?

И кто под крестом на вершине...
Святой или грешник?
И скажет Господь...
Что Он скажет —
Никто не узнает.
Лишь ветры рыдают
Над чёрным крестом безутешно.
И кто мне поведал
Об этом кресте безымянном?
Легенды, былины,
Сказанья ли в том виноваты?
Но крест этот чёрный
Всё видится мне постоянно.
Мне кажется: сам я под ним
Похоронен когда-то
На снежной вершине,
Где ветры свистят ледяные,
Где вмёрзло распятые —
Никто его с места не стронет!
Что я похоронен —
Об этом не знают родные.
Но я похоронен.
Под чёрным крестом похоронен.
Не мной вознесён он
Под самое небо в страданьях.
На этой вершине —
И раза единого даже —
Я не был.
За что мне
Такое дано наказанье?
И скажет Господь...
Одному мне когда-нибудь скажет.

И я отступлю.
Опущу только голову молча.
И скажет Господь...
Что Он скажет — никто не узнает.
Но голос Его, словно гром,
Прогремит среди ночи.
Над чёрным крестом
Золотая заря воссияет.
И ветры в последнюю ночь
Над крестом прорыдают.
И снег затвердеет,
И воздух замрёт, неподвижен.
И кончится тут же
Моё наважденье — я знаю.
И крест на горе
Я уже никогда не увижу.

* * *

А может, оваций не надо?
Полезней бессмертие строк.
Очередная награда —
Как с вешалки номерок.

Прошли неперенные сроки,
И всё-таки память дана:
Мы помним Державина строки —
Забыли его ордена.

Как дружески машут нам руки!
Дорога ещё далека.
И жизнь нас берёт на поруки —
Вот если б взяла на века!

* * *

Сшей мне, мама, такую рубаху,
Чтобы в жизни не ведал я страха,
Чтобы горя людского не ведал,
Чтобы счёта не знал я победам!
Сшей мне, мама, такую обнову,
Чтобы я не хранил её снову.
Чтоб хранила она, как кольчуга,
От врага и неверного друга.
Сшей мне, мама, вторую рубаху,
Чтобы я натерпелся в ней страха,
Чтобы горе и счастье людское
Не оставило сердце в покое...
Сшей мне, мама, вторую рубаху!

СТАРИК

Не снимает старик свой шарф.
Всё тоскует по самовару.
Он бренчит, как посудный шкаф,
В доме старом.

Никаким не верит врачам
И лекарствам... Уж такой он!
Кашель бьёт его по ночам —
Нет покоя!

На балконе сидит старик,
Хоть выходит туда всё реже...
«Как вчера родился, — острит. —
Будто не жил!»

Говорю ему: «Ну, сразил!
Погоди, скоро я состарюсь,
А пока схожу в магазин.
Отоварюсь!»

К старику потом — на балкон.
Покалякаем, водки врежем.
И скажу я, как он, легко:
«Будто не жил!»

ТОСКА

Тоска. Но, не боясь испачкаться,
Ловлю удачу — хоть и поздно.
Так пассажир в домашних тапочках
Бежит — и отстаёт от поезда.

Потом он по вокзалу мечется,
То насаждает на начальство.
Моя тоска ничем не лечится,
А только сердце рвёт на части!

Тоска. Хоть всё из рук не валится,
Но не плывёт само мне в руки.
А может, зря тоска бахвалится,
Что в рог меня бараний скрутит?

В общенье с ней поднаторевшему,
Легко мне полдень спутать с полночью.
Тоска. А вдруг мне, как прозревшему,
Увидится вокруг всё солнечным?

Звонит, не прерываясь, колокол!
По мне и по тебе звонит он...
Судьбу, как лодку в воду волоком,
Я к лучшим дням тяну за нитку.

* * *

Нет, я не жду подарков от судьбы.
Я получил их — и давно истратил.
Да и скажите: для чего мне ради
Торчащие без проводов столбы?

Наивность и цветные миражи,
С любовью вечной и с желаньем славы.
Какая это глупость, Боже правый!
Но в этом — как ни странно — наша жизнь!

СТРАШИЛКА

Перепутались полюса.
Не везде над нами озон.
Снова чёрная полоса
Затянула весь горизонт.

И бросается океан
День и ночь на земную твердь.
И проснуться может вулкан,
И лавины приносят смерть.

Неустойчивы материки.
Катастрофам потерян счёт.
Мирный атом — но он таким
Стать ужасным может ещё!

И микробов злобная рать,
И войне не заказан путь!
Так не хочется умирать,
Но вздохнуть — как яду хлебнуть!

Тут руками голову сжать
И от страха впору завить.
Я картошку еду сажать.
Поживём ещё — так и быть!

СТАРИКИ

Что смерть! —
Земля мне будет пухом...
Страшат, рассудку вопреки,
Сырые, дряблые старухи
И сухонькие старики.
Неужто мне сидеть вот так же
На лавочке, в таком кругу?
Такого я увидеть даже
И в сне кошмарном не смогу.
Вдруг замечаю, как впервые,
Всю несуразность их одежд.
Они — как символы живые
Несостоявшихся надежд.
Рядком на лавочке, как судьи,
Сидят они... Почти родня.
Я точно знаю, что не будет
На этой лавочке меня!
Но, строкам этим вопреки,
Скажу: милы мне старики.

АВТОВОКЗАЛ. КАНСК

Автовокзал,
Где не достать билет
И где от кассы
Не отпустят
С миром.
Трёхлапый пёс —
Передней лапы нет —
Глядит в глаза
Тоскливо пассажирам.
Беспомощный
Вокзальный инвалид.
За что же он,
Зачем так изувечен?
Вот и о нём
Теперь душа болит,
А мне помочь ему,
Ей-богу, нечем!
Слоится у порога
Грязный лёд,
Клубится пар,
Когда зевают двери.
Быть может,
Добрый человек придёт?
Несчастный пёс
Наивно в это верит.
Я с ним готов
Поверить в чудеса:
Придёт тот человек.
И стихнет ругань.
Он весело рукой
Поманит пса,

Потом его возьмёт
С собой, как друга.
А может, вправду
Это будет так,
Случится пусть —
Однажды —
В кои веки!
...В домах полно
Изнеженных собак.
Ну помощи
Хоть раз,
Судьба, калеке!

* * *

От деревеньки безвестной,
От дорогих могил
По новой дороге железной
Однажды я укатил.

Без всякого смысла и толка
Помчался я в никуда...
Казалось, что ненадолго,
А вышло, что навсегда.

Лишь сердце порой сожмётся,
Припомнится мне изба.
Но поезд мой не вернётся —
Наверное, не судьба.

И не явлюсь я в гости —
Никто там не ждёт меня.
Давно уже на погосте
Спит мирно моя родня.

Нет дорогих и милых.
Успел состариться сам.
Какой уж, не знаю, силой
Привязан я к тем местам.

От родины не отрешён я.
И должен бы сам понять:
Что так вот за рубашонку
Держит ребёнка мать!

РЫБАК

Он возвышается над лодкой.
И видно мне издалека,
Что он веслом, как чайной ложкой,
Помешивает облака.

Вот лодку к берегу направил.
Он будет долго говорить,
Что нужно ждать — одно из правил
Уметь ловить —

И что удача есть терпенье,
Смирренным нужно быть везде.
И капли солнца, как репейник,
В его толстовской бороде.

На станцию пора под вечер —
В вагон, к окну, не спать. Пока
Не зачеркнёт мне поезд встречный
И озеро, и старика.

НУ ПРЯМО БЕДА

В лог упряталось наше селение.
Снова май. И цветенья пора.
От черёмухи нету спасения!
И уже, начиная с утра,
Аромат её душный, тяжёлый
Изо всех проникает щелей.
В ней гудят золотистые пчёлы.
Даже воздух настоян на ней!
Ну а ночью, при лунном сиянии,
Так волнует тебя этот цвет!
И наступит такое отчаянье,
Словно зря ты родился на свет,
Словно всё в эту ночь позабылось,
Словно ожил ты, страстью дыша,
Словно этой лишь ночью открылась
Для любви небывалой душа!
А за окнами — музыка, пение...
И не спится. Ну прямо беда!
Хорошо, что черёмух цветение
Означает: придут холода.

РАСПЛАТА

Ведро с водою — будь оно неладно! —
Ползёт наверх, цепляясь за венцы.
Из-за того, что по утрам прохладно,
В пупырышках зелёных огурцы.

Кручу всё утро я скрипучий ворот.
Так много нужно овощам воды!
А сверстников моих лихая свора
Пускает в небеса табачный дым.

Облюбовав для игр своих канаву —
Защиту огородов от скота, —
Спокойно смотрят на дурную славу
И, видно, не боятся ни черта!

Я с ними, разумеется, не в ссоре.
И на меня им вряд ли наплевать.
Будь перед ними даже сам Том Сойер,
Они б не стали грядки поливать!

Ни в воровстве не грешен, ни в злодействе.
В капусте найден. В огороде рос.
А вот за то, что был послушным в детстве, —
Всю жизнь живу, как списанный матрос!

ДВИЖЕНИЕ

Всех дорог на земле
Никогда не пройти, не проехать,
Как все речки и реки
Проплыть не дано никому,
И увидеть нельзя
Ни лесное, ни горное эхо.
Впрочем, это, наверное,
И ни к чему.
Что быстрее, чем мысль?
Всю Вселенную мысленным взором
Нам окинуть за час,
Оставаясь на месте, легко.
Так что скорости века
Вдруг сущим покажутся вздором.
И до скорости мысли
Другим скоростям далеко!

Мы в пространстве и времени
Вовсе не лани, не птицы.
В крайнем случае — бабочки,
Может, ещё — муравьи.
Но мы будем вперёд
Торопиться всю жизнь
И стремиться.
Уж такие мы, Господи,
Грешные дети Твои.
Нет покоя нигде, никогда.
И не будет, поверьте!
Раз в движенье Земля,
Все мы движемся с ней в суете.
Но из нас большинство
Приближается к собственной смерти,
А ведь кто-то же движется
Прямо к заветной черте!
За которой его
Ждут открытия и достижения,
Озарения миг — за безвестные годы
Труда.
Я приветствовать рад
Бесконечное это движенье!
Сам участвую в нём.
Только движусь
Не зная куда.

ВЕТЕР

За ставнем, пригнанным неплотно,
Вновь улетаёт снег во тьму.
Сам ветер — словно дух бесплотный:
Его не видно никому!

Не угадаешь, где он стихнет,
В каких краях на миг замрёт.
Потом обрушится вдруг вихрем
И провода, как нитки, рвёт!

Моей душе чужды порывы.
...Степь — моря вымерзшего дно!
Как замороженные рыбы,
Лежат сугробы за окном.

А тьма рассеялась. Светает.
И отхожу я от окна.
И есть ли в нас душа — кто знает?
Но почему болит она?

ВСТРЕЧА

Облака опять прилежно
Вытирают синь небес...
На опушке скрип тележный
Неожиданно воскрес!

Из какого же он века,
Позабывтый этот скрип?
Появляется телега,
В ней сидит старик, как гриб.

Издают медовый запах
И старик, и конь его.
А соломенная шляпа
Старше деда самого!

Я здороваюсь с ним чинно,
Предлагаю закурить —
Хоть какая-то причина
С чудачком поговорить.

Он достал кисет с бумагой:
Не курю, мол, сигарет.
Оцинкованные фляги
За собой пристроил дед.

Оказался он весёлым:
— Как я взялся здесь? Скажу:
Еду с пасеки в посёлок.
Ты грибник, как погляжу.

...Скрип тележный вскоре замер.
Прошлый век на миг возник.
Но стоят перед глазами:
Конь, телега и старик.

ПО ДОРОГЕ К ДОМУ

В небесах луна, а день полярный
Всё не гаснет... Чайки так галдят!
Так светло, что на огонь фонарный
Мотыльки ночные не летят.

Наш корабль вспенивает воду.
Бороздой — вдоль Енисея след.
Палубы ещё полны народу:
Время для свиданий и бесед.

Полоса закатная не тонет.
Там же должен и рассвет расцвести.
В золотую воду входят кони.
Хорошо, что есть они и здесь!

Полночь. А в низовьях Енисея
Полыхают небо и вода!
Может, не напрасно я надеюсь,
Что ещё хоть раз вернусь сюда.

* * *

Перед тем моросило, и мокла
Твердь земная и небо над ней,
Но лучами закатными стёкла
Озарились — и стало видней.

Высоко-высоко над землёю,
Где кончается голубизна,
Как промчался он красной стрелой,
Я увидеть успел из окна.

Красный след растекался по небу.
Горизонт закрывался и слеп...
Самолёт этот словно и не был,
Лишь над тьмою горел его след.

Как хотел бы я в том самолёте
Уплывать на закатной волне
В город, где без меня вы живёте,
Люди, счастья желавшие мне.

По таёжной избушке бродила
Одурь сонная, словно угар.
Зажигались на небе светила —
И вставал я с залёжанных нар.

И собаки ворчали под дверью.
Выходил я на поиски дров...
Друг на друга охотились звери.
Жаль, не держит тайга соловьёв...

В МИХАЙЛОВСКОМ

В Михайловском снега так много...
Поля в нём, и роща, и холм.
И как хорошо без дороги
На лошади мчатся верхом!

Но как ни скачи — всё ты пленник.
Приходит в ненужный момент
Любитель наливок священник —
Наверное, тайный агент.

Над трубами — звёздами искры!
Ты думай, пиши и мечтай...
Спасая тебя, декабристы
Своих не поведали тайн.

Войска на Сенатской и пушки...
Восстанье! Была ль в нём нужда?
Но звон колокольчика Пушкин
В Михайловском трепетно ждал!

НОЧНАЯ МЕТЕЛЬ

...Снежные шапки надели вожди...

Л. Таран

Февраль — и холодá на спад!
А ночью, с силою утроенной,
В соседнем доме недостроенном
Метель ревёт, как водопад,
То с морем улицу роднит,
Как будто город ветром сорван;
Как на судах во время шторма,
Качают мачты фонари.
Со всех сторон, со всех краёв
Слетелись тьмы и света силы,
И ночь февральскую взбесила
Метель — неистовство её!
И под железный свист антенн
(Свист, повторённый многократно)
И света огненные пятна,
И тени прыгают со стен!
И за какие же грехи
Февраль метелями карает?
Трепещет сердце. Ожидает
Всех бед, прихода всех стихий!
Метель — круженье белых птиц
И крыльев хлопанье по крышам.
И город краевой мурыжит
Бессонница ночных больниц,
Казарм и тюрем, площадей —
Бессонница... Над всем летает
И шапки снежные сметает
Метель полночная с вождей.

* * *

Видел много. Помнится — немного.
Только это помню наизусть:
Уплывает зимняя дорога —
И опять охватывает грусть.

Льдина разом — на две половины!
И охотник вдруг поплыл вперёд.
Две собаки, две простые псины
Лапами соединяли лёд!

Память, память... Страшная награда.
Память — на года, не на часы.
Вслед за льдиной, с человеком рядом,
Всё плывут и замерзают псы!

ПАРОМ

Сестра моя — жизнь...

Б. Пастернак

Рассвет опять сырой и мглистый.
Скрипит канатами паром.
Как инкрустация, на листьях
Роса сверкает серебром!

А на пароме — три машины,
В упряжке лошадь, два бычка.
Большой любитель матерщины,
Лихой паромщик пьян слегка.

Картуз морской украшен крабом.
А к ограждению, как к плетню,
Стоят, прижавшись, кучкой бабы
И сдерживают ребяtnю.

А мужики нещадно курят,
Как будто вышли из кают...
Бычки косятся, маясь дурью.
И в воду пацаны плюют.

Таким же в точности паромом —
Вот здесь паромщик ни при чём —
Чуть не на век с родимым домом
Я был однажды разлучён.

Паром! На нём легко поверить,
Что жизнь и впрямь тебе — сестра.
Но вот паром уткнулся в берег —
И всем сходить с него пора.

БЛАГОДАТЬ

Кому за это должное воздать —
Дню солнечному, лета середине?
Но на душе такая благодать,
Какой давно уж не было в помине!

Так хочется лишь доброе свершать,
Откликнуться на первый зов тревожный,
Одним доверьем к бытию дышать —
Опять так близко счастье, так возможно!

Тяжёлый груз забот с себя сложить,
Не думать вовсе ни о чём серьёзном.
Вдруг деве юной голову вскружить —
Но это для меня, пожалуй, поздно.

Закинуть руки за голову, лечь,
Смотреть на небо, удивляясь выси.
Мне благодать в себе не уберечь,
Но не мрачнею я от этой мысли.

К нам благодать нисходит, как любовь.
Лишь от неё бывают люди-братья!
...Полёт к Луне теперь уже не нов.
Не к Солнцу же лететь за благодатью?

СНИМОК

Чёлка-чёлочка... Взгляд упрямый.
Ну а девочка — краше нет!
Эта девочка — моя мама.
Ей на снимке двенадцать лет.

Но любой бы здесь удивился.
Удивленье можно понять:
Я у мамы один родился —
Почему рядом нет меня?

Снимки, снимки... Хранить их надо.
А особенно те, где ты
Рядом с папой и с мамой рядом.
Ещё помыслы все чисты!

...Старый снимок. На нём лишь мама.
Ни меня, ни моих седин.
И вот снимок последний самый...
Но на нём — я теперь один!

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Над тайгой — пожарище заката.
И клубятся облака, как дым.
Солнце, словно раненый сохатый,
Тихо погружается в Чулым.

Этим строкам сорок лет, наверное.
По тайге всю Чулым петлял.
Я стоял на вахте — самой первой,
А закат и вправду вдохновлял!

Теплоход колёсный... Вой сирены.
Стыд, позор! Но не было гудка.
Обгоняли нас аборигены
На своих долблёных обласках.

Но корабль свой люблю донныне —
В памяти моей оставил след
Теплоход с колёсами гребными,
Пассажирский лайнер давних лет.

Пассажирский был один практически.
Шлёпал он почти что до зимы.
Кульг разоблачили. Политических
На свободу доставляли мы.

Столько страшных выслушал историй,
Столько зла и бед увидел я!
...Утонул цыган. Такое горе!
Вся в слезах на пристани семья.

Уж какой он был рыбак — не знаю.
Всё ж цыган быть должен при коне.

А семья его — невыездная...
Тайно мы её свезли к родне.

Было, было это всё когда-то...
Остаётся прежним лишь Чулым!
...Над тайгой — пожарище заката.
И клубятся облака, как дым.

* * *

За золото мне серебро давали.
Но серебро я разменял на медь.
Мудрее можно поступить едва ли!
По крайней мере, было чем звенеть.
Но соберу я медные полушки
И в серебро их обращу, а там —
Я буду прятать золото в подушке.
Не разменявши, уходя, отдам.
До той поры ко мне ночами снова,
Как в пору первой юности моей,
Являться будет золотое слово,
Мне ветром принесённое с полей,
Когда они бывают золотыми,
Когда звенят созревшие хлеба...
Одно себе оставлю — остальными
Пускай распоряжается судьба.

ЗЕЛЁНАЯ ДОРОГА

Забытая и удалённая,
Среди осенней желтизны
Дорога, как в июнь, зелёная —
Заросшая ещё с весны.

Куда ведёт? Сама не ведает.
И это не её вина:
Проложенная ещё дедами,
Дорога стала не нужна.

Кого-нибудь охватит вряд ли
Грусть о тележном колесе.
Гудят стальные рельсы рядом,
Машины мчатся по шоссе.

Она здесь кажется нелепою,
Не повернуть ей время вспять.
Глаза закрою — и телегами
Вновь колеи её скрипят.

Была повыбита копытами.
Шла от села и до села.
Дорога эта позабытая
Повдоль души моей легла.

ДЕД НА ОХОТУ НЕ ПОШЁЛ

Дед на охоту не пошёл,
Но не взобрался на полати.
Тесины нужные нашёл
И гроб себе отменный сладил.

Дощечки под углом на крест —
Да так, что и не видно гвоздика, —
Набил... затем, чтоб сей навес
Хранил бы долго крест от дождика.

Потом творенье рук своих
На вышку бережно поставил.
Под вечный шум печальных пихт
Он в кратком слове Бога славил.

...Мы с братом славили судьбу:
На кой нам чёрт теперь байдарка?
И вот по лону вод в гробу
Летим стрелой — аж небу жарко!

А небу жарко так, что пруд
Того гляди пахнёт ухюю,
А дед выламывает прут —
Такой, что хватит нам с лихвою...

Нас выпороли. Посмотреть
Не так бы... Это дело взвесить...
От деда отпугнули смерть
Мы с братом где-то лет на десять!

ВНИЗУ ОПАВШИЕ САДЫ

Внизу опавшие сады.
И вновь меня приводят в трепет
Белёных домиков ряды,
Как рафинад на чёрном хлебе.

Ведёт знакомая тропа
К осенней речке потемневшей,
Где лошадей уж не купать
Ни мне и ни парнишкам здешним.

И на кого свалить вину
Под ветром века беспощадным?
Как говорили в старину,
Теперь деревня безлошадна.

Грустна осенняя пора...
Весна не скоро. Спят побеги.
Теперь не солнца ждут с утра,
А снова ждут зимы и снега.

Чернеют голые кусты
На красном пламени заката.
Сады, как мёртвые, пусты:
За лето красное расплата?

И лишь белёные дома,
Как птицы, сбились для ночлега.
И что им белая зима,
Когда они белее снега?

Какой судьбою занесло,
Как оказалось за Уралом
Здесь украинское село?
У нас ещё не то бывало!

Грустна предзимняя пора.
Сады осенние раздеты.
А кажется, ещё вчера,
Ещё вчера звенело лето.

* * *

Отгорят на западе закаты,
И тогда по краю тишины
По ночам домой идут солдаты.
Столько лет идут домой с войны!

По туманам, по хлебам несжатым,
В лунной серебрящейся пыли,
По ночам домой идут солдаты,
К миру, за который полегли.

И по ним не выплаканы слёзы,
И любовь, и молодость светла...
Как седая женщина, берёза
Ждёт кого-то на краю села.

КАРТОШКА

Картошка — предмет моего поклоненья:
На ней выросло моё поколенье!
В военные, в послевоенные годы
Спасали деревню её огороды.

Хоть мне до сих пор и обидно, и жалко,
Что из-за прополки срывалась рыбалка.
Картошку полоть и окучивать надо,
А лето в разгаре! А озеро — рядом!

...Зимой к нам метели стучали в окошко.
А нам хоть бы что! Разварилась картошка!
Парит в чугушке она, чёрном от сажи.
Такое блаженство, что и не расскажешь!

Такая приятность, что и не опишешь!
Картошка сейчас — это грубая пища.
Но мы о своей не забыли породе!
Мы вместе с картошкой росли в огороде.

Росли, как подсолнухи. К свету тянулись.
...Под старость опять к огородам вернулись!
Нет, вовсе не зря на картошках в мундирах
Чапаев учил воевать командиров!

* * *

Памяти В. И. Гранкина

Страда... И в такой круговерти
Дожди всё грозят и грозят...
Казалось бы, время для смерти
И выкроить было нельзя!

Однако такое случилось
(И вычеркнул военком)...
И, падая, зацепилась
Звезда за насыпанный холм.

В семейном архиве — награды,
Хоть ты их носить не умел...
Тебя отрешила ограда
От всех недоделанных дел.

...Лежит красноватая глина
От кладбища и до крыльца,
Как путь от тайги — до Берлина...
От отчима и до отца!

* * *

Два зеркала я помню: самовар,
Который начищали ежедневно,
И в старом блюдце розовый отвар, —
Два зеркала в избе большой в деревне...

На медных полустёршихся боках
Стояло неразборчиво: «ЩЕРБИНИНЪ».
От чашек пар. И, словно в облаках,
Всплывала лампа, раздвоясь в щербинах.

И в чашке видел я лицо своё,
Румяное и круглое, как пряник.
И золотой на чашке окаём
Повествовал о золотых мне странах!

Два зеркала далёкие мои!
И, право, всё же годы — не помеха.
Могло же моё детство сотворить
Мечту... И сразу — комнату для смеха!

ОВСЯНКА

В. П. Астафьеву

Теперь не замерзает Енисей.
Дороги санной нет до Красноярска.
Овсянка даже летом не в овсе.
Но те же звёзды так же светят ярко.

Не так они медлительны, года,
Как нам порой бы этого хотелось.
Совсем не там живём мы иногда...
Не это важно. Лишь бы так же пелось!

На языке и сосен, и берёз,
Уснувших деревенок и вокзалов, —
И журавлиный крик, и скрип колёс —
Чтоб в этой песне всё в одной связалось.

И вся Сибирь — один огромный дом.
В любой избе всегда ночлег найдётся.
А родина — она не за холмом.
Она с рожденья в сердце остаётся.

Его Овсянка долгие года
Ждала, как мать, и верила: вернётся.
И он вернулся! Тем она горда,
Что родиной Астафьева зовётся.

Уже давно дома вошли в тома.
Деревня стольким людям полюбилась!
Не сирота — теперь она сама
К нему одной избою прислонилась.

* * *

К воде припавший лист опавший...
Склонись — и ты увидишь в ней
На глубине немой и страшной
Круженье юных журавлей.

Ты солнца летнего не требуй
И огорчаться погоди.
На это сумрачное небо,
Всё в журавлях, ты погляди.

Как ты спешил за ними гнаться
И подниматься на крыло!
С тех пор прошло, наверно, двадцать,
А может, тридцать лет прошло!

Пусть меньше птичьего полёта
Взята тобою высота,
Но, как кулик свои болота,
Хвали родимые места!

С годами ближе и красивей,
Они навек в твоей судьбе:
Твоя страна, твоя Россия
И всё хорошее в тебе!

* * *

Я путешествую — чуть лето
Возьмёт разгон.
Мелькнёт обрывком киноленты
Ночной вагон.

И, словно добрая мамаша,
Хоть я ей вовсе не знаком,
Мне стрелочница вновь помашет
Вослед флажком.

А поезд враз осилит выгиб,
Пространство надвое края.
Я перечту ещё, как книгу,
Свои любимые края.

Россия, как ты мне знакома!
Всё еду, еду по прямой.
И всё мне кажется — я дома,
Всё еду, кажется, домой.

Домой... А дома нет в помине!
Вернее, есть — да он не мой.
Там моего не вспомнит имени
И самый старый домовой.

Но всё равно я дальний поезд
Не разлюблю, судьбу кляня.
Опять в нём еду. Беспокоюсь:
Ну как там дома без меня?

АЛЛЕГОРИЯ

1

Выступал я в районе
Степном со стихами
(У работников бойни
Стихов запросила душа).
И когда после чтенья
Отверг я знакомства с цехами,
Ни с того ни с сего
Знаменитость их
К нам подошла не спеша.
Вот стоит он, козлище,
И взглядом пронзает разбойным!
Табачищем, винищем
И кровью пропахший на бойне.
Глаз бесовских огни...
Как Гапон, и лукав, и хитёр он.

И покорно за ним
Овцы к смерти идут к транспортёрам.
Раз козёл впереди —
Овцы следом,
Как единовёрцы.
Но в конце рокового пути
Боковую откроет он дверцу.
Нет козла! Он пропал...
(В боковушке козёл замирает.)
Гурт слепой, как толпа,
На передних овец напирает.
А козлище потом
Выйдет, честно вино заработав...
Водит гурт за гуртом
К транспортёрам, как роту за ротой.

2

Был, я слышал, в войну
Тыловой комиссар...
На ученьях, покончив с речами,
Рыл окопы...
Но если смотрел в небеса —
Знал, что он выше Бога начальник!
Он в атаку ходил,
Загражденья кромсал,
«Козью ножку» вертел для потехи.
Только с теми, кого вдохновлял,
Комиссар лишь до фронта доехал.
Они прибыли все.
Они прибыли в срок —
Не жалеть своей жизни и крови.

Тыловой комиссар
Укатил на восток —
Пополнения снова готовить.
Он цитаты любил.
Говорил как писал.
(Лишь случайно не стал знаменитым.)
Был силён и здоров
Тыловой комиссар.
Он окончил войну замполитом.
И, священнейшим гневом
И мезтью горя,
Он потом возглавлял трибуналы.
Побывавших в плену
Отправлял в лагеря
(На повторные пытки — в подвалы).
Годы... Годы... Душа запоздало болит.
Славы жаждала эта натура!
Но высокая должность ему не велит —
Даже в мыслях — закрыть амбразуру.
Ни добра и ни зла не остудит зола.
Мне давно бы забыть
Ту районную бойню.
Но опять вспоминаю я
Их знаменитость — козла.
А потом — замполита.
И грустно мне. И беспокойно.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ В МОСКВЕ

Памятник поэту. У подножья
Можно и о времени забыть.
Никакой не надо подорожной,
Чтоб спокойно в прошлое отбыть,

Где буран — тому уж два столетья! —
Снегом вдруг в лицо швырнётся зло,
И ямщик, перебивая ветер,
Крикнет: «Коням, барин, тяжело!»
Барин — вот он — грустен и задумчив.
Вдалеке от невских берегов...
Проплывают над Москвою тучи,
Как года, — и больше ничего!
Что поэту дым и гул машинный?
Что толпы идущей суета?
Помнит он кавказские вершины,
Но Казбека выше — пьедестал!
...Снова света у России нету,
Снова все дороги замело.
Вот и крикнуть я хочу поэту:
«Снова коням, барин, тяжело!»

МАРТ В ТУРУХАНСКЕ

Я ищу свободы и покоя!
М. Ю. Лермонтов

Март. Я хожу по Туруханску.
Зарёй в снегах хоть щёки крась!
Быть может, в первый раз не хамски
Судьба со мною обошлась.

И время — словно по заказу,
И замыслы сошлись в одно.
Март в Туруханске. Но не сразу
Весна врывается в окно.

Ещё всю летят «Бураны».
(Давно ли вправду был буран?)
Март. Но пока что льдинам рано
Плыть в Ледовитый океан.

Март всё равно! Уже под крышей
Сосульки первые висят.
И солнце с каждым днём всё выше.
И на сугробах лайки спят.

Найти б душе и сердцу отдых —
Вошла бы смута в берега.
Март. В Туруханске даже воздух
Целебен. Так белы снега!

ЗАРИСОВКА

Дорога — сущий ад для бабки:
На ней стоять никак нельзя!
Визжат машины, как собаки, —
Вопят шофёры, тормозя.

Но перешла! И сразу в скверик,
И на скамью — под тень дерев.
Как будто выбралась на берег,
Реки стремленье одолев.

Руками свой наряд разглядя,
К машинам обратясь спиной,
На голубей нахальных глядя,
Вонзила в «Сникерс» зуб стальной!

* * *

Крыла́ зачёркнуты винтами.
На них — затем, чтоб видел Бог, —
Оставил авиамеханик
Следы промасленных сапог.

А пассажиры ждут тревожно,
Но вот винты — уже круги!
Минуты эти невозможно
Забыть. Уж как тут ни крути.

И мы летим над облаками...
Дороги, реки — всё внизу.
И как ни разводи руками,
Не ведаешь, куда везут.

Зачем мне помнить след подошвы —
Земли последнюю печать?
Всё под крылами, словно в прошлом.
Вот если б снова жить начать!

СМУТА

Валентину Курбатову

Не избежать и мне душевной смуты.
Поэтому, наверное, и грусть...
Всё прошлое я помню — до минуты,
Всё будущее знаю наизусть!

И обращаю к небесам я взоры:
Зачем опять пророк во мне воскрес?
И огненные вижу я озёра,
И ледяные горы до небес!

Но вовсе не хочу я быть пророком.
Пророки иногда, но всё же лгут.
Устало сердце у меня до срока —
С рождения его глаголы жгут!

Пусть ни одной молитвы я не знаю,
Но верую сильней день ото дня...
И как ни тяжела ты, жизнь земная, —
Небесная не трогает меня.

Родные с детства я люблю просторы —
Широкие поля и тёмный лес,
Но огненные видятся озёра
И ледяные горы до небес!

* * *

Чем бы новым в жизни ни повеяло,
С чем бы прошлое ни навалилось вновь,
Важно то, чтоб сердце моё верило
В искренность, и в дружбу, и в любовь!

С ним пока что мы живём в согласии,
Несмотря на горечь всяких бед...
Сердце моё, мало с тобой разве мы
Одержали всяческих побед?

За другого боль мы не утратили.
Значит, можно жить. Всё ничего...
Сердце у меня — дитя без матери,
Обнимаю по ночам его.

ВЕСНА В РОССИИ

Весна в России. Даже в будни,
Как в праздник, рощи в соловьях.
И прорастают травы буйно
Сквозь каски ржавые в полях.

И много-много наших близких
Лежат под красною звездой.
Цветы под каждым обелиском,
Почти над каждой высотой.

Все эти войны мировые —
Раздел полей, раздел морей —
Они как раны ножевые
На теле Родины моей.

Россия! Будь со мной бессонно,
Чтоб в днях моих, в моих ночах
Твои ладони, как погоны,
Лежали на моих плечах!

ТАЁЖНАЯ РЕКА

Куда стремишься ты, вода?
Ведь в море сгинешь без следа!
И там, во глубине солёной,
Не будет берегов зелёных,
Ни скал, ни вековой тайги —
В глубинах не видать ни зги!
В реке вода сверкнёт зеркально,
Где будет небо с облаками,
И города, и сёла в ней
(Лишь в перекатах дно видней).

Мальки снуют на мелководе.
Спешить реке не надо вроде,
Но день и ночь бежит она,
Как к берегу её волна.
Люблю с рожденья реку эту
(Здесь каждый может стать поэтом).
И пусть течёт ещё века
Моя таёжная река!

* * *

Осенний день проходит бестолково,
Без радости полезного труда.
Не происходит ничего такого,
Что б в памяти осталось навсегда.

В окне давно привычные картины.
Дома угрюмы. Каждый скверик жёлт.
Не оживляют улицу витрины.
И влажный воздух от машин тяжёл.

Деревья облетают. Птицы редки.
Пожалуй, чаще самолётов гул.
Здесь веселее жили наши предки,
Хоть и входили, как и мы, в загул.

Они лечились баней и работой.
Им капельниц не ставили врачи.
Мой телевизор выключен. Я что-то
От ужасов устал. Пусть помолчит.

Осенний день. Поля домами скрыты.
И там теперь — лишь холод и тоска...
Не в корабле под парусом — в корыте
Несёт меня забвения река.

* * *

В тайге, на берегу реки, —
Деревня в соснах, словно пленница.
Здесь срубамы стоят поленницы.
И чинят сети рыбаки.
С мотором на плече мужик
Уходит по крутой тропинке.
В окошке школьник без запинки
Стихи читает... И кружит
Скопа над беспокойным плёсом.
Не утихает мошкара.
Здесь в накомарниках с утра
Плывут на лодках на покосы.
И так давно знаком он мне —
Привычный быт в деревне этой:
Она готовится всё лето
К суровой северной зиме.
Пока что летняя жара,
И солнце с неба долго сходит.
Гудят друг другу теплоходы,
Идут с плотами катера.
И облака легки, как пух,
И нет тайге конца и края!
И над селением витает
Глухой тайги смолистый дух.

* * *

Всё ниже спускается солнечный шар,
Скрывается в тучах осенних всё чаще...
Последних цветов остывающий жар
Еще пробивается, светит из чащи.

Уже прилипает к подошвам листва.
И поле острижено, как новобранец.
Увяла, опала трава-мурава,
И первоклассник примерил свой ранец.

ПРЕДЗИМЬЕ

Что ж, прощай, гнездо родное!
Улетают птичьи стаи.
Эхо носится лесное:
Улетают — тают — тают.

Лист осенний воздух режет.
По ночам покой тревожит
Или филин, или леший —
Что почти одно и то же.

Скоро звери шубы сменят.
Лишь грибы растут упрямо.
И, в клубки свернувшись, змеи
Зимовать залезут в ямы.

Барсукам, ежам — не хуже...
И медведям сон — спасенье:
Спи себе, не зная стужи,
А проснулся — лес весенний!

И после морозом в палатку дышала всю ночь.
На стебле росинка застыла, висела, как глобус.
Ах, если бы мог я хоть чем-нибудь лету помочь!
Но даже и солнце ему уже не помогло бы...

ИКОНЫ

Горят оклады снежным серебром.
И вижу я одни и те же лики.
Но всё ж Господь останется великим,
Хоть этот век не кончится добром!

Я вижу краски древнего письма.
Там трещины, как будто паутина.
С кого списали лик? Была ль причина?
Но истина для нас темна весьма.

А был Господь иль нет? Откуда знать?
Но птицы, рыбы, и зверьё, и люди —
Мне говорят, что был Господь и будет!
Его и нас никак нельзя разнять.

Вот потому и смерть нам не страшна.
Ведь тело — это лишь добыча тлена.
И нашим душам жить во всей Вселенной!
А Бог — Он помнит наши имена...

В ПОЛЯХ

Здесь ветер не стихает никогда.
Вокруг поля, а за полями — горы.
Здесь птицы не сидят на проводах.
Они садятся только на опоры.

А где моя опора? Мне бы к ней
Прижаться, чтобы ветром не сносило!
В полях все наши горести видней.
А может быть, в полях и наша сила?

И всё равно охватывает грусть —
Она на сердце тяжело накатит...
Но высказать её я не берусь,
Наверное, на это слов не хватит.

Поля, поля! Над ними облака.
А ветер, как пастух, за ними ходит,
А ночью, как небесная река,
Возникнет Млечный Путь на небосводе.

Всё вертится и вертится Земля,
Всё видится на ней мне жизнь иная...
Как этот ветер в сумрачных полях,
Куда я тороплюсь? И сам не знаю!

ГРУСТНАЯ МЫСЛЬ

Так мало радости — не потому, что стар...
И в юности проблемы не откинешь.
Конечно, всем даётся в жизни старт,
Но не дано предугадать нам финиш.

Устанешь от вина и от подруг,
Красы природы вдруг тоску навеют...
Ведь почему богема любит юг?
Там бездари под солнцем «бронзовеют»!

На севере легко сойдёт загар,
Все думы не про лето — лишь о Лете...
Так нелегко увидеть Божий дар
Или пророка разглядеть в поэте!

ИСКУШЕНИЕ

Сон приходит по ночам
К батюшке кошмарный:
Будто он идёт венчать
Демона с Тамарой.

Торопливо облачась,
Он в пути не медлит,
По ночному небу мчась
На метле, как ведьма.

В страшный замок он спешит.
Но, проснувшись, бледный,
За спасение души
Молится усердней.

Чтоб не делать вновь грехов,
Говорю вам, отче:
Не читайте вы стихов
Лермонтова к ночи!

ПРЕДЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Скрипит, скрипит колодезный журавль.
А журавли над ним уходят клином
Над краем дорогим, неповторимым
И над соцветьем из последних трав.

С полей всё чаще тянет холодком,
Дрожат опять раздетые деревья.
И крышами горбатится деревня,
Вновь бани обозначены дымком.

Привычно повторяется пора,
Когда приходят грустно эти строки...
И белым не докрашены сороки.
Становятся длиннее вечера.

Щетинится намокшее жнивье.
А ягоды друг друга в банках давят.
Идет зима, которую так хвалят
За Новый год, за праздники её!

Но чехарда погод и перемен
Давно знакома — всё ж нова, как прежде,
Как перекройка, как сезон одежды:
Лишь беспокойство — ничего взамен.

Но в этот год кому-то суждено
Узнать, увидеть собственную осень,
Заголосить — и вдруг обезголосеть...
Но не закрыть, а распахнуть окно!

* * *

Осенние заботы —
Осенние работы...
И холодом налиты
Капусты кочаны.
И всяких птиц полёты,
И журавлей отлёты,

Войти в сей храм...
Об этом нет и речи,
но здесь зимой
    псалмы поёт метель!
Сейчас сентябрь.
    Вода по камням скачет.
Базаиха мелка здесь,
    но быстра!
К ней ближе — бани,
    чуть подальше — дачи.
Ночами лижет тьму
    язык костра.
Со скалами таёжными,
    с туманом —
правобережный свыкся
    Красноярск.
Теплынь! Но надо ждать
    нам снежной манны,
а синь авиалайнеры
    кроят.
Осенним солнцем
    храм-скала облита.
И позабыть о ней
    я не смогу.
Базаиха читает
    нам молитвы,
а может быть,
    бормочет на бегу?

САМОЛЁТЫ

Как в детстве я
    следил за журавлями,
теперь за
    самолётами слежу.
И даже ночью
    в звёздной неба яме
мерцанье
    огоньков их нахожу.
Легко себя я
    представляю в кресле,
летающим
    с облаками в вышине.
Я знаю,
    что со мной случится, если
вдруг приземлиться
    не удастся мне.
Испытывает
    эти страхи каждый,
когда взлетает
    в небо самолёт.
И всё-таки
    не исчезает жажда —
вновь испытать
    стремительный полёт.
Завидую я
    лётчикам, хоть знаю:
любой полёт
    в конечном счёте — риск.
Об этом
    каждый раз напоминает
с пропеллером
    застывшим обелиск.

ПОХВАЛА

Мой сосед не позабыл,
Как однажды лично
«В пух и прах» расхвален был
Он математичкой...

С той поры прошло сто лет —
Наша песня спета.
Позабыто всё... ан нет!
Помнит он об этом.

Похвалы былой слова
Всех других дороже!
Он всего-то два на два
Правильно умножил!

Прямо скажем: старику
В детстве подфартило.
Похвалы той дураку
На всю жизнь хватило!

* * *

Стеклянный звон,
Фонтаны льда над руслом,
Большой воды неукротимый гнев,
Как будто бы, вверху оледенев,
Сиянье северное рухнуло, как люстра.
Мгновенных радуг светлая игра.
По берегам стоннейшие глыбы...
Любитель рыбной ловли, а не рыбы,
Я воду, чистую от льда, ищу с утра.

...На северной реке тяжёлый лёд
Казался мне вчера несокрушимым.
Теперь он мимо мчит, как одержимый,
И, может быть, до моря доплывёт.
Через неделю будут катера,
А завтра в воду бросятся моторки.
И гуси прилетят, и мошкара
Завьётся у костра в дыму махорки.
Всё будет так. Всему есть точный срок —
С опереженьем малым иль с задержкой.
Река ничуть не кажется мне дерзкой,
Но кажется мне дерзким островок.
На нём сейчас такие горы льда!
На нём кусты превращены в мочало.
За жизнь свою такие льды встречал он,
Но зеленеет летом, как всегда.
Гонимый всеми бедами судьбы,
Тот островок в краю земли родимой
Выходит каждый раз непобедимым,
И остаётся место для избы.

* * *

Садятся птицы на́ воду
И кружатся-кружат...
Опять весенний паводок —
И льдами я зажат.
Весь лёд мне к сердцу движется!
Боюсь — не устою...
Хочу с тобой увидеться —
Ведь я тебя люблю.
Спасибо за последние
Хорошие слова:

«В дни зимние и летние
Одним тобой жива».
А лёд ломает хрупкие
Прибрежные кусты...
Какие звёзды крупные
Сияют с высоты!
А лёд идёт вдоль берега,
И нет преграды льду...
Хочу, чтоб ты поверила,
Что я тебя найду.

УТРО

Набираем полный ход.
Штурман смотрит пристальной.
Уплывает пароход
До соседней пристани.

Белый бакен — белый гусь
(Красный на восходе).
Проплывает мимо Русь —
Лучшая из родин!

Выбегают берега,
Роща, бор сосновый,
Отражаются стога,
Кони и коровы,

Синий дым печной трубы,
Дед в пимах и в шубе,
Трактора, дома, столбы
И плакат над клубом.

Пароход усат, как сом,
След за нами пенный,
А гребное колесо —
В радугах мгновенных!

ПЕРСПЕКТИВА

Повсюду жизни проза,
Но вот сажусь в вагон...
В гудках электровоза
Звучит аккордеон!

С запасом разной снеди,
В нарядах без затей,
Куда спешат соседи
Под смех и плач детей?

Мне это неизвестно —
И вовсе ни к чему.
Своё я занял место,
Чужое не займу.

Вот так бы — в сердце вашем,
Но там мне места нет...
Куда дорога ляжет?
Куда купить билет?

Пошлю я эстафету
В Москву, на самый верх:
«Карету мне, карету!»
И позапрошлый век!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Всю ночь шёл снег, не уставал,
Кружился, звёздочками падал.
И вся была округа рада —
Давно декабрь снега ждал!

Лучей искрился хоровод
Ещё вчера на льду озёрном.
А берега оправой чёрной
Казались для замёрзших вод.

Что стужа зимняя? Бог с ней! —
Зимы без стужи не бывает...
Теперь надёжно укрывает
Поля и рощи мягкий снег.

Всех первый снег очаровал!
Полно следов мужских и женских...
И ясно сводне деревенской,
Кто где сегодня ночевал!

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Сквозь призму времени смотрю
И всё былое ясно вижу.
И, не в пример героям книжным,
За всё его благодарю.

Страстей кипенье позади,
И не томит желанье славы.
И мне, как после переправы,
На берег надо выходить.

А здесь весна! Звенит капель.
Вновь обновление природы.
Дымят кострами огороды.
И смерть — за тридевять земель!

ДЕКАБРЬСКИЙ ВЕЧЕР

Морозный туман слоится.
Шаги всё реже и глуше.
Свет фонаря струится,
Словно вода из душа.

Вычурность снежных карнизов,
В скверах следы позёмки.
Но сладко у телевизоров
Пенсионеры позёвывают...

Назавтра метель вдруг взбесится!
Но лучшего нет исхода:
Декабрь — самый хмурый месяц —
Кончается Новым годом!

СВЯТКИ

Под снегом дремлют тополя.
Снежинка на ладонь садится.
И кажется, что и Земля
В Луну, как в зеркало, глядится.

Гадают вновь под Новый год
(По стилю старому — всё реже.
Знать, интерес уже не тот,
Но мысли тайные всё те же).

Коварны нынче женихи:
Ты на него гадай хоть сутки —
Он выйдет из воды сухим!
Ему гаданья — предрассудки.

Моя волнуется душа,
Хоть годы быстро пролетели.
А ночь на диво хороша!
Кому б явиться, в самом деле?

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Разлита полдневная нега.
У речки стада прилегли.
Но вдруг среди ясного неба
Издали свой крик журавли.

Их двое. Они над болотом
Кружат в голубой вышине.
Слугнул их, наверное, кто-то,
Пока что неведомый мне.

Ещё журавлям до отлёта
Есть время. Зачем им кружить?
И этот неведомый кто-то
Мешает спокойно им жить.

Уже намечается стычка.
И птицы прервут свой полёт.
Но, прочь убегая, лисичка,
Как пламя, меж кочек мелькнёт.

И снова всё мирно и тихо.
И полдень опять онемел.
И мёдом исходит гречиха,
И в клевере возится шмель.

Какая приятная дрёма
Вот-вот околдует меня!
Но тут убежавший из дома
Щенок наш спешит, семеня.

За мухами станет гоняться,
Устанет — свернётся у ног.
Хочу со щенком я обняться,
Уснуть с ним, как в детстве я мог.

ПОЛДЕНЬ В СТЕПИ

Александр Девяшину

Степь, где полдень уставшим кочевником спит,
Где веками и птица, и зверь выживали.
А какие цветы полыхают в степи!
Словно их мастерицы ковров вышивали.

Ветер быстрый начнёт пригибать ковыли.
Вздрогнет лошадь, задумчивый всадник очнётся...
Ходит коршун кругами, но так высоко от земли,
Словно в небе и вправду скорее добыча найдётся.

Полдень. Лето. И птицы невидимой трель.
И предаться мечтаньям такая возможность!
Небо, степь и цветы — чуть ли не акварель!
Но, чтоб это запомнилось, нужен художник!

ПРОВОДЫ

Вновь уходит от вокзала поезд.
Новобранец машет из окна.
Мать стоит, волнуясь, беспокоясь...
Господи! А вдруг опять война?!

Как они беспечны, парни эти,
Хоть бы что им! Ни одной слезы.
Если правда счастливы так дети,
Что ж так много матерей седых?

На перроне мать стоит печально.
Столько грусти — от России в ней!
Хоть она молчит — её молчанье
Крика и рыдания сильнее...

Вот она уходит от вокзала...
Что она в своей душе несёт?
Что она сыночку наказала?
Может, просто выжить — вот и всё.

* * *

Алексею Мещерякову

Над странной прихотью
Случайных настроений
Витает боль ошибок и утрат.
Идёт побед блистательный парад.
И каждым утром — мира сотворенье!
Пока ещё до первого луча
Не больше часа...
Слышен птичий гомон...

Пока что сны досматривает город,
Пока щека любимой горяча...
Как гром небесный, реактивный гул
Сбивает с трав невысохшие росы.
Какие-то неясные вопросы
Теснятся, словно ты и не заснул.
И всё-таки ты безмятежно спал.
И кажется, что мир не изменился,
Но в эту ночь ребёнок родился,
И кто-то в море без вести пропал...
Творцов всю ночь терзало вдохновенье...
И каждый день — как мира сотворенье!

МИЛОСТЬ

Когда на нас с небесной высоты
Взглянул Господь, мы выходили с поля.
И я, узнав знакомые черты,
Перекрестился тут же поневоле.

Виденья с неба я не заслужил,
На это даже права не имеа!
Но этот лик меня заморожил.
И я стоял, волнуясь и немея.

То было облако. Рассеялось оно.
Но на душе моей осталась смута.
Увидеть Бога вряд ли всем дано —
Хотя бы на какую-то минуту.

С тех пор смотрю я часто в небеса,
Но облака знакомого там нету.
Я видел Бога — это чудеса!
Не в силах объяснить я милость эту.

* * *

Глухие поляны лесные —
Сугробы на каждом шагу.
Следы под луной голубые
Лежат на пушистом снегу.

Сначала раздвинутся ели
И молча сомкнутся опять,
Когда, нагулявшись, метели
Появятся в шесть или в пять.

Как сцена — пустая поляна.
Ушли и солисты, и хор.
В берлоге медведь постоянно
Храпит, словно в будке суфлёр.

Неважно, что зрителей нету
Ни в первом, ни в заднем ряду,
Но белых метелей балеты,
Сменяясь, всю зиму идут!

ТЕБЕ

Так хочется о светлом, о хорошем
Поговорить с тобой одной, любимой.
Подкрашенные волосы взъерошить...
А всё плохое пусть уходит мимо.

За окнами бушует век жестокий,
С убийствами, пожарами и грязью.
А нам с тобой совсем не одиноко —
И есть ли что любви прекрасней разве?

Покажется, что больше нету горя.
Нам столько счастья видится обоим!
Но почему такая в сердце горечь?
И почему за радость платят болью?

Пусть мы на это не найдём ответы.
Они едва ли ведомы учёным.
Давай ещё на этом белом свете
Задержимся. Для нас он не был чёрным.

«ПОЛУПОЧТЕННЫЙ»

Я, может, одурел уже от чтенья...
И встретюсь мне в дверях швейцар-ворчун,
Ещё скажи он мне: «Полупочтенный», —
То я не удивился бы ничуть.

Как будто я москвич иль петербуржец
Давно забытых лет — не то что дней! —
В шинели николаевской я в стужу,
Да и в жару гуляю только в ней.

Шатаюсь днём по рынкам и бульварам
И папиросы штучные курю.
С торговками торгуюсь... Их товаром
Интересуюсь меньше, чем корю.

И снова в холостяцкую берлогу
Плетусь и грею ужин при свече.
И хоть от жизни надо мне не много...
«Полупочтенный» — оскорбляет честь!

Ну что ж, пора вернуться в двадцать первый,
В кошмарный век глобальных катастроф.
«Полупочтенный» мне не портит нервы —
Теперь уже не знают этих слов...

Года, года... Но я с нравоученьем
Не попадаю больше в переплёт...
И называть меня полупочтенным —
Почтенный возраст права не даёт!

ЗНОЙ

Зной — и ставни
наглухо закрыты.
Мух в избе —
как будто в улье пчёл!
Псы лакают
воду из корыта.
А из хрюшек
скоро сало потечёт...
Вот они и закопались
у забора.
Под крапивой
дремлют курицы в тени.
Больше сотни вёрст
отсюда город!
Деревенька —
островку сродни.
На старух летит
лучей солома.
Терпеливо
ждут они гостей.

Жар, как говорят,
костей не ломит.
А язык —
он вовсе без костей.
Может быть,
печалью отзовется
Всё, что я
увидел жарким днём...
Зной. А старичок
в пимах плетётся.
Но фуражка
флотская на нём!

ОДУВАНЧИКИ

Век одуванчиков печален:
Как по велению злого духа,
Где на стеблях цветы качались —
Возникнут шарики из пуха.

Порывы ветра унесут их
Через какую-то неделю,
А может, даже через сутки —
Здесь ничего нельзя поделать.

Не изменить закон природы.
Какая в нём сокрыта сила?!
Не одуванчики — народы,
Не ветер — время уносило.

Исчезли царства, грады, веси,
Как будто не было их вовсе.
А летний ветер куролесит,
Пух одуванчиков уносит.

* * *

Ах, как мне хочется
Лететь куда-нибудь!
Да не зачем-нибудь,
А просто так,
И где никто меня
Не ждёт заранее,
Где разрешается одно:
Мечтать!
А утро летнее —
Такое раннее!
И синева вверху — как на века.
И с грустью вижу я,
Что след от лайнера
Летит, как белый шарф,
Сквозь облака...

* * *

Осенние мотивы, как ни жаль,
Они с печалью — это осень всё же.
И листья сиротливые кружат.
В боку у жёлтой дыни стынет ножик.

Все бани топятся, шумит всюю шуга.
Туманы гуще... Леденеют росы.
И скоро лампам за полночь мигать,
Из белых роц выглядывать морозам.

Осенние мотивы чуть длинны.
(Настолько дни теперь ночей короче.)
И будет лес до будущей весны
Волшебницей-метелью оторочен.

Цифры посчитал — билет счастливый!
И обидно стало мне до слёз:
Почему всё так несправедливо?
Что ж билет мне счастья не принёс?

Как не верить ни приметам, ни гадалкам?
Я традиции, конечно, не виню...
Отнесу пиджак на мусорную свалку,
А билет, пожалуй, сохраню!

Говорят, что надо съесть его, — невкусно!
Сохраню билет в шкатулке. Пусть лежит!
Жить без суеверий тоже грустно.
А с надеждою на счастье легче жить!

* * *

Куда? От кого? И зачем я бегу?
Посмертные маски шагов на снегу.
А город ночной снегопад осыпает,
И люди уставшие в нём засыпают.

Погашены окна, закрыты все двери.
Меня лишь бессонница гонит, как зверя...
Мой лечащий врач говорит мне с участием:
Свихнуться с ума от любви — это счастье!

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

Был жутким тракт Сибирский:
В полгода путь, как боль.
Дождь — сразу душ и стирка,
А снег — на раны соль!

И стоны, и проклятья,
И степи, и тайга,
И реки волны катят,
Простор зовёт в бега...

Когда всё было это?
Кто помнит каторжан?
Сибирь. Жара здесь летом
Да коршуны кружат.

В траве от пыли белой
Кузнечики белы,
Звенят, как будто с беглых
Сбивают кандалы!

ТРОФЕЙНАЯ ГАРМОШКА

Нас гармошка немецкая ссорила.
Так на ней серебрился оклад!
Мы гармошку губную мусолили,
Как детишки теперь шоколад.

Подбирали «На сопках Маньчжурии»,
И «Тачанку», и песни войны.
Но гармошка свистела, как жулик,
То хрипела от общей слюны.

Ни грустиночки нет, ни задора —
Её участь была решена
Справедливым одним приговором:
Не умеет по-русски она!

* * *

Анжеле

Свет мелькает: то там, то здесь он.
До утра ещё далеко.
И, как пёрышко, — полумесяц
Над перинами облаков.

Появляется снова облик твой,
Он меняется, как в кино.
Хорошо бы уснуть на облаке —
Только этого не дано.

Никакого покоя и отдыха.
О былом вздыхаю, скорбя,
Словно мне не хватает воздуха,
А вернее всего — тебя!

* * *

С водой речной, с водой озёрной
Пришли в движенье жернова.
И зёрна трутся вновь о зёрна.
И, как в снегу, в муке трава.

Виденья детства неотступно
Бегут почти у колеса.
Меняются ежеминутно...
Ребячьи слышу голоса.

Всё так же моет корни речка,
И в красных ягодах кусты,
И чьё-то детское сердечко
Замрёт на миг от красоты!

НОЧНЫЕ СТРАХИ

В заливчике застыла тишина.
И время никуда здесь не торопится.
И, отражаясь, светится луна,
Так схожая с лицом утопленницы.

И мёртвым светом даль озарена.
Ель молодая, как монашка, в чёрном.
Не филин ухает — сам Сатана!
И в омуте — топляк с рогами чёрта.

Зайду в чащобу — и начнут хватать
Не ветви, а как будто руки чьи-то...
Листком осины сердце трепетать
Начнёт! Как будто страх давно просчитан!

Как бы дожить до третьих петухов?
Но их в тайге, как всем известно, нету.
И не отпустят здесь моих грехов.
Дожить бы, дотянуть бы до рассвета!

А солнца луч — он будет как сигнал:
Исчезнет нечисть, ухнув напоследок...
Ночные страхи на меня нагнал
Проснувшийся во мне косматый предок!

* * *

Сначала вечер тени намечал,
А через час ещё на крышке чёрной
Рояль уже луча не замечал —
И луч исчез, печальный, утончённый.

ПРОВИНЦИЯ

У красивой продавщицы
Чуть усталое лицо.
Высветляются ресницы
Золотистой пылью.

Городок провинциальный...
Но, как выяснилось, здесь —
Всем назло, принципиально —
Золотая пудра есть!

На весы летят селёдка,
Колбаса, конфет кульки.
Жаль мне, модница-молодка,
Что в снегу мои виски.

Может, ты смогла б на сцене,
На экране — первой стать!
Кто в провинции оценит
Красоту твою и стать?

Может быть, тебе не нужен
Восхищённый возглас: «Бис!»
Может быть, с шофёром-мужем
Ты счастливее актрис?

Я и сам не из столицы.
И живу, как перст, один.
«Что, не можем прицениться?
Эй вы, в шляпе гражданин!»

ГРАНИЦА

Здесь сосны загорели, как на юге.
Берёз не видно в зелени листвы.
И облака вдали плывут, как струги,
И пахнет мёдом скошенной травы.

И, выйдя из воды, под солнцем сохнут,
Блестя боками, кони на лугу.
Девчонка, золотая, как подсолнух,
О солнышке поёт на берегу.

Спокойная и мирная картина...
И синева, и ясный свет окрест.
Но в этой синеве два реактивных
На небе белый вычертили крест...

КРАСКИ СИБИРИ

Откуда эта роскошь красок
В Сибири летнею порой,
Цветы таёжные из сказок
И радуги над Ангарой?

Зарницы в небе, как живые,
Враз озаряют всё вокруг!
Свои, наверно, кладовые
Земля на миг открыла вдруг.

Всё лето пребывать в красе ей,
Сибири нашей, с давних пор.
Полярный день над Енисеем —
И вот не тундра, а ковёр!

А зимней ночью здесь слиянье
Красы небесной и земной...
Над снегом в северном сиянье
Все краски лета — до одной!

НЕБО

Какие дивные картины
Нам дарит небо в каждый миг!
На эти синие холстины
Посмотришь — и пейзаж возник.

Там облаков летучих стая
Переменяется в лучах.
То рощи в небе вырастают,
А то куда-то кони мчат.

То вдруг возникнут великаны,
А то река без берегов...
Мощь и фантазия такая —
Достойная самих богов!

Но и земля полна сюжетов...
И всё же эти небеса —
Для музыканта и поэта
И для художника-творца!

Но, впрочем, здесь не надо спорить,
Кому волшебный миг ловить.
Нет в небесах людского горя
И безответной нет любви.

Там солнцем каждый штрих украшен,
Там для философа — простор!
Ты так прекрасно, небо наше!
К тебе я руки распротёр!

УТРЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Сад дымом зелёным клубится.
Хмель словно застрял в городье.
Здесь бабочки, пчёлы и птицы
Работу находят себе.

С утра начинается пенье.
Глаза раскрывают цветы.
И солнце встаёт постепенно.
Росою искрятся листы.

Пылить начинают просёлки.
Вся в отблесках света река.
И как у игрушек на ёлке
Раскрашены яблоч бока.

При виде такого пейзажа
Ждёшь только хороших вестей...
Отрадно! И хочется даже,
Как птицы, в саду засвистеть!

* * *

Июля уход неистовый!
Зелёный пожар не угас.
Смородина смотрит сквозь листья
Сотнями чёрных глаз.

Вовсю гроыхать ещё грозам,
Хоть ливни уже слабей.
Не так ещё всё серьёзно
В нашей с тобой судьбе...

Тревоги и ночи бессонные.
Лишь бы сердцам не остыть.
Смотри, как смеётся подсолнух,
Как тянутся к солнцу цветы!

ЧТО ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ ТВОРИТ

Что июльский день творит!
Всё шумней и шаловливей,
Словно рыбки пузыри,
По реке пускает ливень!

Но пройдёт лишь полчаса —
Гром за дальним лесом смолкнет,
И дождейки, как роса,
Засверкают в травах мокрых.

Что июльский день творит!
Но всё зреет, слава Богу...
Летом — что и говорить —
Веселее жить намного.

Даже если ты старик —
Никуда от лет не деться —
Приходи поговорить
И с улыбкой вспомнить детство!

ЧАЙКА НА ЕНИСЕЕ

Волны высокой гребень,
А лодка — как качалка.
А в тёмно-синем небе —
Белее пены чайка.
А ветер всё крепчает,
А ветер всё сильнее.
Играет с ветром чайка,
Играет ветер с нею.
А тучи небо скрыли —
На целый день, быть может...
На взмахе чайки крылья
На две волны похожи.
Сама — как знак разлуки,
А в ней — ну как тут спорить! —
Душа живет, по слухам,
Того, кто сгинул в море.
Я к берегу причалил.
А с неба дождик сеет.
Но всё белеет чайка
Над синим Енисеем.
И всё не так уж мрачно,
И дождь мне не мешает.
Летит речная крачка.
Зачем моя душа ей?
И если Бог позволит,
Отдам её нескоро,
А чайка — символ воли,
И ветра, и простора!

* * *

Никуда меня не зови —
Даже светлая даль не трогает.
Я забыл, как поют соловьи,
Все мои заросли дороги.
Хоть не очень-то постарел —
Просто в сердце нету восторга.
Край небес моих обгорел
И на западе, и на востоке.
Но, быть может, когда-нибудь
Вдруг случится со мной такое:
Сам тебя позову я в путь,
Даль такую тебе открою,
Где знакомых зверей и птиц
Нету! Там они все из сказок.
Там не надо листать страниц —
Книгу всю прочитаешь сразу.
В этой книге всё про тебя,
Про глаза шальные и губы.
Домовые там тихо трубят
Тёмной ночью в печные трубы.
И, о прожитом не скорбя,
На крыльце просидим до свету.
В этой книге всё про тебя,
Про меня там и строчки нету!

СЛУЧАЙНЫЙ ЛУЧ

Как будто небо протекло!
И дождик продолжает литься.
Но ослепила вдруг стеклом,
Случайный луч поймав, теплица.

Сомкнулись тучи в тот же миг —
И всё опять в завесе серой.
И вновь тоска меня томит...
И воздала мне полной мерой:

За каждый мой неверный шаг,
За все ошибки и просчёты.
Ты уходила не спеша.
Я проводил тебя с почётом!

И где теперь ты? На вопрос
Такой не надо ждать ответа.
Однажды дальний стук колёс
Напомнит мне, что было лето!

Где каждый поцелуй был жгуч
И каждый взгляд таким был нежным...
Не для меня ли этот луч
Блеснул на миг, как луч надежды?

* * *

Памяти Анжелы

Я снова вижу тебя такой:
В белом тумане над сонной рекой,
В красном восходе, на красной реке —
Капелькой крови на стебельке.

Я буду помнить тебя такую:
Ты с берега машешь мне вслед рукою,
В красном восходе, в красной заре —
Последнею ягодой в сентябре!

ВЕЧЕРНЕЕ ПОЛЕ

Не вьётся дорожная пыль.
Всё тихо — от края до края.
Лишь ветер колышет ковыль,
Да красный закат догорает.

Что было до нас — не узнать.
Но что-то здесь всё-таки было.
Быть может, несметная рать
По этим местам проходила.

Возможно, что битва была,
Где падали люди и кони...
Где враз всё сгорало дотла...
Но кто это знает и помнит?

Смотрю, но не вижу примет
Времён тех. Попрятались, что ли?
Но сердцу отраднее нет
Вечернего русского поля.

ЗАКАТ В СТЕПИ

Закат в степи! Помпеи гибель
В сравненье даже не идёт...
И сто пожариц не смогли бы
Так раскалить небесный свод!

Такие огненные смерчи
Расплавить всё вокруг грозят!
Как будто в самом деле черти
Нам показать решили ад...

Пусть за грехи грядёт расплата...
Ну а пока навстречу нам —
На фоне страшного заката —
Пылит с отарою чабан.

СТЕПЬ

Шатрами ханов — в степи курганы
Стоят безмолвно века подряд...
Под облаками орлы кругами
Как будто те же всю жизнь парят.

А время словно остановилось.
И те же травы в степи растут.
За что? — Не ясно. Но Божья милость
С времён древнейших являлась тут.

Здесь с быстрым ветром играют кони,
Овец отары — как тени туч.
Ночное небо звезду уронит
В степное море с небесных круч.

В степи курганы полны преданий.
А то, что было до нас, — темно...
И как прекрасно, что первозданной
Нам степь увидеть ещё дано!

ДЕРЕВЕНСКИЙ САД

Рамки, улы, кадки, доски,
Облетевший сад фруктовый.
Вьётся меж стволов тропа...
Мёдом, яблоками, воском,

Свежей стружкой сосновой
Дом бревенчатый пропах.
Есть калитка и ворота,
Неширокая дорога —
Для телеги и саней.
У коня одна забота —
Чтоб его овса не трогал
Вороватый воробей.
Я хожу сюда частенько.
Мне хозяин — друг давнишний,
Садовод и пчеловод.
Мы с ним выпьем помаленьку —
Нам не надо рюмки лишней...
Брага — чудо! Хмель и мёд!
Не спеша ведём беседу.
Про политику — ни слова...
Нам других хватает тем.
Жаль, что я опять уеду...
А вернусь ли скоро снова
Под защиту этих стен?
Здесь про беды и печали
Забывается невольно...
К месту Пушкина строка.
Время маятник качает —
С нас и ходиков довольно,
Чтоб понять: идут века!

СКОРЬБЬ

За стеною лютый холодище...
Что он мне в натопленной избе?
Человек, придумавший жилище,
Благодарность вечная тебе!

Где Макар телят не пас,
Мы поедем! Кто тут крайний?
Хорошо, где нету нас!
А вот мы туда нагрянем.

Денег нету — не беда!
Нам с тобой и горя мало.
Мы всегда примчим туда,
Где лишь нас и не хватало!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Вокруг стоит такая тьма!
Деревья скрылись и дома.
Гроза и громов голоса,
В ожогах молний небеса.
И снова тьма! Лишь хлещут струи:
Полночный ливень озорует...
И ни огней, и ни дорог,
И жутко выйти за порог.
И свет погас! И лишь гроза
Слепит усталые глаза.
Но будет утро всё равно.
И ветки постучат в окно.
Тобою залуюбуюсь я,
Русалка сонная моя!

ОБЛАКА

Облака то сойдутся в гурты,
То умчатся... И снова пусты
Золотые небесные выси!
И туда устремляются мысли,

И туда устремляются взоры,
Где границ не имеют просторы!
И в немыслимой той вышине
Ангел мой загрустил в тишине...
Снова облако в небе парит.
А для солнца оно — как парик.
И в июль запрокинулось лето —
До последней травинки прогрето.
В летнем поле один я стою.
Выбираю дорогу свою.

ВЕЧЕРНИЕ ОГОРОДЫ

Мошкой закаты запорошены.
Дымком костров от речки тянет.
В зелёных капсулах горошины —
Как будто инопланетяне.

Вокруг глаза цветов, прикрытые
Расцветок разных лепестками.
Картофелины здесь зарытые
Растут, толкаются боками.

Подсолнух спит, склонивши голову.
Ни пчёл и ни шмелей не слышно.
Ночными ласточками голыми
Летучие мелькают мыши.

Луна плывёт по небу лилией.
В ногах щенков весёлый вертится.
Такая редкая идиллия,
Что даже мне в неё не верится.

* * *

Снова я к тебе вернулся —
Чёрт меня принёс!
Вот калачиком свернулся
Перед дверью пёс.

Я вернулся в раз который? —
И не сосчитать...
Пёс ворчит — твой верный сторож.
Только я не тать.

Я пришёл, чтоб не расстаться,
Веря в чудеса...
Пусть они тебе приснятся —
На крыльце два пса.

МОЛИТВА

Я душой нежнее облака,
Если кажется — крестись.
Над моим, представьте, обликом
Не одна трудилась кисть!
Не об этом речь веду я,
Не до славы — был бы жив!
Как тебя воспеть, святую
И такую непростую,
Чем пленить тебя, скажи?

* * *

Опять погоды перемены:
Стоит то холод, то жара.
На телевизорных антеннах
Вороны каркают с утра.

Чего им надо, чёрным птицам —
Большим любителям крестов?
Что суждено — тому и сбыться!
Я ко всему давно готов.

Но всё же утро, всё же свежесть —
И лето, славное почти.
И всё равно не так, как прежде,
Сияют золотом лучи.

Возможно, что-то позабыл я
И не найду никак своё...
Душа не обретает крылья,
Всё реже слышу соловьёв.

Но всё равно я рад, что снова
Цвести цветам, расти траве,
Что — жизни будущей основа —
Играют дети во дворе!

* * *

Ко двору я здесь едва ли —
Это видно по глазам...
В гости вы меня не звали,
А вот я явился сам!

Вытер ноги у порога,
Шапку кроличью верчу.
Вы не бойтесь, недотрога,
Я вас трогать не хочу.

И не виден мне призрачный берег.
Глубоко! И вода тяжела!
Так хотелось мне в лучшее верить...
И поверил — была не была!

УНДИНА

Я с Чёрным морем
встретился впервые.
Полез купаться...
Чуть не утонул!
Хоть волны были мелкие,
но злые.
И к счастью, вал
меня на пляж швырнул...
Я с той поры —
ни шагу в ту пучину!
Лишь загорал,
сухие вина пил...
Но вот однажды
встретил я дивчину —
и жар меня
любовный охватил!
Два дня её тиранил
дерзким взглядом —
тогда был в моде штамп:
«Процесс пошёл!»
И всё бы получилось
так, как надо,
когда б не разыгрался
в море шторм...
Такие волны
страшные кипели!

Тогда к буйкам —
    не то что за буйки! —
никто не плыл.
    Лишь пацаны артельно —
уйдёт волна —
    искали медяки.
Уже я темы
    подыскал беседам.
И шторм знакомству
    подходил вполне.
Она ж рванулась в море,
    напоследок
призывно обернулась
    вдруг ко мне.
...Пустись за нею —
    и тогда, бесспорно,
оборвалась моей бы
    жизни нить!
Она была пловчиха,
    мастер спорта,
Европы чемпионка,
    может быть!
Об этом я узнал
    намного позже —
и то, как говорится,
    стороной...
Но за неё я
    волновался всё же,
когда Ундина
    спорила с волной!

ИЮЛЬСКИЙ САД

Полдневный сад, объятый дремой.
Июль кончается. Жара.
И летних ливней, молний, грома
Уже кончается пора.

И всё, что выросло, — дозреет.
И колос стал уже тяжёл.
Жара! Но солнце меньше греет.
Но всё равно подсолнух жёлт.

Хоть к августу готов заранее,
Но всё равно июль горит!
И о природы увядании,
Пожалуй, рано говорить.

Не так ли мы, когда нам — полдень,
Увидим старость вдалеке?
Хоть не за тем, чтобы запомнить,
Себя узнаем в старике.

Но, прогоняя мысли эти,
Мы рассуждаем, что июль
Пусть и кончается, но светит!
И в небе ястребов патруль.

И всё идёт почти как надо,
К тебе не кончилась любовь!
Воспринимаешь как награду
Не только жизнь, но день любой.

О ПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ ОТЦЕ

Когда ведут толпу детишек
Их воспитатели в ДК,
Я им завидую слегка:
Мне в детстве было бы не лишним —
Вот так спешить бы на концерт!
И так же быть, как все, счастливым...
А не вздыхать бы сиротливо
О павшем без вести отце!

В БОЛЬНИЦЕ

*Академику РАЕН, хирургу
Гамлету Арутюняну*

В онкологической больнице
Любой диагноз — некролог.
(Но кто-то выкрутиться смог!
И рак остался на странице.)
И все надеются: а вдруг?
И разговор идёт о чуде...
И операции не будет —
Не хочет рисковать хирург.
И всё ж не унывает N,
Хоть он о главном догадался,
Сходил домой и нализался
Спиртного. Не один ли хрен?!
...А я вот знаю: одному —
И замирает вся палата!
(Ну, уж, конечно, не без блата) —
Давали с водкой сулему.
Но мучимый похмельем N
Сказал, что дело было вот как:

Спасла не сулема, а водка!
Что без неё — всё прах и тлен!
Но мы не станем верить N...
...А лопуха корнями, слышь-ка,
И вновь палата вся не дышит...
Лишь N не верит в феномен.
Тоннель, тоннель... И где он, свет?
Где исцелитель? Где он, гений?
Пред ним упал бы на колени!
Но исцелителя всё нет.
Побыть бы день самоубийце
Перед поступком роковым
С больным тяжёлым ра-ко-вым
В онкологической больнице!
Возможно, с самым дорогим
Расстаться он бы счёл излишним...
(Не позволяет сдать Всевышний
Жизнь — словно кровь свою — другим.)
...В онкологической больнице
Зимуют раки круглый год.
По всем палатам бродит кот —
Он этих раков не боится.
И за котом, касаясь стен
(Зато уж не вперёд ногами)...
Шепча: «Спаси нас, доктор Гамлет!» —
Гуляет по больнице N.
Он тайно верит в феномен!

УТРО ИЮЛЯ

Такая вновь краса!
Светлеют, верю, души.
Алмазами роса
Осыпала лягушек.

И птиц, и пчёл полёт!
Цветы — красавиц лица!
А лето пусть идёт,
Пусть долго-долго длится!

КУРОРТНАЯ СКУКА

Курорт осенний. Ветер влажный.
К асфальту прилипает лист.
На мачте флаг, как змей бумажный,
Дождём измученный, повис.
Вдали кричат надрывно чайки.
И пляж пустует в день такой.
В порту плавкран свистит, как чайник.
И нет охоты никакой
Опять идти на процедуру
И слушать скучного врача.
А вдруг в накрашенную дуру
Взять и влюбиться сгоряча,
Дарить цветы ей и обновы,
Угадывая каждый жест?
Роман курортный — так не ново,
Такой затасканный сюжет.

* * *

Что творится во мне?
Даже в буйстве июльского сада
Утешенья ни в чём не найду.
Ни калины с малиной,
Ни вишни не надо...
Лишь смотрю, как над нами
Самолёты идут.

С гулом небо они
Быстро режут крылами,
К горизонтам спешат
И теряются в них.
Самолёты, я тоже
Умчался бы с вами,
Чтобы вас в небесах
Не оставить одних!
Я летел бы, как ангел,
И радость дарил бы летящим,
Словно символ надежды
На лучший исход!
Вслед с печалью смотрю
От меня уходящим:
В красноту — на закат,
В синеву — на восход...
Да и чтобы я дал им?
Какую надежду?
Хоть бы сам я поверил
В надежду свою!
Сад июльский красив!
Он бушует, как прежде.
Дайте я вас, летящие,
Благословлю!

КОНИ

Проскакали быстро наши кони.
Мы с тобой, как прежде, не промчимся.
Ничего-то в жизни я не понял,
Ничему-то я не научился...

Хоть за нами не было погони —
Лишь цветами полыхало поле,
Быстро притомились наши кони —
Вот и отпустил я их на волю!

Отпустил тебя я вместе с ними
И упал в траву, раскинув руки.
И не я — другой тебя обнимет.
Ты скучать не станешь от разлуки.

И другой в твоё ворвётся сердце,
На руки возьмёт и не уронит.
Так случилось — никуда не деться!
Видимо, плохие были кони...

МНОГОЭТАЖКИ

Многоэтажки бетонные —
И каждая ввысь стремится.
Как клетки, висят балконы,
Но люди в них, а не птицы...

Многоэтажки кирпичные
Тоже вверх устремились.
В провинции, как и столичные —
Не отличишь, — появились.

В каждой — почти деревня!
Но здесь друг друга не знают.
Как будто живут в них временно —
Безвременно умирают...

Хорошо, что пили не с нами —
Мы хоть пьяными их не видели!
«Подмосковными вечерами»
Оглашали они Завидово.

И в Кремле своё место грели,
Награждали или карали.
Хорошо, что вожди старели, —
Ещё лучше, что умирали.

ВИДЕНЬЕ

Гадаю по реке, как по руке.
Слежу за тем, как ветер волны гонит.
И вдруг я вижу, что невдалеке
Красавица пьёт воду из ладони.

Я, может быть, мечтал о ней всегда,
Влюблённым был, но ничего не помню.
И медленное время, как вода,
Пускается за девушкой в погоню.

Она спеша уходит от реки
Тропинкой, где трава встаёт стеною.
Её шаги, как и тогда, легки.
И вся она пропахла тишиною.

Я с ней встречаюсь взглядом, как во сне.
Но взгляд её быстрее, чем птицы вылет.
У нас была когда-то встреча с ней,
Но мы об этой встрече позабыли.

Я посмотрел бы в девичьи глаза,
Но знаю: окликать её напрасно.
Мне остаётся вслед одно сказать:
Остановись, виденье, ты прекрасно.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ МЕЩЕРЯКОВА

Нет, неправда, что мы забываем
Тех, кого и смерть не сломала.
Называю тебя Николаем —
Мы по возрасту разнились мало.

Так вести разговоры с тобою
Есть ещё у меня причина:
Озабочен я сильно судьбою
Твоего златословного сына.

Был не молод, но и не стар ты.
И о смерти думал едва ли.
Твоего последнего марта
Над снегами дни догорали...

Я раздвину тяжёлые шторы —
За окном вьюга звёзды вертит.
У кого бы узнать мне, за что ты
Заплатил своей ранней смертью?

Время горе нам глушит — не лечит.
Что-то ангелы поторопились...
И когда уходил ты навечно,
Ещё вербы не распустились.

РЫЦАРСКИЕ ТУРНИРЫ

Средних веков потеха —
Турниры! Удачный удар —
И падает рыцарь в доспехах
С лошади, как самовар!

Он имя своё опорочил:
Не будет теперь обласкан...
И дама сердца платочек
В рыданьях подносит к глазкам.

Я сам нацепил бы латы,
Копьё взял наперевес бы.
И не было б лучшей платы,
Чем поцелуй принцессы.

ЮНЫЙ ПРАПОРЩИК ГРИНЁВ

Как видение из снов,
Едет зимней ночью
Юный прапорщик Гринёв
С капитанской дочкой!

Вот читать бы мне о нём
При свечах из воска!
Почему я не Гринёв
И не в Белогорской?

С Пугачёвым бы дружил...
(Машу спас он всё же!)
Ей бы сердце предложил,
Ну и руку тоже!

Позже повесть перечту...
Я ищу страницы,
Где утешит сироту
Лишь императрица!

В скольких он сердцах живёт,
Скольким Машам снится,
Юный прапорщик Гринёв —
Благородный рыцарь!

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Певчих птиц содержать надо в строгости,
А иначе талант пропадёт.
Только пальцами горло не трогайте,
Потому что там песня живёт.

На балкон хоть сейчас отпустите —
Прилетят, знаю я наперёд.
Вы смотрите их не простудите —
В каждом горлышке песня живёт!

ГРОССМЕЙСТЕР

Старик одинокий
Над шахматной дремлет доской.
В закрытые окна
Не вторгнется шум городской.
Совсем не напрасно
Закрыты все щели в окне.
Как прежде, прекрасно
Гроссмейстер играет во сне.
Но маты и шахи
Не радуют больше его.

Прямая: Тайшет – Абакан. А мы кружимся!
По ней электрички помчатся не скоро.
Хоть трасса и названа трассою мужества,
Но будут держать её наши опоры.

1962

БАЛЕТ

Балет — подобие смотрин...
Прошу простить мою предвзятость:
Худые лица балерин
Лишь выделяют их носатость.

Ну как поэт придумать мог,
Что не найдешь в России целой
Три пары стройных женских ног?
И что же было дамам делать?

Простили Пушкина! Ей-ей!
Лукавил раб красивых ножек.
А балерины наших дней
Его бы довели до дрожи!

Небось, с цветами стал бы ждать.
И даже сам я не заметил,
Как стал о ножках рассуждать —
О самом близком мне в балете.

ОСЕННЕЕ УТРО

Туман меж деревьями — словно фата.
Лучи пробивают её и дымятся.
То птицы полёт, то паденье листа.
Грибы подрастают. И сны ещё снятся.

Осеннее утро. Дорожка пуста.
Пока, выступая, роса заблестела,
Пока тишина оседала в кустах,
Как будто бы тысяча лет пролетела!

И кажется вечным минутный покой.
Волшебна природа в наряде осеннем.
Как будто ушёл далеко-далеко...
Но в том, что заблудишься, нет опасенья.

И я обращаюсь к деревьям на «вы»:
«Наверное, осени всё же не рады вы?»
Но вот электричка спешит из Москвы.
И где-то из форточки вырвалось радио.

«Прощай!» — остаётся сказать тишине.
За нашу недолгую встречу: «Спасибо!»
Всего лишь минуты, но кажется мне,
Что эти минуты так многих спасли бы.

Я ЖИЛ НА ПЛОЩАДИ ВОССТАНИЯ

Я жил на площади Восстания.
И против нашего окна
Скалою серой было здание
Высотное... В те времена
Я мог лишь на него дивиться,
Считать немые этажи.
В высотных зданиях столицы
Народ, знакомый мне, не жил.
Высотка высилась так зримо,
Деля заката полосу.
В её роскошных магазинах
Я пиво брал, и колбасу,

И сигареты — хоть не «Яву»,
Но «Шипку» покупал свою!
В тех магазинах, помню, яблок
Побольше было, чем в раю.
А водки, марочные вина,
Печенье, торт, конфет гора,
И сервелат, и буженина,
И осетрина, и икра!
Куда теперь всё это делось?
А было. И не напоказ!
Неужто выпилось и съелось
Пришедшим поколеньем враз?
А цены нынче — даже жмоту
Никак рубля не отложить...
И сам высотный дом ремонту,
А может, сносу, подлежит.
«Ты не зануда-покупатель,
Не нытик, что ни говори,
Второй десяток лет — писатель!
Пиши, выдумывай, твори», —
Таким примерно монологом
Я устыдить себя сумел.
И мирно перешёл дорогу,
Чтоб выпить кофе в ЦДЛ.

ГРОЗА В СЕНТЯБРЕ

Отвесный ливень. Росчерк молний.
И небо рвёт на части гром.
Ну как такое не запомнить
В день первой встречи с сентябрём?

Дождь с неба — прямо водопадом,
Хоть лето кончилось вчера.
И листья с клёнов стали падать,
Как золотые веера.

Игра природы. Неужели
И мы участвуем в игре?
Взялись откуда, в самом деле,
Гроза и ливень в сентябре?

Гроза осенняя — и где бы?
А то в Москве! Ну, жди всего...
Нам не понять причуды неба,
Хоть мы зависим от него!

ДУМЫ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Опять слоями дым табачный
Плывёт по комнате к окну.
Я под Москвой, в посёлке дачном,
Сполна отдавший дань вину.

Живу спокойной жизнью трезвой,
Но не отстал от сигарет.
И по утрам трусцою резвой
Не бегаю. Желанья нет.

Здесь тени классиков советских
Неслышно бродят по ночам.
Меня скрывают занавески
От тех, кого я изучал.

Я знаю их со школьной парты
И даже помню, как на грех,
Стихи о Ленине, о партии
И об «отце народов всех».

Всем вместе не было им тесно.
ЦК их грозный сторожил,
Сложивших радостную песню.
А кто-то голову сложил!

Теперь кому какое дело
До тех стихов, до тех наград?
Всё, как листва, с них облетело,
Хоть долго длился листопад.

Здесь так понятна брэнность славы.
Какие были имена!
Как будто дьявол для забавы
Навешивал им ордена.

...Умру я в двадцать первом веке.
Иных событий будет фон.
И устоят ли здесь скамейки?
И устоит ли сам Литфонд?

А новый век грядёт всеильный.
Он будет добр или жесток?
Какою станешь ты, Россия?
Про то не ведает никто.

И потому молчат поэты.
Как на замке у них уста.
КОГО и ЧТО теперь воспеть им?
Задача эта непроста —

Слова, как из колодца, черпать,
Где достаёт ведро до дна.
А в вышине, как чей-то череп,
Над Переделкином луна.

ТЁТЕЧКА НАДЯ

Воспоминанья не знаю я горше...
Ленин и Горький стоят, как родня.
Возле картины цепная вахтёрша
В гости к друзьям не пускает меня!

Мне в общежитие Литинститута,
Как на корабль бы, надо пройти.
Там мне сейчас же найдётся каюта!
Тётечка Надя, прошу, пропусти.

Хоть не прописан, знакомы мы годы!
Я к общежитью, как к дому, привык.
Где же вы — равенство, братство, свобода?
Ленин и Горький, ответьте мне вы!

Ленин и рук из карманов не вынул,
Горький на палку стоит опершись...
Будь человеком, хоть наполовину!
Тётечка Надя, на подвиг решишь!

Вновь по пожарной взобрался я лестнице,
Ловко проделал остаток пути!
Тётечка Надя, в течение месяца
Даже с собакой меня не найти!

Литинститут и его общежитие...
Где на поэта учился и я.
Тёточка Надя, и дальше служите,
Личная старая ведьма моя!

НОЧНАЯ МОСКВА

Ольге Наровчатовой

Меня Москва душила в объятьях
своих бесконечных Садовых.
В. Маяковский

Садовое ночью пустеет кольцо —
С ушедшим днём окончены счёты...
Оно, как огромное колесо,
Делает последние обороты.

Я столько метался внутри кольца!
Шагами мерил бульвары,
Как будто я беспризорный пацан,
Кому перспектива — нары!

Но участи этой я избежал.
И вот иду независимо.
Московские звёзды в небе дрожат
В недостижимой выси.

Я их хватать совсем не хочу —
Мне звёзды сибирские ближе.
Умолкла Москва. И я молчу —
И слёз из меня не выжать!

Москва им не верит... Ну и что ж?
Мне-то какое дело?
Любовь прошедшая — острый нож,
Но рана давно отболела.

И ночью светел он — столичный град.
Мне многое здесь знакомо.
И я с Москвою встретиться рад,
Но я здесь теперь — не дома...

НАД РЕКОЙ МАНОЙ

Над Маной небесная манна —
Последний в году снегопад!
Опять я любовью обманут.
И этому, кажется, рад.

Случалось и раньше такое —
Влюблялся, как сто дураков...
Меня оставляя в покое,
Любовь уходила легко.

Апрель уже рощицы будит,
И лёд на реке ноздреват.
А этого снега не будет —
Растает за час или два.

Приблизится солнце к зениту,
И свет озарит небеса.
Не связаны мы даже нитью,
Но я виноват в этом сам.

А снег откружился над Маной,
И лёд отражает лучи.
Наверно, я вымру, как мамонт.
Тебя это не огорчит?

Навряд ли. Я в этом уверен!
Костёр разведу. У огня
Ручные и дикие звери
Сойдутся утешить меня.

И всё же, пока я не вымер...
Над Маной стою на ветру,
Шепчу и шепчу твоё имя,
А с ним я не скоро умру!

* * *

Евгению Попову

Я всю ночь напролёт
Вспоминаю бывшее...
Каждый прожитый год
Не даёт мне покоя.

В чём же я виноват
Перед злою судьбою?
Столько было утрат,
Что не будет покоя!

Вот и всё, вот и всё...
Собираются тучи.
И никто не спасёт
От беды неминучей.

Но не надо тужить:
Наковальня — не молот!
Я ведь всё-таки жил,
Был и весел, и молод!

Но по чьей-то вине —
Что я сделал такое?
Не припомню, но мне
До сих пор нет покоя!

АЗИАТКА

Глаза у тебя раскосы,
На пальце кольцо витое;
Глаза у тебя — что осы:
Чёрное и золотое...

Ах, азиатка чёртова!
И доведут до тоски
Бровей этих чёрные чёрточки
И этих губ лепестки!

Теперь уж не все вы сможете
Прожить на семи ветрах,
Скакать целый день на лошади
И ночевать у костра.

Как предки твои, коварна.
И, как они, ты жестока.
По-русски зовётся Анной
Предмет моего восторга.

Ради единого мига
Хоть раз посмотри с любовью!
Татари-монгольское иго —
Я полонён тобою.

Меня среди ночи будит
Предчувствие злой измены.
Но знаю точно: не будет,
Слаще не будет плена!

ЗВЕРИНЕЦ

Не спеша, не по запарке,
Я, сознательно вполне,
Оказался в зоопарке.
Здесь гулять приятно мне.

Вот гляжу на братьев меньших —
Пусть не все здесь храбрецы.
Ни мужчин среди них, ни женщин —
Только самки и самцы.

Всюду сталь, решётки, двери,
А гулять — от сих до сих!
Нас разглядывают звери,
Мы рассматриваем их.

Шумно, словно на базаре...
Вдруг во мне угасла спесь:
Мы ведь тоже Божьи твари —
И для нас решётки есть!

ГОРЕЧЬ

Он не исчерпал жизни сроки,
Не извели его враги.
Однажды серым днём на стройке
Он по своей вине погиб.

Его друзья печальным утром
В гробу из морга привезли.
И страшный шрам белел под пудрой,
Грим наложили как могли...

Вдова и дети, как немые,
Смотрели в мёртвые черты.
Оркестра звуки в небо взвыли
И вниз упали с высоты.

Его на кладбище зарыли.
Вернулись, выпили вина.
Потом на лестнице курили,
Затем напились допьяна.

А ночью месяц круторогий
Его могилу осветил.
И лапы пихты вдоль дороги —
Следы последнего пути.

...Вдруг сам уйдёшь вот так же просто?
И будет некого винить.
Помянут, воротясь с погоста,
Пойдут на лестницу курить.

* * *

Земля почти на метр промокла.
Дожди без усталости идут.
И стёкла вымытые в окнах
Не плачут, а ревмя ревут!

Июль. Почти скосили травы.
И, жарким солнцем дорожа,
Вновь поднимается отава,
Как говорится, на дрожжах.

Но, может, стихнут грома трубы?
Просёлки вновь начнут пылить.
И пашни высохнут, как губы,
Опять захочется им пить.

И вряд ли август будет жарким.
К дождю всё меньший интерес.
Но пусть идёт он — раз не жалко
Природе воду лить с небес.

По-детски видится воочью,
Как, молний размотав клубок,
По небу на железной бочке
Катается Илья-пророк!

ПРОЩЕНИЕ

Вновь осень — дни моей печали.
Чужда мне осени краса.
Прощаясь, птицы прокричали,
Теперь лишь в тучах небеса...

Дождями вымыты окошки.
Дрожит берёзка у ворот.
И после убранной картошки,
Как после оспы, огород —
Весь в чёрных лунках.
Пусто. Грустно...
Дорога больше не пылит.
Лишь в лужах лёд,
Ломаясь с хрустом,
Прохожих утром веселит.
Во мне веселья нет нисколько
И лишь отчаянье растёт.
И всё расставлено по полкам,
И всё известно наперёд.
Опять размолвка между нами,
Хоть в этом нет моей вины...
Природа — храм! Мы в этом храме
С тобой во всём как есть равны.
Но мне от этого не легче.
Хоть нет надежды никакой.
За здравье я поставлю свечку.
А ты не ставь за упокой!

ОМУТ

В тихом омуте черти водятся.
Как живётся им в тишине?
Чертенята там тихо возятся.
Почему-то их жалко мне.

Под водою сидеть легко ли?..
Да ещё и шалить нельзя!
Ни детсада нет и ни школы.
И какие у них друзья?

Рак да щука — не так уж много.
Будь я тоже чертей дитя,
Эту тихую жизнь, ей-богу,
Я послал бы ко всем чертям!

А быть может, меня им жалко? —
Так грущу я о тишине...
Там, наверно, ещё русалки
Ночью греются при луне.

Посмотреть хоть одним бы глазом
На красавиц тех под луной.
Я во всех бы влюбился сразу,
А вот сердце б отдал одной.

С ней плескался бы в лунном свете,
А на мне — часы да трусы.
Как бы лето прошло — не заметил
Под осенним дождём косым.

Распротаясь со своей зазной,
Как туман бы исчез, как сон...
Лишь земная любовь — до гроба,
А с русалкой — один сезон!

И за то, что мы так разводимся,
Я не стал предъявлять бы счёт.
В тихом омуте черти водятся.
С кем? — С русалками! С кем же ещё?

УЛЫБКИ

О. П.

Всё реже улыбки. Реже
Смешит тебя анекдот.
И шутки, казалось бы, те же,
Да сам ты уже не тот.

Но всё же натуре русской
Улыбка всегда нужна.
Всё чаще бывает грустной
И вымученной она.

Всё как-то не забывается
Прошное — хоть убей!
Кому она, жизнь, улыбается?
И кто улыбается ей?

Бывают улыбки за рубль:
Эй, публика, веселись!
И всё же при этом губы —
Присмотришься — запеклись.

А чувство юмора — чувство,
Где мера есть и черта.
Представить — уже кощунство —
Хохочущего Христа.

А люди всегда грешили,
Раскаивались, скорбя.
И если кого смешили,
То разве самих себя.

Не хочешь, а станешь хмурым,
Пока на Святой Руси
Над нами смеются куры
И рак на горе свистит.

* * *

Пока ещё не пройдена дорога.
Живу, надеясь, мучаясь, любя.
Всё лучшее, что есть во мне, — от Бога,
Всё худшее, конечно, — от себя...

ЛЕДОХОД

Как будто битва зла с добром:
Всё ледоход несёт и рушит.
А льдины то встают ребром,
То из воды ползут на сушу.

Что ж! У природы свой порядок.
И солнцу было нелегко.
Всего-то месяц грело кряду,
И вот поди ж ты — ледоход!

Какую дьявольскую силу
Таит таёжная река:
Стволы, как спички, уносила
И обдирала им бока!

Но, восхищаясь ледоходом,
Хоть будь он и вдвойне сильней,
Нельзя сравнить с толпой народа
Во дни волнений — там страшней!

* * *

Догорает недолгое лето.
Мы расстались. Прошло много лет,
Но не жду от тебя я ответа,
И надежды уже больше нет.

Никаких я чудес не открою,
Да и сам ничего не пойму:
Так случается в жизни порою,
Что придумать нельзя никому.

И хотелось бы, но не забудешь:
Мы с тобой расставались любя.
Как ты жить без меня дальше будешь?
Как же буду я жить без тебя?

Вспоминаю я снова и снова
И тебя лишь о том же молю:
Может быть, не хватило нам слова,
Одного только слова — «люблю»?

ЖАЛОБЫ (шуточное)

Словно в шапке-невидимке,
По квартире я хожу:
То разглядываю снимки,
То на кухне посижу...

Никому-то дела нету
До «прозрачного» меня!
Я спрошу — потом ответа
Можно ждать почти полдня.

Приглашенья к разговору
В этом доме я не жду.
Но назло им всем не скоро
В мир загробный перейду!

И курить, и пить я бросил,
Да и сплю давно один.
Под хозяина здесь «косит»
Кот — законный господин!

Ну, не видят, ну, не нужен...
Что мне, старому, ворчать?
Может, станет даже хуже,
Если будут замечать?

ЛЮБВИ ВОЛНЕНЬЕ

Любви волнение, не умерь
Свои возвышенные взлёты,
Где исчезают все заботы,
Где жизнь всегда сильнее,
чем смерть!

Любви волнение, может быть,
Ко мне уж больше не вернётся,
Но, раз возникнув, остаётся,
Его уже не позабыть!

Любви волнение! Моря
И те слабее с их цунами...
Любви волнение, будь с нами —
И чудеса, и жизнь твоя!

* * *

Места настолько мне знакомы!
Апрель. Проталина парит.
И прошлогодняя солома
На солнце льдинками горит.

Берёза белая сверкает,
На ней устроились грачи.
Но скоро снег везде растает
И побегут в полях ручьи.

Как хорошо, осилив гору,
Себя всего как есть отдать
Внизу лежащему простору.
Весна. Какая благодать!

У КАРТИНЫ В. И. СУРИКОВА «ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА»

Вряд ли такое из памяти выбросишь:
Удаль сибирская, вишни-глаза!
Нынче и снега такого не выпросишь,
Как на холсте, — видно, Бог наказал!

Смех и азарт. И никто не в обиде.
Конь, хоть лохмат, не подвёл казака.
Словно и вправду я сам это видел:
Взятие снежного городка.

Даже к девам подкатывал дуриком,
А краснаярочки — кровь с молоком!
Кстати, Василий Иванович Суриков
Был с Третьяковым прекрасно знаком.

Братъ городок. Всех конём опрокидывать.
Жаль, не вернуть нам старинных утех!
Однофамильцу не грех позавидовать,
И земляком похвалиться не грех!

ВСПОМИНАЯ НЕКРАСОВА

Как много на свете прекрасного,
Но больше уродства вдвойне!
Читал до утра я Некрасова,
И многое вспомнилось мне.

И тексты, уже подзабытые,
Легко так читал я с листа.
Крестьяне там, горем убитые,
Свои покидали места.

Там лес вырубали! И Саша
Рыдала под стук топора.
Ванюше напомнил папаша:
«Родной, за работу пора!»

Какой-то мужик застрелился,
И рожь коробейник измял:
Всю ночь он с зазной рядился —
Всё на поцелуи менял.

«Парадный подъезд» без волнения
И слёз не могу я читать.
И женщины в русских селеньях
Былинным героям под стать!

Вопросом каким задаётся
Крестьян любопытных кружок?
Кому на Руси лишь живётся
И весело, и хорошо?

Солдатки мелькают и вдовы,
Идут бурлаки бечевой...
Век старый сменяется новым,
А нового нет ничего!

Страдаем, но верим в удачу...
Коржавин скорбел, говоря,
Что кони всё скачут и скачут,
А избы горят и горят!

О! Как, человек, ты ничтожен!
Так подлого много в любом!
Мы сами себя уничтожим,
И даже без атомных бомб.

Неужто всё кончится разом,
И зло не имеет границ?
Не ведал, конечно, Некрасов,
Что царство настанет убийц!

* * *

Ломакиной Инне

Поддавшись первому порыву,
Преодолев привычный сплин,
Вы — равнодушны и ленивы —
Случайно чью-то жизнь спасли.

Нет! Это вовсе не случайно:
Отваги и геройства пыл
Дремали в вашем сердце тайно.
Дорогу случай им открыл.

А слава — нет её капризней.
Но, может быть, придёт она?
Один порыв! И радость жизни
Ворвётся в душу, как волна.

* * *

Смирились люди с этим фактом,
Что жить — увы! — не всем до ста:
Одним — инсульты да инфаркты,
Другим до возраста Христа
Не дотянуть — враз свет померкнет
От взрыва, пули иль ножа.
Но жажда жить сильнее смерти.
И будут женщины рожать
Всех — несчастливых и счастливых,
Хоть им прожить не больше ста.
Отливы будут и приливы
В пути нелёгком до креста.
Никто не думает об этом,
Живёт надеждами любой,
На время может стать поэтом,
Когда придёт к нему любовь.
Телега жизни всех едва ли
К черте столетней довезёт...
А если бы все точно знали
Мы дату смерти наперёд,

То как бы кто распорядился,
Когда твой срок определён?
Одним бы целый мир гордился —
И стал бы памятником он!
Тот — мэтр в искусстве, тот — во власти,
А тот летал бы среди светил.
Избави Бог нас от напасти —
Знать свой уход. Другой бы пил
И знать не знал, за что же браться,
От женских ласк бы он устал...
И только в шутку мог взобраться
Хмельной на чей-то пьедестал.
Тоскливо всё-таки, когда ты
Исход свой знаешь наперёд.
Уж лучше жить, не зная даты,
Когда Господь нас приберёт.

АНИКА-ВОИН

Патриотически настроен,
В далёком прошлом я — солдат,
Значков и грамот удостоен,
Но вот для строя староват...
Что говорить — восьмой десяток
До половины одолев,
Я чётко помню день присяги.
Хоть телом слаб, душою — лев!
И пусть враги хитрят и вертят —
России им не одолеть.
Я, словно добровольный смертник,
Ещё могу в прицел смотреть,
Открыть огонь! Пусть пули косят
Тех, кто пошёл на нас войной.

Жаль, далеко гранату бросить
Я не смогу. Тому виной
Бронхиты, язвы, переломы,
Ещё — волóчится нога...
Но от ворот родного дома
Я отогнать смогу врага!

«ВСТАВАЙТЕ, ГРАФ!»

«Вставайте, граф!
Вас ждут великие дела!»
При чём тут граф?
Вот дел великих нету...
И я могу, проснувшись,
Влезть в халат
И «кофию» спросить
И сигарету.
Но где найти великие дела?
Они, представьте,
Даже ждали графа!
Мне старина далёкая мила,
Старинный быт —
Ещё до телеграфа.
«Шкап» мне ласкает ухо,
А не «шкаф».
«Зал» — не звучит,
Куда приятней — «зала».
Пусть не услышать мне:
«Вставайте, граф!»
Нет дел великих,
Но хватает малых.
Великие дела зачем искать
Пенсионеру?

Глупо, в самом деле.
Я по закону должен отдыхать.
Теперь, как граф,
Полдня лежу в постели.

* * *

Всё вокруг перед грозой немеет.
Птиц не слышно, лишь бормочет ключ.
Молнии, как огненные змеи,
Прячутся во тьме нависших туч.

После будут с громом землю жалить.
Молниям едва ли кто-то рад.
Путники в открытом поле — жаль их!
Хорошо ещё, что дождь — не град!

Сколько б ни велась война с природой,
Мы её не в силах одолеть.
Наша жизнь зависит от погоды
Вот уж столько миллионов лет!

Пусть теперь не ходит он за плугом —
К технике давно уже привык,
Но вот грянет гром, и с перепуга
Тут же перекрестится мужик!

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО

Утром праздничным, пасхальным
Птицы весело порхают
И щебечут в небе синем
О воскресшем Божьем Сыне.

Как они о нём прознали?
Почему они пронзают
Синий воздух и щебечут?
Пеньё кажется их вещим.

Пасха радость в сердце будит.
Золотится церкви крест.
И христосуются люди,
Говоря: «Христос воскрес!»

И: «Воистину воскрес!» —
Тут же слышится в ответ.
И целует, как невесту,
Бабку этим утром дед.

ВОРОБЕЙ

Что жизнь моя? Не больше века —
Жаль. Больше Богом не дано.
Вот воробей качает ветку
Сирени под моим окном.

И он, не знавший про качели,
Устроил их себе — и что ж?
Есть жизнь в нём тоже. Неужели
Я с воробьём ничтожным схож?

В загробном мире только тени...
А вдруг воскреснет жизнь моя?
И снова будет куст сирени,
И в нём увижу воробья.

У МОРЯ

Дойдёт до берега волна
И словно канет в бездну.
Вот так, наверно, племена,
Закончив срок, исчезнут.

Но что для нас он — след волны,
Когда стремимся к звёздам?
Мы улететь с Земли должны,
Пока ещё не поздно!

Но путь в другие времена
Нам до конца неведом.
Дойдёт до берега волна —
За ней другая следом!

О ЧУВСТВАХ

Племяннице Светлане

Никто тебе в то время не товарищ,
Когда твоя душа любви полна:
Так чувство музыки другому не подаришь,
Не передашь восторг от полотна.

Не заразишь других своею страстью —
У каждого из нас свой вкус и цвет.
И то, что для других бывает счастьем,
В тебе досаду вызовет в ответ.

Конечно, нам друзей приятны лица,
Но ты не с ними — ты один умрёшь!
Вот даже кровью можно поделиться,
Но чувств своих другому не привьёшь!

ИЖОРЫ

«Подъезжая под Ижоры» ...
Боже! Кто бы вспомнил их?
Уж два века будет скоро,
Как они попали в стих.

Тем и будут знамениты —
Да не кончатся их дни!
Их на карте не ищите —
Просто знайте: есть они!

«Ай да Пушкин!» — вторим хором,
Строчки в памяти храним:
«Подъезжая под Ижоры» ...
Подъезжаем вместе с ним.

НОЧНАЯ ГРОЗА В АВГУСТЕ

Грозу на прощание с летом
Нам август успел подарить:
Округу пронзающим светом
Небесный огонь озарил!
Являясь в ночи непробудной,
Рождая мифический страх,
Какую-то долю секунды
Огонь трепетал в небесах.
Казалось, от страшного грома
Во тьме приседали дома.
С волнением грозы мы знакомы —
Как будто природа сама
О власти решила напомнить,
О том, что не сладим мы с ней.

Для этого выбрала полночь
И август, где ночи темней.
В грозу возникают пожары,
И нету ей в небе границ.
Нет! Пращурьы наши недаром
При молниях падали ниц.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Фасоли камешки цветные,
Наивных, радовали нас.
Как будто бы в края иные
Мы уносились в этот час.

Нам в играх лучшими друзьями
Котята были и щенки.
Они и спали рядом с нами,
Запретам строгим вопреки.

Конечно, много игр в деревне
Изобрели до нас давно.
Вот бабки — от забавы древней
Нас отрывало лишь кино.

Лапта, пристенок или чика!
Босыми были мы с весны.
Был в цыпках даже сын врачихи...
Нас назовут «детьми войны»...

Но это будет после, после...
Мы до Победы доросли!
Мы помогали выжить взрослым,
Чтоб нас от гибели спасли!

* * *

Давай сыграем в кошки-мышки
Иль даже в жмурки, но, увы,
Меня найдёшь ты по одышке,
Найдёшь опять едва живым.

Да, все меня таким находят...
Наверное, совсем не зря.
А я хочу ходить в походы,
Хочу вершины покорять!

Поставить в бурном море парус,
Взлететь легко под облака,
Составить юной деве пару,
В романы женщин вовлекать!

И рисковать! Потом шампанским
Удачу вспрыснуть, веселясь!
Но, рассчитав свои депансы,
Боюсь лицом ударить в грязь.

Поднялся я сегодня рано,
Свершу одно из главных дел:
К другому доплетусь дивану —
Мне этот что-то надоел!

* * *

Нет ничего милей уюта!
Но не ковры и не паркет.
Уют я помню почему-то
В воспоминаньях детских лет:

Огонь в печи. Смолистый запах
От дров. А за окном метель.
И керосиновая лампа
Цветёт весь вечер на столе.

Тепло. И я читаю книгу.
Пусть за окном мороз и тьма —
В углу в широких листьях фикус,
Как будто Африка сама

В Сибири, чтоб не забывал я,
Что есть и южные края.
Читая книги, там бывал я.
Герои книг — мои друзья!

Пираты там со мной сражались.
Была и шпага, и кинжал.
Книг той поры — такая жалость! —
Давно в руках я не держал.

И вот теперь я в зимний вечер —
И с каждым годом всё сильнее —
Тоскую вновь по русской печке
(Сибиряки росли на ней).

Книг Стивенсона и Жюль Верна
Читать всерьёз я не смогу.
Но я до старости, наверно,
Их в детском сердце сберегу!

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Бесконечность пространства
представить почти невозможно:
миллионы миров,
миллиарды комет.
Умиранье планет
и рожденье их слóжны:
Взрывы, чёрные дыры,
и темень, и режущий свет!
Как в реакторе атомном,
нет во Вселенной покоя.
Столкновенье! И вмиг
высыхают, как лужи, моря!
И зачем, для чего
происходит движенье такое?
Чтоб в конце умереть?
Что нам звёзды в судьбе натворят?
На такие вопросы
никто не ответит, конечно...
Но без нас, наших мыслей
Вселенная будет мертва.
Как секунда одна
пролетит в бесконечности вечность.
Но и даже микробы
на жизнь предъявляют права!
Говорим: Человек!
Человечности в людях всё меньше,
сострадания пыл
постепенно затих.
Что потомки для нас?
Это попросту сменщики —
и сыновней любви
не дожидаться от них...

Бесконечные мысли,
потом — бесконечные споры:
не устанем, наверно,
к мирам проявлять интерес.
Хорошо, что движенье
не может закончиться скоро:
бесконечно идёт
обновленья извечный процесс.
Это слово — всего лишь
привычный технический термин.
Столько в жизни мучений, потерь
по пути на погост.
И пока нас ещё
Бог прощает, грехи наши терпит.
Мы в пространстве летим!
Умирая, живём среди звёзд!

НОЧЛЕГ В СТЕПИ

Лучше нет в степи ночлега,
Чем на сене под телегой.
В небе звёзды — до утра,
Словно искры от костра.

Лошадь фыркает во мраке.
И во сне скулят собаки.
Беспокойный коростель
Не найдёт свою постель.

Самолёт,верху гудящий,
Спутник,звёздочкой летящий, —
Ночь как ночь. Не всё в степи
До утра беспечно спит:

Страстно квакает болото,
И всю ночь идёт охота.
Только мирно видят сны
Под телегой пацаны.

Без забот и без тревог
Спят они без задних ног.
Под телегой спал и я...
Где теперь мои друзья?

БЕЛЫЙ ЦВЕТ, ЧЁРНЫЙ ЦВЕТ

Людмиле

Белый цвет напрасно не ищите
В радуге — его там нет как нет.
Белый цвет — он всех цветов родитель,
По нему и назван белый свет.
Чёрный цвет... представьте бархат чёрный —
Траур, а какая красота!
Чёрный космос. Нет там места чёрту,
Только Бог царит на небесах!
Радуга, где семь цветов сверкают, —
Чёрного там тоже цвета нет.
Африку, однако, называют
Так привычно: Чёрный континент.
И в России, где цвета неброски,
Чёрный цвет отыщется легко:
На берёзах в тоненьких полосках,
В опереньях птиц, в мехах зверьков,
В ягодах черёмух и смородин,
И в бровях людей, и в блеске глаз.
Чёрный цвет не в радугах — в природе —
Как автограф Космоса для нас.

Словно сам Творец напоминает
Чёрным цветом: небезгрешны мы.
Но проходит ночь. И вновь светает:
Даже Бог не хочет вечной тьмы!

ЛЕСОУСТРОИТЕЛИ

Облакаверху кружили.
Ныл комар. Хотелось пить.
Под ногами мох пружинил
И порой сбивал с пути.

По давно заглохшим тропам
Шли мы в лес не по дрова,
Инструментом допотопным
Обустроивши привал,

Разведя костёр на славу,
Чтоб огонь всю пылал.
Чага — вовсе не приправа,
А заварка нам была.

И таксатор лез за картой
И сверял по ней маршрут.
А бичам он не был карой —
Этот, в трезвом виде, труд.

Каждый лесоустроитель
Знал прекрасно контингент.
Осуждать вы не спешите
Оказавшихся в тайге.

Тут и рубль не очень длинный,
Но зато — еда, ночлег.
И никто не ждёт с повинной,
Нет нужды пойти в побег.

И начальству нет заботы —
Топоров бы слышать звон,
Лишь бы делались работы.
Тут тайга и впрямь — закон.

* * *

Узоры вспыхнут вновь в окне,
Луч в зеркале сверкнёт.
Мелькнёт тень птицы по стене —
И зимний день уйдёт.

Декабрь вошёл в свои права,
И всё в снегу вокруг.
Ты, может, всё же не права? —
Нельзя всё рушить вдруг!

Мы столько вынесли невзгод.
Опять кольцо надень.
Пусть примирит нас Новый год —
Он будет через день!

СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ

Оказался слон в посудной лавке.
Кто ему туда войти помог?
Сразу опустели все прилавки.
Ну а что ещё он сделать мог?

Ясно, перебита вся посуда!
Как-то всё же выгнали его.
Вымахает этакое чудо
Как гора! Зачем и для чего?

Не хотел он бить посуду. В этом
Никого смысла нет слону.
Я бы защитил его, да где там —
Легче доказать его вину!

* * *

Что не понять умом Россию,
Сказать был мудрый Тютчев рад,
Ценой немислимых усилий,
Ценой неслыханных утрат.

Всем так её понять хотелось
И свой примерить к ней аршин.
Чем объяснить им нашу зрелость,
Узнать, что мы ещё свершим?

Не разгадать и за столетья,
Как наш характер, чуждый им.
«Россия — мой безмерный свете».
Мы этот свет в сердцах храним.

СТРЕКОЗА

Как зеркало, вода слепит глаза.
Июльский полдень. Никакого клёва.
На поплавок уселась стрекоза,
Как будто мало рыбаку издёвок!

А солнце раскалилось в вышине.
Жара. В воде стоят, уснув, коровы.
Вся рыба, видно, спряталась на дне.
И долго ожидать придётся клёва.

Так загорел я! Облупился нос,
И кожа на спине моей облазит.
Вот только не хватало мне стрекоз!
Они нарочно рыболова дразнят.

Худым, облезлым от загара вновь
Хотел бы хоть на час я очутиться.
И мне не нужен никакой улов,
Но невозможно в детство отлучиться!

В него легко впадаю, так сказать,
Но я себе прощаю слабость эту...
На поплавке вновь вижу: стрекоза
Напоминает мне, что клёва нету.

* * *

Помню я крещенские морозы
И по тракту мёрзлый скрип саней.
Тащатся, все в инее, обозы.
Холод лезет в двери из сеней.
К нам свернули, ехать на ночь глядя
По морозу всё же не с руки.
За столом у самовара сядут —
Бороды в сосульках — мужики.
Ночью, и уж это непременно,
Сказочник начнёт повествовать,

Да ещё настолько вдохновенно,
Что его никак нельзя прервать.
Эти сказки стылой зимней ночью
Были как театр на дому.
Мужики не спали, это точно,
Лишь в табачном плавали дыму.
Не один я — сказкам были рады
Земляки мои, сибиряки.
Лишь потом я про Шахерезаду
Прочитал. И были мне близки
Все герои, словно рядом где-то
Вновь базар восточный расцветал.
Так заморозить могли сюжеты,
Что попасть в те сказки я мечтал.
Слишком много в этой жизни прозы.
Трудно сердце вымыслом задеть.
Где же, где вы, зимние обозы?
Золотые сказки детства, где?

НИВА

«Когда волнуется желтеющая нива» —
Такое в раннем детстве видел я.
По ней комбайны плыли торопливо.
Над золотой щетиною жнивья
Клубилась пыль. Ещё летали птицы.
И вот я вижу ниву, как тогда:
Опять волнуется высокая пшеница —
И я волнуюсь, хоть прошли года.
Уверен я, что предки-хлеборобы
Волнение это передали мне.
И золото пшеницы высшей пробы
Из века в век не падает в цене!

* * *

И вот утихли разговоры,
И света в доме нет. Всё спит.
Мороз наводит вновь узоры
На стёкла. И лишь снег скрипит
Под сапогами полуночника.
Вся в инее собачья шерсть.
А звезды — огненными точками,
Так много в небе их — не счесть!
В снегу все крыши, словно в вате,
Торчат в них трубы, словно пни.
Луна с небес, как с горки, катит,
А вдоль дорог бегут огни.
От тракта в стороне заимка,
Туда ведёт лишь след саней...
Она, как бы на старом снимке,
Осталась в памяти моей.

ДОМАШНЕЕ ТЕПЛО

Что из того, что я немолод?
Мне напоследок повезло
Узнать не только зимний холод —
Ценить домашнее тепло.

Оно и в жаркую погоду
Не помешает никому.
Не ощущал его я сроду —
Не жил я в собственном дому.

То в общежитьях, то в казармах
Провёл я молодость свою,
Там, где дают почти задаром
И койко-место, и уют.

Теперь уж точно не вчерашний
Вкушаю завтрак и обед.
Привык я к тапочкам домашним
И привыкаю к слову «дед».

Так много я бродил по свету,
Не зная своего угла.
Скажу: дороже в жизни нету
Его — домашнего тепла!

НА ЗАРЕ ВЕЧЕРНЕЙ

На заре вечерней рыба плавится —
Аж идут по озеру круги!
Как рыбак пускай я не прославился —
Всё равно мы с фартом не враги.

Красота на озере такая!
Очень жаль, что не художник я...
А заря и вправду золотая.
Отдыхает здесь душа моя.

В озеро я был влюблённым с детства.
Мне улов богатый ни к чему.
А от детства никуда не деться —
Вот и возвращаюсь я к нему,

Возвращаюсь (вовсе не впадаю).
Озеро — как зеркало, где мне
Видится вся жизнь — пусть не святая —
С золотою рыбкой в глубине.

* * *

Земля — клубок: бери, отматывай!
И след тyani к другим планетам.
Знакомься с местными приматами,
Хоть их, возможно, вовсе нету.

Полётов совершаем сотни,
Ждём исключения из правил:
А вдруг да щёлочку нам Плотник,
Шутя, в Галактике оставил?

* * *

Я замёрзну, как птица
в мороз на лету.
И в сугроб упаду.
До весны не заметят...
А быть может,
когда враз сады зацветут,
Я очнусь и ещё
проживу полстолетья.
Это, видимо,
просто фантазии зов.
Не бывает такого,
чтоб мёртвый воскреснул.
Разве только Христос.
Только я не готов,
чтоб, воскреснув,
потом обживать поднебесье.
Никакого кощунства —
я просто не вынес бы мук.
Слишком слаб человек:
я бы клятвы нарушил.

Из гвоздями пробитых
и связанных рук
будет нечего взять,
лишь Господь примет душу.

MEMENTO MORI

В последний раз тебя обнимут
Затем, чтоб вынуть из петли...
Пребудешь вечно ты отныне
В объятьях матери-земли.

Возможно, нет тебе охоты
Висеть в петле, смущая всех?
Покончить с этой жизнью счёты —
В конечном счёте — тяжкий грех!

Петля поэту, в самом деле, —
Совсем не пропуск на Парнас.
Там больше ценятся дуэли,
Но эта роскошь — не для нас!

АМБИЦИИ

Утюги броненосцев
дымили над гладью морей.
Гром их пушек был
грома небесного громче.
Адмирал вёл эскадру,
и был он мудрей
капитанов всех рангов.
Воистину — кормчий!

Хоть на картах штабных
    обозначен был путь,
но от туч грозовых
    горизонты намокли...
Адмиралам — и тем
    наперёд не дано заглянуть,
хоть на час или два,
    ни в какие бинокли.
Даже крейсер подводный
    в наш атомный век
не всплывёт раньше времени —
    время никто не обгонит.
С электроникой Немо —
    ну, пусть имярек —
в этой гонке со временем
    просто в пучине утонет.
Корпус в пенные волны
    на время зарыв,
смерть запрятав в отсеках,
    стремится подводная лодка
к страшной точке отсчёта.
    И атомный взрыв
потрясти может сразу
    и Бога, и чёрта!
Время мчится,
    и нет тормозов у него.
От глобальных открытий
    всё меньше нам толка...
Помолиться бы Богу,
    просить бы Его,
чтоб унял Он амбиции
    наши надолго!

ВО СНЕ И НАЯВУ

Лук согнул я добротный,
Да судьба подвела:
Почему-то в болото
Улетела стрела.

Там лягушки-царевны
Окружили меня —
Так не могут деревья
Убежать от огня.

Что мне, бедному, делать?
Всюду кочки да пни...
Я не бегал от девок —
Чаще бегал я к ним.

А царевны-лягушки
Тянут вниз за полу:
«Не томи ты нам души,
Хоть одну поцелуй!»

Стало жутко и душно,
Я проснулся едва.
Вдруг услышал с подушки
Очень нежное: «Ква!»

* * *

Жизни нить свивает пряжа —
Не поспоришь с нею.
Одолеть ночного страха
Приступ всё труднее.

А чего бояться? Разве
Я не видел смерти?
Что ж, конец пути — не праздник,
Всех он ждёт, поверьте!

Самого себя утешить
Каждый раз труднее.
В чём же, Господи, я грешен?
В чём? Тебе виднее.

Я как все — живу да каюсь,
Хоть грехам нет счёта.
На пороге спотыкаясь,
Поминаю чёрта.

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

«Ни дня без строчки» —
принужденье?
А так ли
строчка хороша?
И встрепенётся ль
чья душа,
наступит ли в ней
пробужденье?
Потеря здесь
невелика:
пусть не понравится
творенье,
но, может быть,
одна строка,
глядишь, спасёт
стихотворенье!

В надежде
на такой исход,
века назад
скрипели перья.
Стихи не пишутся легко,
в них неуместно
нетерпенье.
«Ни дня без строчки» —
здесь соблазн
для графоманов.
Это точно!
Пишу стихи я —
и, Бог даст,
запомнится
хотя бы строчка!

НАСТАВЛЕНИЕ

Храм построить — непростое
Это дело! Но и тут
Соразмерность с красотой
Вам подскажет высоту.

Вот такое наставленье —
И нельзя его забыть.
Храм, где пенье и моление,
Сам красивым должен быть.

Как он золотом сияет,
Крест, в небесной синеве!
Бог талантом наделяет
Всех строителей церквей.

Передать хочу — и даже
Славить — эту простоту:
Красота — она покажет,
Брать какую высоту!

БОГЕМА

Кинооператору Геннадию Тюнису

Ну кого интересует,
Что мы делаем сейчас?
Что мы пишем, что рисуем,
В моде тенор или бас?

Что идёт у нас на сцене,
Что снимается в кино?
Кто нам платит, кто нас ценит?
Или это всё равно?

Пасть на нас нужда ощерит —
Всюду с нами эта тварь.
Но, ещё живя в пещере,
Рисовал зверей дикарь.

Мы — богема, мы свободны,
Мы горды, хоть и бедны.
И уж если не сегодня —
Завтра будем мы нужны!

ПОЖАР

Зародилась искра сомнения —
Значит, зданье дотла сгорит.
Может быть, не хватило терпения?
Что об этом теперь говорить!

Так красиво б на плахе умер!
Даже этот финал не нужен —
Это попросту чёрный юмор.
Пусть ещё голова послужит!

ИДЕЯ

Пока что ею
он один владеет.
Есть у него
на это все права.
Потом философ
голую идею
ещё оденет
в пышные слова.
Ещё её
к истории пристроит,
как чудный перл,
начнёт она сиять!
Создать идею —
дело непростое.
Ещё её
труднее отстоять...
Моя идея
новизной не блещет,
но за неё
готов держать ответ.
Олег едва ли
встретится вам Вещий,
а Василис Премудрых
вовсе нет.
И потому
нам помнить это важно,

что правил
не бывает без греха.
Иван — дурак,
но далеко не каждый:
иной тебя
оставит в дураках!

УЕЗДНОЕ

Хоть город был уездным, сонным,
Но там случались всё равно
Измены... и в одних кальсонах
Бежал мил-друг через окно.
Раз в год уездное дворянство
Устраивало пышный бал.
Не слишком осуждалось пьянство,
Была в почёте ворожба
У дев и дам. Тогда мужчины
Без карт не мыслили житья.
Чиновник водку пил с купчиной —
И метил, видимо, в зятя.
Я этой жизни не изведал,
Моя фантазия — из книг,
Но почему-то зависть к дедам
Порой возникнет — пусть на миг.
А что? Купеческая дочка
Могла понравиться вполне.
Я приносил бы ей цветочки
И снился ей бы в грешном сне.
Что я нашёл бы в том уюте?
Меня заела бы среда.
А телевизор? А компьютер?
И без мобильника куда?

Не надо к прошлому возврата,
Хоть мы грустим о старине.
В наследство пьянства и разврата
И нам оставлено вполне.

МОЯ МОСКВА

Я вновь в Москве. Спешу, как все.
Кольцо Садовое, подземка.
После дождя парит шоссе,
Как будто вновь на нём позёмка.

Я тороплюсь, опять дела.
Москва предполагает к спешке.
Она зелёный свет дала —
И мне теперь не надо мешкать.

Мечусь по разным адресам,
Боюсь, что не успею к сроку.
А опоздай на полчаса —
От беготни не будет проку.

Мне надо многих повидать,
Обнять, пожать кому-то руку,
Тебе единственной сказать:
Прости за долгую разлуку!

Как мало времени дано!
Да мне его давали разве?
Нет, видно, мне не суждено
Восстановить былые связи.

В Москве я не был столько лет,
А я здесь сочинял поэмы!
И вот теперь «иных уж нет»,
А я встречаюсь, но не с теми.

Приехал, чтобы повторить
Моё прекрасное былое.
Но что об этом говорить —
Не помирю добро и зло я.

Опять я по Москве мечусь...
Вот нахожу знакомый скверик.
Когда я всё же отучусь
В открытые стучаться двери?

Прощай навек, моя Москва!
Тебя давно уж нет в помине...
Но всё же верю: как анклав,
Моя Москва в Москве донине.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Он оказался всех быстрее
На чердаке высоком.
Десант из мыльных пузырей
Поплыл легко вдоль окон.

Рождал простейший агрегат
Из пузырьков гирлянды.
Парнишка равен был богам:
Чердак — он с небом рядом!

Я позавидовал ему
И вверх смотрел умильно.
Хоть был он вовсе ни к чему
Мне, фейерверк тот мыльный...

Шары летели с высоты
В сплошном сиянье радуг.
Летели детские мечты,
Им не было преграды.

Я поседел, и постарел,
И стал почти горбатым.
Как много мыльных пузырей
Сам выдувал когда-то!

К ПОЭТУ

Нелегка судьба поэта:
Муза может улететь.
Тем полно: зима и лето,
А ещё и жизнь, и смерть.

И коварства, и измены,
Про любовь хоть век пиши!
Если хочешь, с Мельпоменой
На театре согреши.

Ну а к старости на прозу
Вдруг потянет жизнь сама.
Так что «розы» и «морозы»
Перестанешь рифмовать.

Аполлон тебя не просит
Слышать звонкой лиры глас.
Не писать ты можешь вовсе,
Раз есть пропуск на Парнас!

НОС МАЙОРА КОВАЛЁВА

Что для Гоголя столетья?
Вдруг да оживёт он снова —
Нос майора Ковалёва
В чине статского советника?

Вот мундир и шляпа, может быть,
Озадачить могут многих...
Ведь явись в крылатке Гоголь,
Удивил он многих тоже бы.

Тут хоть год гуляй по Невскому,
Ни советник и ни Гоголь
Вам не встретятся в дороге.
И спросить об этом не с кого...

Повстречать в саду бы Летнем нам,
Говоря на сленге — «клёво»,
Нос майора Ковалёва
В чине статского советника!

* * *

Опять укрылось солнце в тучах.
Стоят такие холода!
На лад минорный ветер жгучий
Настраиивает провода.

Они и впрямь по-волчьи воют,
И Святкам наступить пора.
И всё попряталось живое.
Сидит на печке детвора.

А хорошо бы съехать с горки,
Отгрызть у снежной бабы нос!
Из кухни тянет чад прогорклый,
Мешаясь с дымом папирос.

Дед входит в дом, стуча пимами,
И, к печке руки приложив,
Смеётся он над пацанами,
Хоть сам от стужи еле жив.

И — как защита от угрозы —
Стекло икон блестит в углу.
Что нам метели и морозы,
Когда уже зовут к столу!

* * *

Белле Ахмадулиной

Звучал, взлетая, голос звонкий,
И, вытянутая, как струна, —
Не женщина, и не девчонка,
И не подруга, не жена, —
Сама Поэзия, казалось,
Была на сцене в этот миг.
Летала музыка над залом,
Сердца и души защемив.
И, даже не следя за смыслом,
Был слушатель заморожён,

Волшебной силой в кресла втиснут
И в небо с креслом унесён!
А после — плеск аплодисментов,
И повторить был каждый рад,
И пережить опять моменты
Полёта в рай, паденья в ад.
И всё же было интересно:
А что бы было, окажись
Колдуньей эта поэтесса,
Сумевшая заморозить?
Да ничего бы не случилось —
Тут лишь талант всему виной:
В поэзии таится сила
Любви небесной и земной!

БЕССМЕРТИЕ

Природа — это истинный художник,
Где всё вокруг подвластно красоте!
Но далеко не всем дана возможность
Остановить мгновенье на холсте.

Не всем дано найти такие краски,
Чтоб передать природы колдовство,
Где оживают музыка и сказки.
С бессмертием вдруг ощутишь родство.

Когда увидишь ты творенья кисти
Какого-нибудь гения, когда
Услышишь, как зашелестели листья,
Как засверкали небо и вода, —

И словно при тебе творил Создатель,
И при тебе сказал: «Да будет свет!» —
Когда всё это ощутишь, тогда ты
Поймёшь: у гениальных смерти нет!

* * *

Ночь опять в метельном белом мраке.
Снежные ручьи во двор текут.
Буйный ветер, будто бы для драки,
Оторвал подгнившую доску.

Очень уж хотел он и солому
Закрутить, а после унести.
В эту ночь я выходить из дома
Не хочу. Да и куда идти?

Свежего селянка поцелуя
На морозе не подарит мне.
А метель летит напропалую,
И снежинки кружатся в окне.

От печи тепло, где, вечно сонный,
Важный деревенский кот.
В полотенцах вышитых иконы,
Где лампадку отразил киот.

Сельский житель, в доме деревянном
Я рождён в прошедшем веке был.
Предки — безусловно, христиане,
Царствовал в избе крестьянский быт.

За ночь вьюга заметёт дороги.
К нам по ним никто не поспешит.
Да и мне спешить не надо вроде...
Пусть метель сугробы ворошит!

ОРЛАН

Орлан и в небесах заметен.
Парит он на виду у всех...
И грудью падает на ветер,
Но поднимают крылья вверх!

Над Минусинской степью в небе
На царство возведён орлан!
И в горле клёкот, а не щебет...
И словно трон ему — курган.

В небесной сини первозданной
Крылами шевелит слегка.
И как знакомы нам туманы —
Ему знакомы облака.

Когда увижу я орлана,
Как в детстве, посетит мечта
О самых-самых дальних странах —
И дух захватит высота!

* * *

Закат уже úбыл...
В лесах подмосковных
Казались как зубы
Берёзки ровные.

Электрички весенние,
Как молнии синие,
Грохот сеяли
В чащи лосиные.

И в каждой яме,
Где травы гуще,
Себе соловьями
Казались лягушки.

И только бесшумно
В тумане, на ощупь,
Скользили, как шхуны,
Зелёные рощи.

НЕОКОНЧЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ольге Н.

Всё было как будто вчера.
Хоть время ничем не обманешь.
И ты до сих пор меня ранишь.
И боль от разлуки остра.

А может, я раню тебя?
Как прежде, с тобою ранимы,
Да будем мы Богом хранимы,
Всё светлое наше любя...

* * *

За пять минут до ливня
С бетона — в облака
Сорвался реактивный,
Как спичка с коробка.

* * *

Опять перемела метель мою дорогу,
И взгляд холодных звёзд
Мне не сулит добра.
В последний раз вернусь я к твоему порогу,
И в дом войду, и в нём останусь до утра.
Зелёный абажур, зелёные обои.
И неподвижна тень зелёного цветка.
Зеленоглазый кот... Да мы в саду с тобою!
Разбила этот сад зелёная тоска.
В последний раз в саду я слышу запах яблок:
Они тверды, мертвы... Малина в нём горька.
Тоскливый соловей — он завалился набок.
Поёт в последний раз в моей руке рука.
Но солнца луч пробыёт стекло и пыль закрутит.
Торжественно светла, свободна от молвы,
Ты скажешь мне: «Ну что ж... я умываю руки...
Не хочешь — не теряй, мой милый, головы...»
В последний раз... Ну что ж...
В последний раз — в который! —
Я оставляю все заботы и дела...
Серебряная нить спускается со шторы.
В последний раз метель мой путь перемела...

* * *

Что знаю я о жизни сладкой? —
Немного, что и говорить:
Лежать под шум дождя в палатке,
Транзистор слушать и курить,

Переживать разлуки остро,
Не ждать ни друга, ни врага.

Необитаема, как остров
Необитаемый, — тайга.

Ружьё блестит в углу палатки,
А ты лежишь себе, как бог...
И тело ноет, ноет сладко
От ног до рук, от рук до ног...

Поют всё старые пластинки.
И сквозь египетскую тьму
Плывёт твоё лицо в дождинках
По речке песни — к моему.

А дождь прошёл. И месяц вызрел.
Беру ружьё. Тайга — стеной.
И отвечаю я на выстрел,
На выстрел — чей-то позывной.

* * *

Только тени полночного сада.
На траве под луною следы.
Ничего от тебя мне не надо:
Ни живой и ни мёртвой воды.

Никакой я не ведал заботы.
И представить такого не мог,
Что однажды накажет за что-то
Безответной любовью Бог!

Что внушил он душе неумелой?
Как спокойно я жил, не любя!
Боже правый, что Ты наделал?
Что я сам натворил без Тебя?

Наказание — вот уж воистину!
Помню встречи я все до одной.
И о чём это шепчутся листья
В нашем старом саду под луной?

И под чьими ногами ступени
Скрипнут вдруг? И опять тишина...
Только теней ночное сплетенье,
Только светлые ночи без сна.

* * *

Как невесомо всё! И слава Богу...
Так невесомо, словно на Луне.
И женщина, влюблённая в другого,
Свои стихи к Нему читает мне.

В чужой квартире города чужого
Чужой любви я слышу голоса.
И вздрагивают, словно от ожога,
От молнии ночные небеса.

Как ты коварна, женская природа!
Мне нравятся стихи. Я ей не лгу.
Но не могу служить громоотводом
Чужих страстей. Поверьте — не могу.

Мне от своей любви не отвертеться.
(А молнии всё блещут в вышине.)
И женщина всё надрывает сердце:
Свои стихи к Нему читает мне.

* * *

Сотня лет... Просто сто годов...
Всё прожить — вдруг не хватит сил?
Но и Богу сказать готов:
Лишь тебя целый век любил.

И пройди я хоть сто морей,
Ураганов выдержи сто!
Нет прочней Любви-якорей,
Нет белей Любви-парусов!

Если волны встанут стеной
И уже за гранью добра
Ты окажешься вновь со мной —
И тогда утихнут ветра.

* * *

Ночь такая, какой не будет!
Где никто никого не забудет...
Небо звёздами всё пробито.
Мчатся спутники по орбитам...
Я прошу тебя мне присниться.
Самолётами небо искрится...
(Всё пульсируют огоньками.)
Ты близка мне и далека мне.
До того ты запала в душу,
Что любую клятву нарушу!
Ночь такая... Куда зовёт она?
Заметают мне ведьмы мётлами,
Заметают мне Млечный Путь.
Приземлиться бы какнибудь!

ВЕРНЁШЬСЯ В ЭТОТ ДОМ

Так ясен небосклон!
Метели вдаль умчались.
Лежат в снегах поля —
Безмолвны и пусты.
И на душе покой.
И в сердце нет печали.
И помыслы мои,
Как в юности, чисты.
В печи поленьев треск.
И по сосновым стенам
Тень птицы проскользнёт,
Вся в отблесках огня.
Не сразу и не вдруг,
Но всё же постепенно
Уходит образ твой,
Уходит от меня.
Мне больше ни о чём
Тревожиться не надо.
И от любви к тебе
Я не сойду с ума.
На ветках снегири
Сидят с окошком рядом.
Какая в этот год
Суровая зима!
Хоть не уверен я,
Но может так случиться:
Ты, прежнюю любовь
Ещё ко мне храня,
Обиды позабыв,
Однажды, как жар-птица,
Вернёшься в этот дом,
Где отблески огня.

ЗИМА

Вновь зима. И грусть сильней.
Над домами и над садом,
Как в огромной колбе, снег
Выпадал весь день в осадок.

И смотрел я сквозь стекло
На кружение снежинок...
Сколько времени прошло,
А мы, слава Богу, живы!

Что ещё сказать тебе?
Что не скоро снег растает?
Что всех выпавших нам бед
Мы с тобою не считаем?

А скажу лишь я одно:
Что нам зря грустить о лете?
Подойди, взгляни в окно —
Видишь, как светло на свете!

ДУДИНКА. ОТТЕПЕЛЬ

За окном, во льду реки, — суда морские.
И гостиница сама — как ледакол.
Если нынче ночью не умру с тоски я —
Стало быть, ещё отделаюсь легко.
Всё как есть освещено прожекторами
(Свет дневной мелькнул — и нет его).
Крайний Север. И зима не за горами.
Потому и ночь здесь тянется как год.

Хорошо, что нет пурги. А холодище
Отступил... И ненадёжен лёд реки.
Потому-то мокрою губицей
Над карнизом снег: сосульки — как клыки!
Этой ночью я и сам здесь озверею...
В самом деле, почему б не озвереть?
Зверя б не было тогда меня добрее.
Понаехали б сюда, чтоб посмотреть:
Как могло возникнуть это чудо?
И возможно ли подобное теперь?
Столько зла вокруг! И взялся он откуда,
Бесконечно, безнадёжно добрый зверь?
...А в порту скрипят всю ночь и стонут краны.
И сопит, уснув во льду, атомоход.
Нет, пока что превращаться в зверя рано,
Хоть оленьей укрываюсь я дохой.

В ЭТИХ ТИХИХ МЕСТАХ

В этих тихих местах — никакой суеты,
Словно друг перед другом здесь все повинились.
А на поле зелёном — такие цветы,
Что, наверное, даже и детям не снились!

В этих тихих местах — лишь добро, а не зло.
И никто здесь за пазухой камень не прячет.
И всем жителям здесь от рожденья везло.
И за ними, как нянька, ходила удача.

В этих тихих местах не сгорают дома
И все люди, пожалуй, воистину — братья...
В этих тихих местах тихо сходят с ума —
От такой уж совсем неземной благодати...

* * *

Так ослепительно текла река,
Сверкала перламутром,
Как будто мыли зеркала
Сегодня утром.

Я видел камешки на дне.
И серебрились рыбы сверху.
Река сияла. Но над ней
Сиянье начинало меркнуть.

Ещё синели небеса...
Дождь каплями прошёл — прошил как...
И в воду глянула гроза:
Две тучи в огненных прожилках.

Они ползли вверх по реке.
Клубились. Всё собой заполнили.
Шла девочка. И шар в руке
Казался шаровую молнией.

Мальчишки мчались без рубах.
Щенок по берегу метался.
Без рыбы, злой, бежал рыбац.
А я остался.

Река осталась вопреки
Всему — казалась равнодушной.
На водорослях пузырьки —
Росой воздушной.

А ветер гнал песок с косы.
Тальник прибрежный к травам жался.
И за секунду до грозы
Я безмятежным отражался!

* * *

И вдруг придёт такая строчка,
С которой словно век знаком.
Она, как женщина в сорочке,
Спросонья ходит босиком.

Она как будто надоела.
И от неё не жди тепла,
Но в том-то, может быть, всё дело,
Что век она с тобой жила.

Жила, как верная жена, —
Страдала, маялась, седела,
Но в том-то, может быть, всё дело,
Что та строка была одна.

НОВЫЙ КОВЧЕГ

Больше нет нас. И мир для нас умер!
Мы на дне. Мы в задренном трюме.
Наша кровь с каждым часом всё гуще.
Эта толща воды нас расплющит!
Швы слезятся — сочится вода.
Наш корабль не всплывёт никогда.
Нам спастись уже бесполезно...
И покроется слизью железо.

Нас погубит ни мор, ни чума,
А поглотит нас вечная тьма.
И над нами беспечно резвиться
Будут разные рыбы и птицы.
Выйдут в полдень на солнечный берег
И ручные, и хищные звери.
Но не будет меж ними людей:
Ни на суше, ни в море — нигде!
Лишь останутся дети природы...
Не нужны им дома и заводы.
Никакой им не нужен прогресс:
Ни ракеты, ни наши АЭС.
А нужны этим детям природы:
Чистый воздух, и чистые воды,
И трава, и стволы, и листва,
И свобода — как суть естества!
Очень жаль будет запертых в клетках,
В зоопарках, в НИИ, на объектах...
Их на волю не выпустят люди,
Потому что их больше не будет —
Этих самых хозяев земли! —
Все они на ковчеге ушли.
А за то, что губили природу, —
Он ушёл вместе с ними под воду!
Место гибели их неизвестно...
А на дне — только груда железа.

СТЕПАНОВКА

После встречи долгожданной,
После дружного застолья
Утром я проснулся рано.
А кричал мне: «Ал-ко-го-лик!» —

Рыжий весь петух огромный.
И серпы в хвосте качались.
«Ко-ко-ко... какой засоня!» —
Куры хором возмущались.
Рыжий пёс на рыжей глине
Грелся, словно дед на печке.
Эту рыжую картину
Осветило мне беспечно
Солнце рыжее... Покуда
Не спеша оно вставало
Над домами, словно чудо,
Воздух сонный согревало.
Рожь рыжела... И пшеница
Для уборки подоспела.
Только жёлтая горчица
По-весеннему горела.
От хохлацкой речи млея,
Поражаюсь: как всё просто!
Украинское селенье
Здесь, в Башкирии, — не остров.
Тут давно друг друга знают.
Всё стерпелось, всё слюбилось...
И хоть наша хата с краю,
Столько детворы набилось!

ТРАССА

Зачем? Я понять не могу до сих пор,
Но знаю: для дела, а не для каприза,
В короткий тоннель паровоз, как в затвор,
Входил, вылетая обратно, как гильза.

Удушливый дым, поднимаясь винтом,
Слоями в момент оседал на морозе...
В берлогу к медведю врывался потом,
Уснувшему, будто почившему в Бозе.

Надрывно гудел паровоз, а затем
Мотался по трассе он с нашим вагоном.
Опоры мы ставили. Не без затей
Прораб матерился, сойдясь с гегемоном.

Восходов таёжных так ярок был свет!
И верилось: солнце в снегах не остынет.
А что Абакан мне? И что мне Тайшет?
Ну, год проработал, а помню доньше!

БОМБАРДИРОВЩИК

Утра солнечного картины:
Поле, речка... И вот над ней
Появляется реактивный,
Пролетает он в вышине.
Мне пока не слышны турбины.
Лишь следы висят, как мосты.
И мерцают крыла машины
Синим холодом высоты.
Нет ни облака и ни тучи.
В небе хоть покати шаром!
Гул запаздывает могучий,
Как за молнией тяжкий гром.
Исчезая за дальней рощей,
Он полёт продолжает свой —
Реактивный бомбардировщик,
Ангел смерти сверхзвуковой!

Чем встревожен я? Что мне надо?
Всё спокойно. Под птичий звон
Уподобился пастырь стаду...
Столько ягод! Пасётся он.
По траве ходят ветра волны.
Весь в табачном пастух дыму.
Что ему мировые войны?
Апокалипсис что ему?
Я сойду по тропинке к речке,
Отражусь в тихих струях вод.
И обрушится мне на плечи
Всею тяжестью небосвод —
С реактивными, винтокрылыми
(Застят все они белый свет).
Гуси-лебеди, где вы, милые?
Или в небе вам места нет?

В ТАЙГЕ

Вновь осенней ночью — тёмной, длинной,
Что не вечной ночи ли сродни? —
Посреди тайги в избушке дымной
Мы с моей фантазией одни.

Ни луны, ни звёздочки, как будто
Враз они исчезли без следа.
Только ночь. И кажется, что утро
Не наступит больше никогда.

Словно шар земной с орбиты съехал,
Словно неба солнечного нет,
Словно чёрный космос хлынул сверху
В дыры, что остались от ракет!

Тишина, с какою не встречался!
Страшно мне от этой тишины.
Вдруг я на Земле один остался
После звёздно-ядерной войны?

Вдруг она и впрямь была? Не знаю...
Может, в мире я теперь ином?
Как ни трудно, всё же засыпаю.
Просыпаюсь — утро за окном!

Нет, ещё не умерла природа.
И всё так же, как во все века,
В розовое озеро восхода
Белые всплывают облака,

Словно нету осени в помине
И календари все неверны!
И сверкает под ногами иней.
По траве пройдёшь — следы черны.

* * *

В местах я этих — свой!
Меня влечёт сюда,
Где камень гробовой
И мёртвая вода,

Где ворон на кресте —
Спасеньем от беды.
На тысячной версте —
Глоток живой воды!

Но ворон никогда
Крылами не взмахнёт.
Есть мёртвая вода —
Пусть жаждущий попьёт!

Здесь и родился я,
Где только прах и пыль,
Где греется змея,
Сквозь кость пророс ковыль!

Любой здесь обречён
На сны и вечный мрак.
Лишь мне всё нипочём —
Ведь я Иван-дурак!

БРОШЕННЫЙ ДОМ

Надвигаются сумерки.
Тучи — скопище льдин.
Все собаки как умерли,
И я в доме один.
Чайник, что ли, поставить?
Но зачем он мне, чай?
Скрипнет жалобно ставень
И озвучит печаль.
Что сюда занесло меня,
В этот брошенный дом?
Здесь когда-то село моё
Было... Нынче на слом
Предназначено кем-то...
И уехали все.
Я сижу как в застенке,
Я подобен осе,

Что застряла меж стёкол —
И не выбраться ей.
Как же мне одиноко...
Никого — хоть убей!
Сам себя вдруг спросил я —
Весь в тоске о былом:
«Неужели Россия
Вся как брошенный дом?!»

ШТОРМ

(воспоминание)

В море ночное, злоещее
Тучи упали с небес...
Мной позабытая женщина,
Снова твой образ воскрес.

Ветер срывается бешеный,
Старый корабль креня...
Перед тобою не грешен я...
Ты помолись за меня!

Встреча мне помнилась первая,
Да позабылась потом...
Сбились мы с курса, наверное.
Не унимается шторм!

Волны лишь с гривами белыми.
Нет ни звезды, ни огня!
Грешен... Но что я поделаю?
Ты помолись за меня!

Знаю, что ты не пророчица,
Хоть и привиделась мне.
Ночь эта жуткая кончится.
Всё же мы шторма сильнее!

Буду хранить тебя бережно
В сердце до крайнего дня.
Мы доберёмся до берега.
Ты помолись за меня!

* * *

Под вечер выйдешь из вагона...
Мигают маки из оград.
На чистом русском — без жаргона —
С тобой берёзы говорят.

Подсолнухи, как фонари,
С подстриженными лучами.
В открытой бочке круг зари
Надёжно схвачен обручами.

Петух — воистину пожар!
И гуси впрямь белее снега.
Земной раскручивая шар,
Невдалеке скрипит телега.

Потом пойдут пылить стада,
Пшеница по ветру качнётся,
И ты поймёшь: вот-вот начнётся
В твоём отечестве страда.

СУЕТА

Моря и сушу наполняют гулом
Машины, поезда и корабли.
Авиалайнеры вверху сродни акулам.
И спутники — как пасынки Земли.

Куда, зачем спешит людское племя,
Не уставая от разлук и встреч?
Торопимся... и, кажется, над всеми
На волоске висит дамоклов меч.

Торопимся: то молимся поспешно,
То отвергаем Бога на бегу.
Со всеми вместе тороплюсь я, грешный,
А вот куда — ответить не смогу.

Мелькают дни, события и даты,
С привычной сменой листьев и травы,
Хоть завещали древние когда-то
Нам торопиться медленно. Увы!

И некогда подумать нам спокойно.
И что ещё мы натворим, спеша?
И не по сторонам грохочут войны —
На части разрывается душа!

* * *

Таёжная лосиная тропа...
Куда придёшь ты эту тропую?
Туда ли, где Макар телят не пас?
Ну а всего вернее — к водопою...

Представь себе, что ты не одинок.
Когда, прикрытый комариной тучей,
Идёшь, то знай, что с головы до ног
Ты весь уже рассмотрен, весь изучен!

Глаза тайги — их всех не перечесть:
Сухие и подёрнутые влагой...
Тайга прекрасно знает, где ты есть, —
По запаху, по голосу, по шагу.

Таёжные тропинки нележки.
Как много их на этих мхах зелёных!
И жёлтые на нитях пауки
Висят, как золотые медальоны.

Таёжные мохнатые цветы,
Какие-то невиданные птицы...
Не по тайге — по сказке ходишь ты.
Склонись к ручью живой воды напиться!

ЗИМНИМ ДНЁМ

Зима, зима. Пожаром белым
Метель над крышами гудит.
И всё вокруг заледенело,
И мёртвым сном природа спит.

Но в час, когда метель устала
И небосвод опять высок,
Пахнёт весной, снегом талым,
Но нем и глух в берёзах сок.

И пусть весна придёт не скоро,
Не слышен птичий хор в лесу...
На память зимних дней узоры
С окна в тетрадь перенесу.

* * *

Памяти Вячеслава Назарова

Такое дело непростое:
Жить-быть и знать наверняка,
Что твоё сердце золотое
Сожмёт чугунная рука.

А ночь темна... вокруг ни звука...
Лишь в небе звёзд не перечеть.
И боль, и близкая разлука
Со всем, что в этом мире есть.

Но не бессмысленно геройство —
Строка приходит за строкой,
За эту землю беспокойство,
Где обретёшь и ты покой...

Но память добрая людская
Всё, что ты сделал, сохранит.
И тишина, и грусть такая —
Душа по мёртвому болит!

ПЕРВАЯ МОЯ БИБЛИОТЕКА

С. Задерееву

Может, что-то в памяти угасло...
Только утонувшую в снегу
Нашу школу для начальных классов
До сих пор забыть я не могу.
Глобус на шкафу. С мальками банки.
Вся библиотека на виду!
Лермонтов, Маршак, Толстой, Бианки,
Пушкин и Джамбул — в одном ряду.
Но однако ж — где-то хоть и сбоку,
За Твардовским, Симоновым, — здесь,
Как ни странно, Александру Блоку,
Оказалось, тоже место есть.
В ранец мой — холщовую котомку —
Спрятал книгу. После по слогам
«Скифов» я читал и «Незнакомку»,
Тайну символизма постигал.
Были ни к чему ума палаты,
Моего хватило мне вполне,
Чтоб понять: да, все мы — азиаты!
И ещё: что истина — в вине.
С той поры прошло почти полвека.
Школьный мне звонок не прозвенит...
Первая моя библиотека
Пусть меня за Блока извинит.
Я и до сих пор не всё в нём понял.
Что поделать? — Азиаты мы!
В ковылях горящих мчатся кони
С той далёкой, памятной зимы.
Истины в вине всё время мало...
Как там по-латыни? Позабыл.

Розы я не посылал в бокалах,
Лишь по-братски обнимал столбы...
Сколько пролетел, проплыл, проехал? —
И припомнить даже не берусь.
Школьная моя библиотека,
Я в края родные не вернусь.
Там, не дожидаясь ускоренья,
Перестройки и других тревог,
Перспектив лишённая деревня
Умерла! Прибрал деревню Бог.
...Знаю, там не ведают печали —
Пощади их, время, пощади! —
Женщины с безумными глазами,
С вечно смятой розой на груди.

ЛЕТНИЙ ВЕТЕР

Вновь, нагулявшись по полям,
Где был то ласков, то неистов,
Как птицы перья — тополям
Перебирает ветер листья.

В немолчном шуме городском
Совсем не слышен этот шорох...
Мальчишки рады жечь тайком
Пух тополиный — белый порох!

А ветер, снова взяв разгон,
Спешит на пляж, где все раздеты.
И по песку гоняет он
Зонты, и шляпы, и газеты.

Волну поднимет на реке,
Где есть и парус одинокий...
Но от морей он вдалеке —
И ветер тихо стих в осоке.

А мог бы ураганом вдруг
Обрушиться — уж вы поверьте!
Что, если мы с тобой, мой друг,
Разочаруемся, как ветер?

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ

Россия, нищая Россия!
А. Блок

Я верю в то, что не впустую
Сумел прожить мои года,
И в чём, в минуту жизни злую,
Берёт сомненье иногда.

Что мог я в этой жизни сделать?
Наверно, всё, что сделать смог...
Душа ещё не отболела,
И сердцу больно — видит Бог! —

За всё, что старый век порушил,
А новый век не воскресит...
Никто уже не хочет слушать
О том, как можно нас спасти...

А может, временно такая
Неразбериха — с ней разброд?
Россия — нищая, святая, —
И терпелив же твой народ!

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Эдуарду Русакову

Сыплет дождь. И всё промокло.
Но вечером, из темноты,
Как соты света — эти стёкла.
А там, за стёклами, — холсты.

Скорей откройте дверь, скорее!
Войдите с улицы извне,
Чтобы в картинной галерее
Побыть с собой наедине.

Вам кажется, что в этом зале
Повсюду бархат и парча,
А здесь не так, как вам казалось:
Горят цветы, снега молчат.

Взгляд не находит, как бывало,
Комбайнов, тучные стада.
И нет портретов сталеваров,
Нет лиц Героев Соцтруда.

...Вдруг, всю нелепость понимая,
Поймаете себя на том,
Что перед местною Данаей
Стоите вы с открытым ртом.

А вот художника вы сами
Себе найдёте. Не глазеть,
А видеть мир его глазами —
И даже, может быть, прозреть!

* * *

На улице солнце весеннее светит,
И мне мой приятель призывно свистит.
Наверное, с ним за весну мы в ответе.
И даже минуты нельзя пропустить.

На улицах лужи такие хорошие!
Но чтобы у взрослых в глазах не упасть,
Вбиваю я валенок чёрной калоше
В её бархатистую алую пасть.

Конечно, вернусь я заляпанный, мокрый,
И руки краснее, чем лапы гуся.
Но что подзатыльники, ахи и окрики?
Здесь — все мои лужи, весна — моя вся!

ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ АНГЕЛ ТЕРПЕЛИВЫЙ

Я разгадал почти секрет секретов,
Когда стоял у смерти на краю:
Хранитель-ангел есть и у поэтов.
Мой тяжело продляет жизнь мою.

Ни от чего я с детства не берёгся:
Ни от излишеств, ни от трудных дел.
Не знаю сам: откуда что берётся?
Но я не только о берёзках пел!

Храни меня, мой ангел терпеливый,
Для горестных стихов, для вещей слов.
И новый век нельзя назвать счастливым.
А может быть, и нет таких веков?

ЗАКАТ

Закат, как кровь, размазан по стеклу.
Синеет снег. А ветер сатанеет.
Оклад иконы чуть блестит в углу.
Еще немного — и совсем стемнеет.

Огонь в печи, как бес, пустился в пляс!
И отблески его по стенам скачут.
Нет радио. И даже свет погас!
Грущу я у товарища на даче.

Грущу, а не гощу — ошибки нет!
Опять один. Лишь ветер за стеною.
Я не люблю закаты. С детских лет
Они всегда мне памятны войною.

Что говорить об этом? Всё вдали...
Сижу. Любуюсь огненной пляской.
...Ревёт мотор! Сосед наш, инвалид,
Снега штурмует вновь мотоколяской.

Ему, как мне, закат не по душе —
Его снаряд мог разорвать на части!
Он в стену костылем стучит уже
И весело кричит: «Гостей встречайте!»

ЦВЕТЫ БРУСНИКИ

Ещё июль. Ещё цветёт брусника.
И ягода пока что впереди.
В лесу однажды станет тихо-тихо...
И тихие посыплются дожди.

Войдут в туман высоких сосен кроны.
И потемнеет... Но внизу — светло:
Брусника — огоньки аэродрома —
Раскидана. Горит дождям назло!

А может, пламя летних зорь однажды
До времени попряталось в росу,
Чтоб после вспыхнуть... Но не это важно —
Моя брусника всё цветёт в лесу!

Ещё июль... От зноя травы никнут.
В них прячутся букашки, как в воде.
Не походила только бы брусника
На капли крови... Никогда, нигде!

РАЗДУМЬЕ

Владимиру Замышляеву

На сердце тревожно и смутно...
Какой я нарушил зарок?
Уходит во тьму поминутно
Мне Богом отпущенный срок.

В ночи журавли прокричали
Под тучей с осенним дождём.
...А всё-таки не для печали —
Для радости был я рождён!

Как все мы, для доброго дела
Родился, должно быть, и я.
И в образе мудрого деда
Явился мне лик бытия.

Без всякого рос я надзора —
Мой дед в этом видел резон.
И страшная тяга простора
Звала меня за горизонт.

Туда лишь — на поиски чуда
Стремился я! Знал: оно там...
Как после вернуться оттуда
Хотелось к родимым местам!

...В чужой я застрял деревеньке.
Наохлились мрачно дома.
А капли всё тенькают, тенькают...
Но осень — ещё не зима.

МАМЕ

*Памяти моей мамы —
Екатерины Степановны, Героя Соцтруда*

Вечный сон никому не приснится,
Хоть гробы здесь для вечного сна.
Час настал мне с тобою проститься.
Мама, мама! Могила темна...

Тихо-тихо к тебе я нагнулся,
Твой покой — уже вечный — храня.
Не тебя я губами коснулся —
Ты губами коснулась меня.

Как живое, лицо я запомню
На пороге иного жилья...
Только Божия Мать — на иконе,
А у каждого в сердце — своя!

Мы не встретимся больше с тобою.
Не вздохнёшь ты, о сыне скорбя.
Скоро тяжкой доской гробовою
Отгородят от света тебя.

Только сон, может быть, мне приснится:
Будто жизнь ещё вся впереди —
Где колышется поле пшеницы
Да пчела золотая гудит.

Опускаются тучи всё ниже.
И не надо мне горя таить:
Я красивого сна не увижу,
А увижу лишь слёзы твои.

Простираю я к Господу руки —
Потому мне и слёз не стереть.
На лице её не было муки —
Значит, дал Ты ей лёгкую смерть.

Мало в жизни ей было отрады.
Горе — горстью, а счастья — щепоть...
Хоть за этой печальной оградой
Успокой её душу, Господь.

Февраль 1994

* * *

Художнику Юрию Ракше

Холсты пусты. Художник
От них ушел в кино.
Накрапывает дождик.
На улице темно.

Но вот какое дело:
С пустынного холста,
Как сказочная дева,
Вдруг сходит Пустота,
Как женщина, к которой
Он насмерть пригвождён.
Она раздвинет шторы
И молча подождёт.
И не проронит слова.
А он пришёл уже,
Чтобы сказать, что снова
Пустынно на душе.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Весь горизонт, как неизбежность,
Успела туча обложить...
И над водой, как конькобежцы,
Мелькают быстрые стрижи.

Всё скоро озарится жёлтым...
И небо перечертит свет.
И гром могучий и тяжёлый
За молнией ударит вслед!

За что неведомо карая,
Гремит гроза без берегов?
Игра природы вот такая
Рождала, видимо, богов!

СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ

Композитору Олегу Проститову

Тревожный, сказочный и зыбкий,
По стенам ходит лунный свет.
Я слышу скрипку, слышу скрипку! —
И от неё спасенья нет.

И так печально эти звуки
Напоминают о былом...
Скрипачки тоненькие руки,
Бровей нахмуренных излом.

Я был пленён движеньем каждым.
И вспоминать о них боюсь!
Но вот опять томлюсь я жаждой
И музыкою не напьюсь.

Ах, как она была прекрасна!
И скрипка слушала её.
Любой концерт мне был как праздник,
Как будто были мы вдвоём.

Но чувство стало вдруг привычным.
И развенчал я божество.
Зачем её концерт скрипичный?
Зачем мне это колдовство?

И свет луны, и звуки эти?
И струн неистовый порыв?
Она прекрасней всех на свете...
И снова сердце — на разрыв!

ЖАРА, ЛЕНЬ

Ягоды смородины незрелые
Воспалённо от жары блестят.
Мечутся в траве, как угорелые,
Отдохнуть букашки не хотят.

Полыхает день июля знойный.
Ветра нет. И не спасает даже тень.
Что ж, возможно, это недостойно,
Но меня одолевает лень...

У меня не дачный дом, а хижина.
Правда, в ней лежанка есть и стол.
Чувствую себя здесь не униженным —
Бурь и гроз я пережил в ней, может, сто!

Рвались провода, срывались крыши,
И сломалось столько тополей!
А мой «зámок» хоть дрожал, но выжил!
Мне его, конечно, нет милей.

Он сколочен мной из старой тары,
А спасает всех который год!
А соседи у меня — татары,
Очень замечательный народ!

Что-то я ушёл от главной темы:
Отразить жару, июльский день...
Лень, понятно, властвует над всеми!
Я ленив... И умирать мне будет лень.

ЗВЕРИ

Аз есмь зверь,
но и правлю зверями.

Иван Грозный

Зверем был Иван Васильич Грозный.
И зверьём на царство был он зван...
Хоть теперь с его признаньем спорить поздно,
Царь зверей — он всё же Лев, а не Иван.

И чего я лезу с этим каламбуром?
Ведь живи тогда у Красного крыльца —
Не толкался бы, свою спасая шкуру,
И на лире бы, конечно, не бряцал...

И ходил бы я, всего вернее, в смердах.
Это нынче заплатил — и лезь в князья!
От воров и от бандитов наши беды.
Но, наверное, без этого нельзя.

От зверей таких избавимся мы разве?
Кровью, как вином, от них разит!
Вот цари у нас любили казни,
А расстрелы — наш отец-грузин.

Господи, спаси меня скорее!
Вижу всюду морды — нет лица...
Люди просто на глазах звереют!
Но певцу звереть не надо — он не царь.

* * *

День сквозь деревья
Смотрит, как сквозь пальцы.
И роща пропускает тихий свет.
И грибники проходят, как скитальцы,
Как будто ищут клад, а клада нет.
Возьму себе весёлое лукошко
И навещу заветные места.
Веди меня, знакомая дорожка,
И выбели рукав мой, береста.
Как я люблю осеннюю прохладу
И этих рощ немую тишину!
Мы с сентябрём давно друг другу рады,
И вслух нам объясняться ни к чему.

СЕНОКОС

Сенокос... Сенокос...
Свист и звон острых кос.
Отбивает косы дед.
А за дедом эхо вслед.
Парень — кепка на затылке! —
От вниманья сам не свой.
За его сенокосилкой
Не угонишься с косой.
Конных грабель колесницы...
Целый день мелькают спицы.
Лошадям нелегкий труд:
Волокуши волокут.
Бригадир, как на бугре,
На зароде, на жаре.
Загорели пацаны —
Кожа лезет со спины.

А девчата горячи...
Парни все им — трепачи.
А вода из лагуна́ холодна!
Смыты пыль и пот, труха.
Поздним вечером — уха.
Над рекой горит огонь.
К песне тянется гармонь.
До седых дожил волос —
Помню этот сенокос.
Снова лето катит вдаль.
Так теперь не косят... Жаль!
Не живут теперь так дружно,
Не зовут своих подружек
Парни хитрые в луга.
Забывается косьба.
Не ныряют в травы косы.
Я прощаюсь с сенокосом.
До свидания! Всего!
Праздник детства моего.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Народу видимо-невидимо!
Собрание, выступленье — и
Я спать ложусь на стол президиума.
Под скатертью стихи мои.

Уборщице не нужен ордер:
Мне в клубе ночевать — не жить.
И голова моя, как орден,
На красном бархате лежит.

Бильярд в углу... Шары железные
Сверкают звездами... Я сплю.
И снятся мне сады окрестные.
И снится: я тебя люблю.

КАРЕТА ПРОШЛОГО

В карете прошлого, где не нужны и кони,
Уехать можно далеко едва ли...
Но я сажусь в карету, чтобы вспомнить
Все горки те, что Сивку укатали.

Кровавым потом тянет от оглоблей.
Колёса вертятся назад с тяжёлым скрипом.
И в материнской маюсь я утробе,
Чтобы родиться под созвездьем Рыбы.

Вот за окошком детство золотое,
Где вместо хлеба лебеда... Но выжил!
Вот юность быстротечная. Зато я
Таким счастливым это время вижу!

А вот и зрелость, а за нею старость,
Где лишь одни болезни и потери.
Но и от счастья что-то да осталось!
Любовь свои мне открывала двери.

Карета прошлого... Зачем в неё садиться?
Там никого не призовёшь к ответу.
И сколько жизнь моя ещё продлится?
Жаль, что кареты будущего нету!

ЖИЗНЬ

Берёзка держится упрямо
За край обрыва, за песок...
Уже с зелёными кудрями
Речной играетя поток.

Она и вправду как девица:
Стройна, красива, молода!
Склонилась, словно бы напиться,
Но увлечёт её вода.

В волне устало ветви тонут,
Никто берёзку не спасёт.
Её вот-вот затянет омут
И вдаль теченьем унесёт.

Пески желтеют сиротливо.
Порой их кружит ветер злой.
И только по верху обрыва
Чернеет почвы тонкий слой.

На нем-то и растут веками
Хлеба и травы, дерева.
Под ним песок да глина, камни.
Природа без него мертва.

Ничем души не успокою.
Берёзка долго мне видна.
Какою тонкою чертою
От жизни смерть отделена!

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Александр Злобину

Всё кажется: всё те же мы, всё те же —
И по душе, и даже по уму...
Лишь одного никак я не пойму:
Чужую боль мы чувствуем всё реже.

Чужой души движенье — не для нас.
Как холодны́, как равнодушны лица!
И скоро мы не сможем обратиться
Друг к другу даже в свой последний час.

И здесь, наверно, некого винить.
Вполне возможно, что кричу напрасно...

Но это — не причуды мысли праздной,
Порыв сердечный не остановить!

* * *

Костёр тот виден еле-еле,
Хоть он один на всю тайгу.
Вокруг него толпятся ели
В ночи на выпавшем снегу.

Тайга налево и направо.
Костёр — как продолжение дня.
И дым — как горькая приправа
К теплу и свету от огня.

Оставив след с луною рядом,
Над ним проходит самолёт.

Его и провожают взглядом,
И ожидают наш прилёт.

Мотора звук — он много значит.
Я шёл тайгой ещё вчера...
Желаю всяческой удачи
Ночующему у костра.

Ко мне летят мои заботы —
Уже всё меньше высоты...
А на снегу разводит кто-то
Костры, как красные цветы.

* * *

Лесная сторона.
Весь день слышна кукушка.
И как в очках старушка —
Избушка в два окна.
Брусничная пора,
Затем — пора ореха...
Соперничает эхо
Со звоном топора.
Мы с лесником одни...
Ни спешки нет, ни лени.
В поленнице поленья —
Как золотые дни.
Гроза грозит слегка,
Потом уйдёт куда-то,
И тлеют облака
Над кромкою заката.
Не спится мне, не спится,
Хоть краше нет жилья...

Как смерть в стволе ружья,
Печаль весь день таится,
Твоя печаль святая
Светло живёт во мне...
Уже темно в окне,
И всё поздней светает.

ВЕЧЕР СО СВЕЧАМИ

Неизвестно по чьей вине
Электричества снова нет!
Над свечой в соседнем окне
Одуванчиком вспыхнул свет.

И пошли огоньки плясать...
Сразу столько свечей зажглось!
Мне гусиным пером писать,
К сожалению, не пришлось.

И другим не в пример ночам —
Нынче лучшая из ночей!
И горит не одна свеча,
А, наверное, сто свечей.

Телевизор молчит. Едва ль
Тише ночь была, чем сейчас.
Вдруг услышали все рояль!
Ночь. И музыка при свечах...

Верю: мир спасёт Красота!
Я и впрямь, может быть, смешной?
Дали свет — развязка проста:
Враз умолк рояль за стеной.

ЧЁРНЫЙ ЮМОР

Сосуд греховный — наше тело...
Но как судьба бы ни вертела,
Как ни рубила бы сплеча —
Мы все зависим от врача!
Должно быть всё равно хирургу —
Учёный перед ним иль урка,
Когда тот при смерти и гол,
Когда кладут его на стол.
И точно знает терапевт,
Кого вот-вот должны отпеть.
А тот, хоть бледен и дрожит,
Наверно, долго будет жить.
И прав почти всегда онколог...
Его больного путь недолог.
Средь сумасшедших психиатр
Выковывает свой характер.
И как ни странно, но дантист —
На сто процентов оптимист.
Пусть пациенты и беззубы,
Дадут едва ли в кресле дуба!
...Плетусь в медпункт, одно шепча:
«Дай, Бог, хорошего врача!»

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Забуду ветер леденящий.
Ты без меня, Земля, кружись...
Уйду из жизни настоящей
В свою, придуманную жизнь!

Где нет болезней, нету смерти,
Где меж собою все дружны.
Туда путей не знают черти,
Там только ангелы нужны!

Где нету старости, увечий —
Дана всем молодость взамен!
Любовь бывает только вечной —
Без ревности и без измен.

Там хлеб насущный днесь даётся
Без пота, тяжкого труда.
Свет благодатный с неба льётся,
Туч не бывает никогда.

Но всё цветёт и вызревает,
И без дождя родит земля.
А как вкусны там караваи!
Ну прямо как для короля!

Совсем не там, по всем приметам,
Придётся счастья мне искать...
На рай почти надежды нету,
А к аду нам не привыкать!

* * *

Апрель. В лесу ворóн возня.
И сладко, словно бы на зорьке,
На жёлтом, с зеленью, пригорке
Спит женщина в середине дня.

Ещё нагие тополя
Цепляют облака ветвями;
Кипит жучками, муравьями
Оттаявшая вновь земля.

Спит женщина в лесу весной,
Как будто посредине лета.
На солнце неземного цвета
Кудряшка, крашенная хной.

Лишь этот птичий перезвон...
Всё видимое — позабыто,
И, пиджаком моим укрыта,
Она спокойно видит сон.

Вдали от всякого вранья
Она так полно отдыхает
И лишь по временам вздыхает
Под крик сварливый воронья.

* * *

Замрёт и оторвётся лист.
Летит — теперь на воле!
Здесь нету зайцев, нету лис,
А уж волков — тем более,

Поскольку роща от домов
Ушла на метров двести.
И мне видны ручьи дымов
Над трубами из жести.

Чуть ветер бьётся о стволы.
Как мяч, упругий воздух.
Достоин всякой похвалы
В подобной роще отдых.

Здесь от берёз в глазах рябит,
Но тишина — лесная.
Грибы, как гвозди, кто-то вбил,
А кто — и сам не знаю...

* * *

Нет, я не верю в чудеса!
И твёрдо знаю:
Окаменеют небеса,
Мне станет пухом
Твердь земная;
И всё, о чём я помнить мог,
Всё, что давалось ненароком:
Брусникой высветленный мох
И сосны, певшие высоко...
Мир мучается, мир творит,
Мир доверяется надежде.
Но реже, чем бывало прежде,
Звезда с звездой говорит...

ВСТРЕЧА ФРОНТОВИКА

Под лампой керосиновой
От табака синё.
Воротники сатиновым
Рубахам расстегнём.

На них почаще пуговиц,
Чем на гармонии...
Плавают луковицы
В разлитом самогоне.

И тянут бабы вдовы
«Рябинушку» до слёз,
К столу склоняя головы,
Тяжёлые от кос.

А мы, юнцы небритые, —
Мы ворот расстегнём.
На фронте не убитые,
Мы бабам подпоём.

Пусть ищет песнь за далями
Тех, кто в бою убит.
Наш фронтовик израненный
Медальями звенит.

И льются слёзы вдовьи,
Хоть кончились слова.
Ты, фронтовик, виновник —
Виновник торжества.

* * *

День декабря
Был белым снегом вышит.
Летели голуби
Над белой тканью крыши.
А снег всё шёл.
И день казался долгим.

Он был последним в этом декабре.
В дома входили маленькие ёлки,
Иголки рассыпая во дворе.
И пахло мандарином. И легко
Игрушки тенькали,
Струна звенела.
А снег всё шел из серых облаков.
Летя сквозь синь,
Он становился белым.
Но день прошёл.
И ночь пришла к огням.
И был бокал за счастье в полночь поднят...
А снег всё шёл
Навстречу новым дням.
Он не хотел остаться прошлогодним.

БЕЗ ФАНТАЗИЙ НЕЛЬЗЯ НА РЕКЕ

Без фантазий нельзя на реке.
Тут без них просто нечего делать...
На бревне, что плывёт вдалеке,
Чайка кажется рубкою белой.

Кое-что подправляя слегка,
Необычные вижу картины:
Отражаясь в реке, облака
Наползают на берег, как льдины.

И на крыльях подводных корабль
Вдруг промчится быстрее дельфина.
Распускают усы катера,
Баржи грузам подставили спины.

А русалки, чуть ночь, из реки
Выйдя, греться под месяцем станут.
До утра теплоходов гудки
Старым спать не дают капитанам.

* * *

Тайга, тайга — как отрешенье
От всех на свете вдалеке.
И словно кораблекрушенье,
Когда заблудишься в тайге.

И все пути несудоходны.
На солнце смотришь — не поймёшь:
И юг, и север слишком схожи.
К востоку, к западу идёшь?

Рассвета светлые полосы
Вдруг возникали впереди.
Светало... я свои затёски
Почти случайно находил.

И, как ребёнок, отыскавший
Родную мать в чужой толпе,
Я — все надежды потерявший —
Оказывался на тропе.

И становился я беспечным,
И во всё горло песни пел,
И разводил костёр над речкой,
И погибать я не хотел!

* * *

Средь мокрых сосен и берёз
Дневной окончен путь,
Огонь костра — мой рыжий пёс —
Бросается на грудь.

И комары, отстав, звенят,
Где мгла встаёт стеной.
И непогода в круг огня
Не входит вслед за мной.

Мои дорожные костры —
Их всех не перечесть!
Они на хлеб и соль щедры:
Согрейся — место есть!

Здесь неуместны крик и шум,
Простая речь мудра.
Как много всяких чёрных дум
Я сжёг в огне костра!

А за спиной мрачнеет мгла,
И непогода злей.
Ложатся пепел и зола
На золото углей.

Ложится тьма на весь простор.
Но тьме ночной назло
Я разведу такой костёр,
Чтоб было всем светло!

Но если мне не хватит сил
Для этого костра —
Кому-нибудь да я светил
Хотя бы до утра!

* * *

Ещё не все проталины просохнут,
Не все ручьи исполнят гимн весне,
И почки лопаются. Кажется, оглохнут
Зверьё и птицы в нашей стороне.

И тёплый ветер запоёт в ветвях,
И льдины заворочаются глухо...
Не на телеге и не на санях —
Пешком уйдёт от нас зима-старуха.

Едва ли в жизни что-то переменим мы.
И даже, может, в собственной судьбе.
Так мало, друг мой, думаем о времени,
Так много говорим мы о себе!

МОИ ГРЕХИ

Да, грешен я! Сейчас и в прошлом.
Бывал заносчивым и пошлым.
Частенько врал и жаждал славы.
И левым был, и был я правым.
Другим завидовал порой.
И не за всех стоял горой.
Труду предпочитал веселье.
Всегда любил хмельное зелье.

Ещё не враз прощал обиды.
И грешной плоти зов постыдный
В любой час ночи или дня
Не оставлял нигде меня!
Но всё ж чрезмерно наказанье!
Когда теперь я со слезами
Молю напрасно об одном:
Чтоб всё, что было, — было сном.
Увы, не сбудется такое...
Вовек не будет мне покоя!
И это лишь в конце утешит —
Я и в хорошем был замешан:
Не предавал, не убивал,
Упавшим руку подавал.

ТЕНЬ НА АСФАЛЬТЕ

Весной деревья в городах калечат:
Им спиливают кроны. И они
Стоят, как будто выросшие пни,
И долго шелестеть им будет нечем.

До их цветенья, может, доживу.
А вот деревья вряд ли все воскреснут...
И всё-таки увидеть интересно,
Как пни опять оденутся в листву.

Зазеленеют кроны, как шары.
В цветах и листьях запорхают птицы.
В конце концов придётся согласиться,
Что всё же люди иногда мудры.

Но вдруг однажды я увидел тень
От тополя без веток на асфальте.
Обрубки он воздел, как в Бухенвальде,
Как будто вместе с ним попал я в плен!

Запечатлённый на асфальте крик
Услышал я, хоть дерево безмолвно.
И мудрость не бывает безусловной,
Как и не всякий замысел велик.

У НОЧНОГО КОСТРА

Млечный Путь подобен тракту —
Ночью звёздами искрит.
Солнце — атомный реактор —
Миллионы лет горит!

И верны своей орбите
Все планеты. Сколько их!
Словно шарики на нитях.
Во Вселенной кружит вихрь!

В этом мире необъятном —
Как песчинка шар земной.
Что творится — непонятно —
В чёрном небе надо мной?

У костра в глухую полночь
Философствовать легко.
Кто же нам придёт на помощь?
Бог? — Он очень высоко!

Искры, звёзды, как в балете,
Словно музыка кружит.
Без меня ещё столетья
Продолжаться будет жизнь.

Я, пожалуй, успокоюсь.
Буду с Вечностью скромней.
Старым ватником укроюсь —
Звёздный сон приснится мне.

* * *

Здесь рельсов не было и этой будки.
Случайный взрыв — и пять ребят...
И голубые, словно незабудки,
Железные надгробия стоят.

На станции вагоны тормозят.
Пришла пора дождей и сенокоса.
И облака тяжёлые скользят.
Скрипят по-журавлиному колёса.

Бор выступает сумрачно и мглисто.
И близко так проходят поезда!
Лишь кое-кто из старых машинистов
Подаст гудок прощальный иногда.

Пусть станция забудется в веках.
И за оградой травы одичают...
Но женщины в старушечьих платках
Сюда приходят в тихий час печали.

Здесь смерть не та и даже жизнь не та...
Выходят звёзды ночью из колодцев...
Торжественно сияет высота
Над кладбищем первопроходцев!

* * *

И любовь мне — святая,
Да на годы вперёд!
Как луна молодая,
Свет свой в окна мне льёт.

И такая забава
Кружит душу мою...
Слаще мёда отраву
С горькой горечью пью.

Утопает в стакане
Мой задумчивый взгляд,
А со дна пузырьками
Луны, луны летят.

РОССИИ

...Печаль моя светла.

А. С. Пушкин

Одно лишь знаю я прекрасно —
Что тьма мне в душу не вошла.
Пусть звёзды в небе не погаснут,
Когда печаль моя светла!

Пусть травы вянут в одночасье
И ветру клонится ветла.
Какое может быть несчастье,
Когда печаль моя светла?

Я всё на свете расколдую,
Жизнь распахну, как два крыла.
Россия, о тебе тоскую,
Когда печаль моя светла.

И, может быть, за чёрной гранью,
Где нет добра, где нет и зла...
С последним сердца замираньем
Скажу: «Печаль моя светла».

* * *

Всё реже проносятся ястребы.
Кончается лето добром.
И двор, зарастающий ясенем,
Вдруг станет монетным двором.

И листья тяжёлые, жёлтые
Однажды замёрзнут в ручье...
Всё лето — как долго — я шёл к тебе!
И вдруг оказался ничей...

Ни твой, ни чужими потерянный.
А всё-таки был я твоим!
На льдине, причалившей к берегу,
Оставлено место двоим...

Но только не ты и не я уже
Условностей не перейдём —
На Енисее и Яузе
Останемся нынче вдвоём.

Мы к югу с тобой не потянемся,
И, вымыслам злым вопреки,
С тобой зимовать мы останемся
У той и у этой реки.

* * *

Какой неизъяснимой прелести
Были свидания полны!
Дом в тополях стоял, в их шелесте.
И были комнаты темны.

Дом не от солнца занавешивался.
Он вырос попросту в саду.
И над трубою тополь свешивался.
Всё это было в том году.

...Был запах в комнате его —
Как в деревенских магазинах:
Игрушек, пряников... Всего
Слышней был запах керосина.

С горой пластинок патефон
Какой-то заграничной фирмы,
Картинки, деньги всех реформ
И шаткость театральной ширмы.

И с улицы был слышен гам,
Шум происшествий.
Моей любви приют и храм —
Всё это называлось вместе.

Я прочитал поэтов здесь...
О них в учебниках — ни слова!
Теперь, я слышал, они есть,
Хоть начинай учиться снова.

Ходил в тот дом по вечерам
Из госпиталя к нам военный...
Без орденов. Был только шрам —
Солдат, увы, обыкновенный.

По мне, добрейший был солдат.
Ты говорила зло, упрямо:
«Ну как тебе не стыдно, мама!»
И мы с тобой бежали в сад.

Я рано понял гордость слёз
Твоих. И горечь материнских.
А вот солдат любил всерьёз,
И я мирил, а он мирился...

Тот дом давно пошёл на слом.
На месте том разбиты клумбы.
Я постоял бы за углом...
Я лишь взглянул бы...

* * *

Вадиму Новосёлову

Сюда июнь приходит, как пожар,
Как непредвиденный, внезапный случай.
В немом восторге облака кружат,
И вдруг неожиданно наплывают тучи.

Припадаю к земле — высоты не набравший:
Как темно на душе! Но всё залил окрест
Свет луны, восклицательным знаком упавший
На озёрную гладь из высоких небес...

* * *

Я о тебе бы вспомнить мог
(Как поздно это делаю!).
Сирени ветвь, как эскимо,
Холодная и белая.

Сирень течёт по рукаву,
Вся от жары растаяла.
Ах, как я правильно живу,
Хоть ты меня оставила.

А из озёр, из всех зеркал
Одно и то же вижу я:
Сирень, как я и предрекал,
Под мальчика подстрижена.

Стоит июль в Москве, в жаре,
Как солнца, жгутся луны.
А я всё в нашем декабре,
А ты в своём июне.

* * *

По дороге едем древней.
Шин следы — как две косы.
Всё деревни, всё деревни
Подмосковной полосы.

Всё дымы, всё тучи близко.
Речка — линией судьбы.
Всё мелькают обелиски,
Как дорожные столбы.

* * *

Дождь весенний — как завеса:
Был — и нет, уйдёт, ворча.
Гром. И радуга над лесом
Вспыхнет бровью косача.

Небо всё нальётся светом,
Засверкает горячо.
Посмотри на всё на это —
И не думай ни о чём.

Не ищи на всё ответов —
Всё равно их нет на всё.
Верь, что скоро будет лето,
Всё травую порастёт.

На дворе такое время!
Вся-то радость, что весна,
Да ещё — что ты со всеми:
На миру и смерть красна!

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Видны они как на ладони,
Берёз табуны на лугах.
Пасутся зелёные кони
На белых высоких ногах.

Но, к городу крепко привыкнув,
На жительство в нём обречён,
Я их на заре не окликну
И громко не щёлкну бичом.

Однажды в Москве на Неглинной
(Как будто и нету родней)
Губой в волосках, как малиной,
Вдруг конь потянулся ко мне.

Но я замечаю, как редки
Те ночи, когда я во сне
Верхом на берёзовой ветке
Скачу, как на белом коне.

* * *

Не мучайся напрасно — ни к чему,
Но радуйся и чаще удивляйся.
И, доверяясь сердцу и уму,
Под свод высоких мыслей удаляйся.
Там, словно в храме,
Гулкий полумрак,
Но свет луча так озарённо ярок!
Пойми, обдумай, что ты делал так,
А что не так...
И выйди из-под арок...
Туда, где жизнь, туда, где суета,
Туда, где провода гудят и пчёлы
И где, я знаю, смещена черта
Между мгновений грустных и весёлых.

Возьми себе, что сердцу твоему
Созвучно, и в дорогу отправляйся,
Под свод высоких мыслей удаляйся,
Чтоб сделать то, что Бог дал одному.

СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

Сумасшедший дом.
Чей-то крик и стон.
Пенье слышится в нём
Нестройное.
Но всё дело в том,
Что не болен он, —
Лишь больные в нём
Беспокойные.
Сумасшедший дом.
Здесь в сознание — тьма.
И хаос царит в подсознании.
Сумасшедший дом
Не сходил с ума,
Сумасшедший дом —
Просто здание.
Санитары в нём —
Каждый дурачком,
Проявить свою силу любящий.
Сумасшедший дом.
Ночью свет, как днём, —
Черти все видны как на блюдечке!
Сумасшедший век.
Всё вверх дном кругом.
И от этих слов
Веет родственным...

Сумасшедшее
Мы, наверно, всех —
В доме собственном!
Разрази всё гром!
И не всё ль равно?
И кому нужны эти должности?
Сумасшедший дом.
Как ни грустно, но
В нём соскучиться нет возможности...

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Я увидел в толпе,
как плетётся соседская бабка
Под лучами весенними
в зимнем тяжёлом пальто.
На газонах уже спят
на травке зелёной собаки.
Улыбается бабка стальным
ослепительным ртом.
Вдаль идёт не спеша,
опираясь на красное древко.
Помогает идти ей вперёд
этот странный батог.
Заводской комсомолкой
когда-то была она в девках.
От партийного членства
сумел уберечь её Бог.
Ей шестая статья в Конституции —
место пустое.
Бабка верила в Сталина свято,
без всяких идей.

А состарилась медленно
в долгие годы застоя.
И давно перестала молиться
она на вождей.
Тихо бабка идёт
в суетливой толпе меж домами.
А на крышах порою горит:
«Наша цель — коммунизм!»
И на сломанном древке
всё видится красное знамя,
Но своим остриём
это древко опущено вниз.
Никакого кощунства!
Идёт себе с древком бабуся —
Знаменосец без знамени.
Не в чем бабусю винить.
И зачем вспоминать ей
о «чёрных марусях»?
Нету «чёрных марусь» —
по-другому зовутся они...

* * *

Не насмотришься... Всю дорогу
Пропадаю я у окна.
И, казалось бы, видел много.
И знакома мне сторона.

Нет! Всё надо увидеть снова,
Словно в прошлое воротясь,
Словно нету пути иного,
Как в кольцо дорога свилась!

Пять минут остановка... Поезд
Весь цветами набит битком.
Заволнуюсь и успокоюсь —
Не бежать мне за кипятком.

В окнах с места столбы вдруг стронутся.
Рельсы дальше ехать велят.
И подсолнухи — дети солнца —
Фестивалем цветут в полях!

ШУТЛИВОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОМЕТ

Наблюдая кометы полёт,
Очень трудно такое представить:
Это просто космический лёд.
Под воздействием солнца он тает.

И пылающий огненный хвост —
Отражённое испарение,
Ярче даже полуночных звёзд —
Свет такой, словно в день творения!

Объяснить суть явления легко,
Пусть учёным не будет в обиду:
Это атомный наш ледокол
Вместе с льдиной ушёл на орбиту!

От Дудинки он стартовал,
А у полюса в космос ворвался!
Может, что-нибудь я и приврал —
Грешен, но для науки старался!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КИНОАКТЁРУ ЮРИЮ ДУБРОВИНУ

I

«Есть так хочется — больше, чем жить!» —
Декламирует Юра Дубровин.
Пристаёт он ко мне: «Ты скажи,
Почему этот мир так устроен?
Ведь богаче нас даже вахтёр!»
Мы с ним ВГИКовцы, оба студенты:
Сценарист я, а Юра — актёр.
В перспективе — рабы киноленты.

II

Он заслуженный в Киеве, где —
Несмотря на талант и на звание —
Вновь на хлебе он и на воде,
И больной, хоть проси подаяние!
Я с кино не поладил и жил
И живу, пробавляясь стихами.
Даже песни попутно сложил,
Но они очень быстро стихают.
Спонсор может и музу купить.
Коммунизма не будет — уж точно!
Вот приходится небо коптить,
Умирать не хочу я досрочно.
В подтверждение братской любви,
Юрий, я говорю: в этом мире
Ты, как Зельдин, сто лет проживи!
Я, как Красный, хочу сто четыре!
И хоть нету в коммуну пути,
Слов не выкинуть из этой песни.

Паровоз его всё же летит.
Красный нам этой песней известен.
Юра, будем, как прежде, дерзать!
Вот и всё, что хотел я сказать.

* * *

Анжеле

Не волны за кормой,
а дни бегут,
Теряясь где-то
в сумрачном просторе.
Порою так
штормит на берегу!
И этот шторм
куда страшней, чем в море,
Когда земля
уходит из-под ног,
И тяжесть горя
тяжелей всех гирек,
И больше нету
впереди дорог,
И это горе
не отпустит с миром:
Его утратой
близкого зовут.
И с этой болью
справится не каждый,
Когда уже
не исцеленья ждут,
А смерти, словно
избавленья, жаждут.

Штормит.

Земля уходит из-под ног.

Я падаю.

И рядом нет опоры.

Но не хочу роптать я —

видит Бог!

Хоть оживу, наверное, не скоро.

ПО ДОРОГЕ К ТЕБЕ

По дороге к тебе

Всех потерь не упомянуть,

Всех случайных знакомств

И безрадостных встреч...

Вновь над нами с тобой

Разгорается полдень.

От палящих лучей

Как тебя уберечь?

По дороге к тебе

Поседел я от пыли,

И потрескались губы,

Стал голос грубей.

И глаза, что сияли

И синими были,

Отцвели на ветрах

По дороге к тебе.

Существует она —

Память сердца, наверно,

Не остынет с годами,

Не станет слабей.

Не твоя красота,

А любви нашей верность

Охраняла меня

По дороге к тебе.

И ни слёз, и ни слов
Нам с тобою не надо.
И о том, что минуло,
Не надо скорбеть...
Лишь закрою глаза,
Хоть со мною ты рядом,
Начинаю идти
По дороге к тебе.

НИЖНИЙ ИНГАШ. МАРТ

Этот мрачный район,
Где лишь птицы свободно порхают,
Где на лесоповалах
Конвой охлаждает азарт.
Над снегами всё утро
Такая заря полыхает!
Что не хочется верить,
Что всё ещё тянется март.

Как-то слишком ленивы,
Совсем не торопятся сроки.
Но ведь будет весна,
Если бродит туман по ночам.
Тают пашни, пестрят —
Словно это слетелись сороки
И расселись, чтоб не было
Места прилётным грачам.

Март. И, словно душа нараспашку,
Распахнуто небо.
Март. И солнце горит...
На сугробах оплавился снег.

Март. И взгляд по тайге
Выбегает на каменный гребень.
Март. И облако белое
Парусом манит в побег.

...От сумы да тюрьмы
Застрахованным быть невозможно.
Но пока ни сума,
Ни тюрьма впереди не грозят...
И плацкартный вагон
Обеспечен моей подорожной —
Так что пули охраны
В погоне меня не сразят.

...Только грустно порою
На этих просторах огромных.
Столько леса пошло на бумагу,
Чтоб пухли тома
Политических дел, и доносов,
И дел уголовных, —
Столько леса пошло —
Вся Россия была б в теремах!

В этом мрачном районе,
Пропахнувшем пихтовым маслом,
Где, как мёртвая память,
Стоят безымянные пни,
Через эти леса, через вышки
Кричу я напрасно:
«Как же так?» ... И в ответ
Ночью ветер качает огни.

* * *

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор...

Н. Гумилёв

Столько зла и столько горя!
Может, потому
Тесно даже на просторе
Сердцу моему?

Всё куда-то улетаю,
Всё стремлюсь в полёт.
Что меня теснит, не знаю,
Даже над землёй.

Тесно сердцу отчего-то,
Всё оно болит.
Не спасают самолёты
И ни корабли.

Только знаю, что поляна
Есть в бору сыром.
Там просторно сердцу станет,
Там мой отчий дом.

Я зажму рукою рану,
Получивши весть,
Что давно уж нет поляны,
Бор погублен весь!

Мне от волн морских не легче,
Ни от синих гор.
Нет! Мне сердце не излечит
Голубой простор.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Март истаял. Час заката розов.
Галки громко возле гнёзд галдят.
Склоны гор ещё в снегу. Берёзы
В лунках, словно саженцы, стоят.

Хоть ручьи ещё не зазвенели,
Но под снегом — талая вода.
Завтра будет первое апреля.
Пусть меня обманут — не беда!

Не страшны мне мелкие потери,
Раз больших давно уж не боюсь.
Что ни скажут — я во всё поверю,
Над собой с другими посмеюсь.

С полосой заката убывая,
Тихо март уходит, не спеша...
Я прошу: живи, не остывая,
Подержись ещё во мне, душа!

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Константину Сенченко

Пусть всюду власть неверия и зла,
Пусть вековые рушатся устои —
Спешите делать добрые дела!
А это вряд ли самое простое...

Велик соблазн довольства и утех,
Сиюминутной славы и гордыни.

Не поучиться лучше бы у тех,
Кого в России помнят и донине

За добрые дела? Хоть сотни лет
Прошло... Они не будут позабыты,
Несущие неугасимый свет,
Пособники свершений и открытий!

Пусть славный путь не всем судьба дала.
Как о себе, о ближнем беспокоясь,
Спешите делать добрые дела!
Ещё не вечер. Не ушёл ваш поезд.

* * *

В. Сальникову

Как всегда, на упрёки в молчании
Я в ответ однозначно молчу.
Не хочу я кричать от отчаянья,
Потому что кричать не хочу.

Говорят, что молчание — золото...
Но не платят, увы, ни гроша...
Хорошо, что не выгляжу молодо,
Хорошо, что живу не спеша.

Сердце всё же порядком изношено
(Столько в нём похоронено строк)...
Много я написал бы хорошего,
А плохого и больше бы смог.

* * *

Людмиле

Как спорить мне с твоим характером?
А обмануть — пойти на риск!
Так под работающим трактором
Услышит кошка мышки писк.

И потому с тобою рядом
Хочу соврать, да не могу.
И говорю одну лишь правду —
Своё здоровье берегу!

ОТКРОВЕНИЕ

Евгению Попову

Чутко дремлет река
под туманом белёсым.
На крутых берегах
притаились леса.
Нет луны и в помине.
И спрятались звёзды.
И ничьи не слышны
в этот час голоса.
Так тревожен покой!
Никакого забвенья...
Только угли видны
в догоревшем костре.
Как же мучит меня,
как гнетёт откровенье,
Что почти избавленьем
покажется смерть!

Словно жизнь я давно
и несправедливо прожил.
Потому и печальными
будут слова.
Без вины — виноват,
только выйдет всё то же:
Как всегда — я не прав,
как всегда — ты права.
Унижая тебя,
упаду на колени.
И, прощенья моля,
от обид отрекусь.
Как же мне пережить
страшный миг откровенья?
Я его, как греха,
откровенно боюсь!
Пусть он мне и во сне
никогда не приснится.
Тишина...
Подевался куда-то рассвет.
Посчастливилось здесь
мне когда-то родиться...
И России другой,
к сожалению, нет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Мещеряков. Бессмертие</i>	3
Россия	15
«По морю зимнему — след синий...»	15
Птицы над водой	16
«В малины вязаную шапочку...»	17
«Весна. Петух поёт с завалины...»	17
«Над мартовским лесом...»	18
Славолю я Христа	19
Грустные мотивы	20
Осеннее поле	21
«И облака с узорной тенью...»	22
«Как много горестных замет...»	23
Возвращение	24
Первомай	25
Гарнизон	26
Вот и прошла пора моих дождей	26
«Классический русский пейзаж...»	27
«Вода проточит камень...»	28
«Какие я травинки не покусывал...»	29
Прощанье с летом	29
«Как долго я дома не был...»	30
«Пока я над стихами плачу...»	31
«И зацветают мхом ворота...»	32
«Я мог в те недолгие годы...»	32
«Твой рыцарь по-прежнему в латах...»	33
«Мне расставаться — хуже плахи...»	34
Размолвки	34
Берёзы	35
Кедры	35
В вагоне	36
«Здесь, пожалуй, любой отчаётся...»	37
«Рядом, у окна, стоят деревья...»	37
Новый храм	38
Печаль	38
Странники	39
Хозяин	40
«Только сердце памятью я трону...»	40

Театр.....	41
«Пусть время движется вперёд...»	42
Земля.....	42
«Печально дни мои шумят...»	43
«На грани между тьмой и светом...»	43
«И комаров, и дым относит ветер...»	44
Романс	45
Ангелы-хранители	45
Просёлок	46
На уток открыта охота	47
«Блины не выходили комом...»	47
Там, где даль перешла в бесконечность.....	48
Не торопитесь уходить	49
Судьба	50
«Где беда случится...»	51
Каменные бабы.....	52
Морозный день	53
Впереди Казачинский порог	53
Землетрясение.....	55
Петербург	55
Енисейск. Декабрь	56
Уехала стройка.....	57
На ладонях моей земли	59
«Перед закатом розовеют...»	59
Ночные тёмные дожди	60
«Замирают дремотные дебри...»	61
Зной июльский	62
Дверь	62
«Словно кто-то сапогом...»	63
Обещанье	64
Из гостей	65
«Дорога тянется издревле...»	66
«Когда как белка в колесе...»	66
Ночная переправа	67
Дорожное.....	68
«Пусть снегом последним кусты припорошены...»	69
«Июль. Вода доверчиво...»	70
«Ни высокого неба...»	70
«Калиною, малиною...»	71

Читая Гоголя.....	72
«В одном иллюминаторе — луна...»	73
Фантазия	73
Поле детства.....	74
Лень.....	75
«В окне силуэт всё темней...»	75
Любовь.....	76
«В таёжной избушке, глухою порою осенней...»	77
«И вот опять рождённым в марте...»	77
Державину.....	79
«Проседают под снегом крыши...»	80
Поэт и птицы.....	81
Памяти Бориса Корнилова	81
Неотправленные письма	82
Заботы.....	83
Дороги России	84
Первый пар	84
Ожидание	85
Камни	86
Читая Пушкина.....	87
Встречные поезда.....	88
Маяковский	89
Возле храма	90
«Рамка чёрная страшна...»	91
Двор.....	92
Крик	93
«Зимним небом к земле...».....	93
Сени.....	94
Сонет.....	95
Марьины корни	96
«Я иногда бываю мрачным с виду...»	97
Памяти Николая Клюева	97
Душа.....	98
Выступление в школе	99
Детство.....	99
Воспоминание	100
«И, как всегда, в предчувствии беды...»	101
Весна в деревне	102
Ладони	103

«Я устаю за пауком следить...»	103
Масленица	104
Крест	105
«А может, оваций не надо?..»	107
«Сшей мне, мама, такую рубаху...»	108
Старик	108
Тоска	109
«Нет, я не жду подарков от судьбы...»	110
Страшилка.....	110
Старики	111
Автовокзал. Канск	112
«От деревеньки безвестной...»	113
Рыбак.....	114
Ну прямо беда.....	115
Расплата	115
Движение	116
Ветер.....	117
Встреча	118
По дороге к дому	119
«Перед тем моросило, и мокла...»	120
В Михайловском	121
Ночная метель.....	122
«Видел много. Помнится — немного...»	123
Парóм	123
Благодать	124
Снимок.....	125
Первые стихи	126
«За золото мне серебро давали...»	127
Зелёная дорога	127
Дед на охоту не пошёл	128
Внизу опавшие сады.....	129
«Отгорят на западе закаты...»	131
Картошка	131
«Страда... И в такой круговерти...»	132
«Два зеркала я помню: самовар...»	133
Овсянка	133
«К воде припавший лист опавший...»	134
«Я путешествую — чуть лето...»	135
Аллегория	136

У памятника Пушкину в Москве	138
Март в Туруханске	139
Зарисовка	140
«Крыла́ зачёркнуты винтами...»	141
Смута	141
«Чем бы новым в жизни ни повеяло...»	142
Весна в России	143
Таёжная река	143
«Осенний день проходит бестолково...»	144
«В тайге, на берегу реки...»	145
«Всё ниже спускается солнечный шар...»	146
Предимье	146
«Над речкой горел разноцветный закат...»	147
Иконы	148
В полях	148
Грустная мысль	149
Искушение	150
Предимнее настроение	150
«Осенние заботы...»	151
«Стоит скала, как храм, над быстрой речкой...»	152
Самолёты	154
Похвала	155
«Стеклянный звон, фонтаны льда над руслом...»	155
«Садятся птицы на́ воду...»	156
Утро	157
Перспектива	158
Первый снег	159
Сквозь призму времени	159
Декабрьский вечер	160
Святки	160
Сон в летний день	161
Полдень в степи	162
Проводы	163
«Над странной прихотью случайных настроений...»	163
Милость	164
«Глухие поляны лесные...»	165
Тебе	165
«Полупочтенный»	166
Зной	167

Одуванчики	168
«Ах, как мне хочется лететь куда-нибудь!..»	169
«Осенние мотивы, как ни жаль...»	169
Яр.....	170
Счастливый билет	170
«Куда? От кого? И зачем я бегу?..»	171
Сибирский тракт.....	171
Трофейная гармошка.....	172
«Свет мелькает: то там, то здесь он...»	173
«С водой речной, с водой озёрной...»	173
Ночные страхи	174
«Сначала вечер тени намечал...»	174
Провинция.....	175
Граница.....	176
Краски Сибири	176
Небо	177
Утренний пейзаж.....	178
«Июля уход неистовый!..»	178
Что июльский день творит.....	179
Чайка на Енисее	180
«Никуда меня не зови...»	181
Случайный луч.....	181
«Я снова вижу тебя такой...»	182
Вечернее поле	183
Закат в степи	183
Степь.....	184
Деревенский сад	184
Скорбь.....	185
Приглашение к путешествиям	186
Пробуждение	187
Облака.....	187
Вечерние огороды	188
«Снова я к тебе вернулся...»	189
Молитва	189
«Опять погоды перемены...»	189
«Ко двору я здесь едва ли...»	190
Сомнения.....	191
Ундина	192
Июльский сад.....	194

О павшем без вести отце	195
В больнице	195
Утро июля.....	196
Курортная скука	197
«Что творится во мне?..»	197
Кони	198
Многоэтажки	199
Реквием.....	200
Вожди	200
Виденье	201
Памяти Николая Мещерякова	202
Рыцарские турниры	203
Юный прапорщик Гринёв	203
Певчие птицы.....	204
Гроссмейстер.....	204
Мы ставим опоры	205
Балет	206
Осеннее утро.....	206
Я жил на площади Восстания	207
Гроза в сентябре.....	208
Думы в Переделкино	209
Тёточка Надя.....	211
Ночная Москва	212
Над рекой Маной	213
«Я всю ночь напролёт...»	214
Азиатка	215
Зверинец	216
Горечь	217
«Земля почти на метр промокла...»	218
Прощение	218
Омут	219
Улыбки	221
«Пока ещё не пройдена дорога...»	222
Ледоход	222
«Догорает недолгое лето...».....	223
Жалобы	223
Любви волнение	224
«Места настолько мне знакомы!..»	225
У картины В. И. Сурикова «Взятие снежного городка» ..	225

Вспоминая Некрасова	226
«Поддавшись первому порыву...»	227
«Смирились люди с этим фактом...»	228
Аника-воин	229
«Вставайте, граф!»	230
«Всё вокруг перед грозой немеет...»	231
Пасхальное утро	231
Воробей	232
У моря	233
О чувствах	233
Ижоры	234
Ночная гроза в августе	234
Дети войны	235
«Давай сыграем в кошки-мышки...»	236
«Нет ничего милей уюта!..»	236
Бесконечность	238
Ночлег в степи	239
Белый цвет, чёрный цвет	240
Лесостроители	241
«Узоры вспыхнут вновь в окне...»	242
Слон в посудной лавке	242
«Что не понять умом Россию...»	243
Стрекоза	243
«Помню я крещенские морозы...»	244
Нива	245
«И вот утихли разговоры...»	246
Домашнее тепло	246
На заре вечерней	247
«Земля — клубок: бери, отматывай!..»	248
«Я замёрзну, как птица в мороз на лету...»	248
Memento mori	249
Амбиции	249
Во сне и наяву	251
«Жизни нить свивает пряжа...»	251
Ни дня без строчки	252
Наставление	253
Богема	254
Пожар	254
«А меня поведут на плаху...»	255

Идея	256
Уездное	257
Моя Москва.....	258
Мыльные пузыри	259
К поэту	260
Нос майора Ковалёва	261
«Опять укрылось солнце в тучах...»	261
«Звучал, взлетая, голос звонкий...»	262
Бессмертие.....	263
«Ночь опять в метельном белом мраке...»	264
Орлан	265
«Закат уже úбыл...»	265
Неоконченное стихотворение.....	266
«За пять минут до ливня...»	266
Портрет	267
«Опять перемела метель мою дорогу...»	268
«Что знаю я о жизни сладкой?..»	268
«Только тени полночного сада...»	269
«Как невесомо всё! И слава Богу...»	270
«Сотня лет... Просто сто годов...»	271
«Ночь такая, какой не будет!..»	271
Вернёшься в этот дом.....	272
Зима	273
Дудинка. Оттепель	273
В этих тихих местах	274
«Так ослепительно текла река...»	275
«И вдруг придёт такая строчка...»	276
Новый ковчег	276
Степановка	277
Трасса	278
Бомбардировщик	279
В тайге	280
«В местах я этих — свой!..»	281
Брошенный дом	282
Шторм.....	283
«Под вечер выйдешь из вагона...»	284
Суета.....	285
«Таёжная лосиная тропа...»	285
Зимним днём.....	286

«Такое дело непростое...»	287
Первая моя библиотека	288
Летний ветер	289
Патриотическое	290
Картинная галерея	291
«На улице солнце весеннее светит...»	292
Храни меня, мой ангел терпеливый	292
Закат.....	293
Цветы брусники.....	293
Раздумье.....	294
Маме	295
«Холсты пусты. Художник...»	296
Перед грозой	297
Скрипичный концерт	298
Жара, лень.....	299
Звери	300
«День сквозь деревья смотрит, как сквозь пальцы...» ..	301
Сенокос	301
После выступления	302
Карета прошлого.....	303
Жизнь	304
Чужая боль	305
«Костёр тот виден еле-еле...»	305
«Лесная сторона...»	306
Вечер со свечами	307
Чёрный юмор	308
Райская жизнь	308
«Апрель. В лесу воробн возня...»	309
«Замрёт и оторвётся лист...»	310
«Нет, я не верю в чудеса!..»	311
Встреча фронтовика	311
«День декабря был белым снегом вышит...»	312
Без фантазий нельзя на реке	313
«Тайга, тайга — как отрешенье...»	314
«Средь мокрых сосен и берёз...»	315
«Ещё не все проталины просохнут...»	316
Мои грехи	316
Тень на асфальте	317
У ночного костра.....	318

«Здесь рельсов не было и этой будки...»	319
«И любовь мне — святая...»	320
России.....	320
«Всё реже проносятся ястребы...»	321
«Какой неизъяснимой прелести...»	322
«Сюда июнь приходит, как пожар...»	323
«Вновь из точки луны восклицательным знаком...»	324
«Я о тебе бы вспомнить мог...».....	325
«По дороге едем древней...»	325
«Дождь весенний — как завеса...»	326
Сергею Есенину	326
«Не мучайся напрасно — ни к чему...»	327
Сумасшедший дом	328
Весенний этюд.....	329
«Не насмотришься... Всю дорогу...»	330
Шутливое объяснение происхождения комет	331
Открытое письмо киноактёру Юрию Дубровину	332
«Не волны за кормой, а дни бегут...»	333
По дороге к тебе	334
Нижний Ингаш. Март	335
«Столько зла и столько горя!..»	337
Первоапрельская шутка.....	338
Спешите делать добрые дела	338
«Как всегда, на упрёки в молчании...»	339
«Как спорить мне с твоим характером?..»	340
Откровение	340

Сдано в набор 18.02.2019. Подписано в печать 19.06.2019.

Гарнитура Школьная Книжная. Формат 60×84¹/₁₆.

Усл.п.л. 20,53. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 100 экз. Заказ № 170.

Изготовлено в типографии ИП Феньков С. С.

ОГРН 304246333500051, 660022, Россия,

г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 18

Тел. (391) 294-85-78, 214-28-68, 229-52-51

Е-mail: info@semycvet.ru

Официальный сайт: <http://www.semycvet.ru>